

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

Родной язык

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№1 2026

Москва, 2026

ISSN 2313-5816
DOI 10.37892/2313-5816-2026-1
УДК Баркова 811.512.157
Виняр 811.551.1
Шведова 811.411.172
Мухин 811.351.33, 811.351.22
Рудницкая 811.512.212
Мудрак 811.512.1
Экба 811.512.141
Молданова 811.511.142
Муслимов, Ульяницкая 811.511.11
Халилова 811.351.19

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В. М. Алпатов, [М. Беерле-Моор], А. В. Дыбо,
А. А. Кибрик, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, П. Бокале, Т. Виер, А. Вио,
В. Ю. Войнов, К. Т. Гадилля, К. Д. Гаррисон, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак,
Ю. В. Псянчин, М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, Л. Уэйли, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер*

Ответственный секретарь Ф. А. Садковский

Редактор Т. О. Майская Верстка А. А. Маженова

*Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии
Тел.: (495) 956-64-46*

*Интернет-сайт журнала: <https://rodyaz.ru>
email: editor@rodyaz.ru*

EDITORIAL COUNCIL

*V. M. Alpatov, [M. Beerle-Moor], A. V. Dybo,
A. A. Kibrik, G. Ts. Pyurbееv, M. Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, P. Bocale, D. Erschler, K. T. Gadilia,
K. D. Harrison, M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Voinov, L. Whaley, T. Wier*

Editorial secretary F. A. Sadkovsky

Editor T. O. Mayskaya Typesetting A. A. Mazhenova

*Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334
Tel.: (495) 956-64-46
Internet: <https://rodyaz.ru>
email: editor@rodyaz.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Памяти Марианны Беерле-Моор

In memoriam: Marianne Beerle-Moor..... 6

Проблемы грамматики

Issues in grammar

Л. А. Баркова. К синтаксису клауз
с аспектуальными глаголами в якутском языке

*L. A. Barkova. On the syntax of clauses
with aspectual verbs in Sakha* 9

А. И. Виняр. Выражение погоды в чукотском:
образование основ, инкорпорация и
трансперсональные конструкции

*A. I. Vinyar. Chukchi weather expressions: Stem formation,
incorporation and transpersonal constructions* 59

Е. Л. Рудницкая. Акциональные характеристики
непроизводной основы глагола в эвенкийском языке

*E. L. Rudnitskaya. Actional properties
of an underived verb base in Evenki* 98

Е. Е. Шведова. Морфологический каузатив
в христианском урмийском:
продуктивность и аргументная структура

*E. E. Shvedova. The morphological causative in Christian Urmi:
Productivity and argument structure* 122

Т. Мухин. Anaphoric uses of demonstratives
in Kina Rutul and Mehweb Dargwa

*Т. Мухин. Анафорические употребления демонстративов
в кининском рутульском и мегебском даргинском* 169

Лексикология и лексикография ***Lexicology and lexicography***

О. А. Мудрак. Тюркизмы в русском языке. Статистические данные по этимологии, употребительности и семантике

*O. A. Mudrak. Turkic loanwords in the Russian language:
Statistical data on etymology, usage and semantics* 194

З. Н. Экба. Народные названия растений ориентального происхождения в диалектах башкирского языка (по материалам «Мифологического словаря»

Ф. Г. Хисамитдиновой)

*Z. N. Ekba. Popular names of plants of Arabic and Persian origin
in Bashkir dialects (based on the Dictionary of Bashkir
Mythology by F. G. Khisamitdinova)* 230

Слово народа ***Mother-tongue texts***

И. М. Молданова. «Кӱрәң вой па ай войлә»
[Лось и мышонок]: сказка на среднеобском
диалекте хантыйского языка

*I. M. Moldanova. "Kürəŋ wəj pa aj wəjlə" [The Moose and the Mouse]:
A folk tale in the Middle Ob dialect of Khanty* 249

М. З. Муслимов, Л. А. Ульяницкая. О кабанах,
медведях и волках (текст на нижнелужском
диалекте ижорского языка)

*M. Z. Muslimov, L. A. Ulianitskaia. Text about boars,
bears and wolves in Lower Luga Ingrian* 266

З. М. Халилова. Сказка «Волк и семеро козлят»
на двух диалектах хваршинского языка

*Z. M. Khalilova. The folk tale "The Wolf and
the Seven Little Goats" in two Khwarshi dialects* 289

Хроника Recent events

К. Т. Гадилия. Международная конференция:
«Лингвистический форум 2025:
Перевод Библии как способ сохранения
и развития языка. Традиции и новые подходы»

*K. T. Gadilia. International Conference Linguistic Forum 2025.
Bible translation as a way to preserve and develop languages:
Traditions and new approaches* 310

Л. А. Абукаева. От электронной письменности
к цифровизации языков, или о VII международной
научно-практической конференции «Цифровизация
языков народов России: масштабирование опыта
и перспективы»

*L. A. Abukaeva. From electronic writing to the digitalization
of languages: On the 7th International Scientific and Practical
Conference dedicated to "The digitalization of the languages of
the peoples of Russia: Scaling up experience and prospects"* 324

В. В. Иванов, Е. М. Будянская. Научно-просветительское
мероприятие Института языкознания РАН
«На языках России»

*V. V. Ivanov, E. M. Budyanskaya. Institute of Linguistics
RAS Event "Voices of the Languages of Russia"* 330

Памяти Марианны Беерле-Моор

27 мая 2026 года в Цюрихе на 83-м году жизни ушла из жизни Марианна Беерле-Моор — член редакционного совета журнала «Родной язык», доктор философии, Почетный доктор (Honoris Causa) Российской академии наук, лингвист, кавказовед, специалист по грамматике лезгинского языка, библист и исследователь.

Марианна Беерле-Моор закончила Богословский институт в г. Колдин (Дания), педагогический факультет Фрибургского университета (Швейцария) и факультет языкоз-

нения Цюрихского университета (Швейцария). Во время обучения на педагогическом факультете Марианна Беерле-Моор заинтересовалась народами Кавказа, их языками и культурой, и особенно лезгинским языком. Такой научный и личный интерес побудил ее получить лингвистическое образование. В те годы она мечтала побывать в Дагестане, в течение десяти лет пыталась добиться разрешения посетить Советский Союз, но это удалось осуществить только в 1990 г., во времена перестройки. Марианна регулярно переписывалась с лезгинскими учеными из Махачкалы, получала от них аудиокассеты с записями лезгинской речи.

В 1979 г. в Турции она познакомилась с представителями лезгинского народа и приехала в лезгинское село на западе Турции. Со слов самой Марианны, она «нашла, потому что искала, а искала, руководствуясь двумя желаниями: как лингвист я хотела заниматься одним из удивительных языков Кавказа, а как христианка — хотела, чтобы Библия была переведена еще на один язык». Так началась ее работа над изучением глагольной системы лезгинского языка и переводом Библии на лезгинский язык. Перевод Библии стал делом всей ее жизни.

В 1984 г. М. Беерле-Моор защитила диссертацию на тему “Studien zum lesgischen Verb” (Исследования по лезгинскому глаголу), которая вышла отдельным изданием в 1985 г.

С 1997 по 2013 г. Марианна Беерле-Моор руководила Институтом перевода Библии в Москве. Она была человеком, во многом определившим лицо Института в России, сформировала не только направления работы, но и саму атмосферу общей жизни Института, который объединял людей разных национальностей, разных вероисповеданий, живущих по всей России и в других странах.

Развитие и поддержка языков России и сопредельных стран всегда были одним из приоритетов деятельности Марианны Беерле-Моор. Под ее руководством Институт перевода Библии совместно с Институтом языкознания РАН проводил научные конференции по проблематике перевода Библии и развития языков (1996, 2000, 2008 гг.). Она также

поддержала идею М. Е. Алексеева создать журнал «Родной язык», первый номер которого вышел в 2013 г.

После ухода с поста директора Института перевода Библии в 2013 г. Марианна продолжала трудиться как консультант в лезгинском проекте, с которого когда-то начинался её путь в переводе Библии. В апреле 2026 г. она приезжала в Махачкалу на последнюю консультацию перед началом подготовки полной Библии на лезгинском языке к изданию.

Марианна Беерле-Моор была инициатором издания полиглотт с библейскими текстами («Рождество Иисуса Христа: Евангелие от Луки 2:1-20 на 80 языках народов СНГ», 2000 г.; «В начале было Слово: Евангелие от Иоанна 1, 1-17 на 76 (80) языках», 2008, 2011 гг.). В последнее время она работала над изданием «Отче наш» — собранием молитвы Господней на более чем 100 языках с обширным научным аппаратом (с транслитерацией и глоссированием). В преддверии выхода этого издания один из номеров журнала «Родной язык» (1, 2019) был посвящен сравнительному лингвистическому анализу переводов «Отче наш» разных авторов и разных эпох, а также историческому обзору некоторых переводов «Отче наш».

Труд Марианны Беерле-Моор внес неоценимый вклад в дело перевода Священного Писания на языки народов России и сопредельных государств и в развитие этих языков. Все, кому довелось работать с Марианной, будут вспоминать её с большой благодарностью и теплотой!

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-6-8

К синтаксису клауз с аспектуальными глаголами в якутском языке¹

Любовь Алексеевна Баркова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

lovechan@yandex.ru

В статье исследуется синтаксис конструкций с аспектуальными глаголами в якутском языке. В таких конструкциях есть два предиката: лексический глагол, который стоит в форме конверба, и аспектуальный глагол, который передает какое-либо грамматическое значение и является финитным. Синтаксис таких конструкций уже был исследован для некоторых других тюркских языков. В этой работе рассматривались особенности положения аффиксов пассива, каузатива и отрицания в конструкциях с аспектуальными глаголами и сфер действия этих аффиксов относительно друг друга и значений аспектуальных глаголов. На основе полевых данных в этой статье показано, что синтаксис клауз с аспектуальными глаголами в якутском языке отличается от синтаксиса большинства других тюркских. Положение аффиксов пассива, каузатива и отрицания в этих конструкциях в якутском ограничено более строго. В статье показано, что анализ, разработанный П. В. Гращенковым для других тюркских языков, не подходит для якутского. Якутские конструкции с аспектуальными глаголами лучше описывать как конструкции, в которых аспектуальные глаголы являются реструктурирующими.

Ключевые слова: якутский язык, синтаксис, аспект, вспомогательные глаголы, реструктурирование, пассив, каузатив, отрицание, тюркские языки.

Для цитирования: Баркова Л. А. К синтаксису клауз с аспектуальными глаголами в якутском языке. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 9–58.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-9-58

¹ Работа выполнена в рамках НУГ «Полипредикативные конструкции в якутском языке: синтаксис и семантика» под номером 26-00-108.

On the syntax of clauses with aspectual verbs in Sakha

Liubov Alekseevna Barkova

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russia

lovechan@yandex.ru

This article examines the syntax of constructions with aspectual verbs in Sakha (a.k.a. Yakut). Such constructions contain two predicates: a lexical verb which is a converb, and a finite aspectual verb that conveys some grammatical meaning. The syntax of such constructions has already been studied for some other Turkic languages. The present research examines the position of the passive, causative, and negation affixes in constructions with aspectual verbs and the scope of these affixes, as well as the scope of the meanings of these affixes relative to the meanings of the aspectual verbs. Based on field data, this article shows that the syntax of Sakha clauses with aspectual verbs differs from most other Turkic languages. The position of the passive, causative, and negation affixes in these constructions is limited more strictly. The article demonstrates that the analysis developed by P. V. Grashchenkov for other Turkic languages does not fit Sakha. Sakha constructions with aspectual verbs are better analysed as constructions with restructuring verbs.

Keywords: Sakha, syntax, aspect, auxiliary verbs, restructuring, passive, causative, negation, Turkic languages

For citation: Barkova L. A. On the syntax of clauses with aspectual verbs in Sakha. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 9–58.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-9-58

1. Введение

В статье рассматривается синтаксис конструкций со вспомогательными аспектуальными глаголами в якутском языке. Якутский язык принадлежит к якутской ветви тюркской языковой семьи. В якутском языке [Харитонов 1960; Убрятова 1982], как и в других тюркских языках (напр. [Гращенко 2015]), распространены конструкции, состоящие из двух предикатов: лексического глагола, выраженного кон-

вербом, и финитного вспомогательного глагола, который несет какое-либо грамматическое значение из зоны аспекта. Такая конструкция представлена в примере (1).

- (1) Сардаана тойуг-у ист-эн ыл-л-а
 Сардана тойук-АСС слушать-CVB.ANT брать-PST-3
 ‘Сардана немного послушала тойук’

В этом примере лексический глагол *истэн* стоит в форме конверба предшествования. Глагол *ылла* является финитным и стоит форме недавнопрошедшего времени (этот термин взят из [Убрятова 1982]). В современном якутском у него есть лексическое значение *брать*, однако в примере (3) он передает грамматическое значение делимитатива, то есть ограничения по времени длительной ситуации, и аттенуатива, то есть понижения интенсивности ситуации [Плунгян 2011]. Среди грамматических маркеров аттенуатива выделяется тип, для которого характерна передача значения ограничения ситуации во времени, в этом случае грамматический маркер означает, что время ситуации было меньше какого-либо стандарта [Макарчук 2024]. Такое значение доступно и для якутского глагола *ыл-* [Харитонов 1960: 96]. Далее в статье мы будем называть глаголы типа аттенуативного *ыл-* аспектуальными, чтобы отличить эти вспомогательные глаголы от других типов вспомогательных глаголов — например, глаголов-связок, передающих значение времени, или модальных глаголов. Термин *аспектуальные глаголы* мы используем, следуя, в частности, за работой [Fukuda 2012]; там он использовался для вспомогательных глаголов в японском. Глаголы, которые в конструкциях типа (1) передают лексическое значение, мы будем называть *лексическими*.

Конструкции с аспектуальными глаголами в тюркских языках были подробно исследованы в [Гращенков 2015]. Наиболее детально он исследовал следующие идиомы: татарский (литературный), татарский (мишарский диалект), карачаево-балкарский, казахский, киргизский, чувашский. Значительная часть монографии [Гращенков 2015] посвящена синтаксису клауз с аспектуальными глаголами, а именно

тому, какие позиции в них могут занимать морфемы, означающие пассив, каузатив и отрицание. П. В. Гращенков показал, что для этих трех морфем доступны три опции: позиция на лексическом глаголе, позиция на аспектуальном глаголе, а также и позиция на обоих глаголах. В примере (2) показаны возможные позиции показателя пассива в конструкциях с аспектуальными глаголами в мишарском татарском.

- (2) a. su kajnat-ɣ-l-ɣ-p tɣr-dɣ.
 вода греть-ST-PASS-ST-CVB стоять-PST
 ‘Вода (кем-то) кипятилась’ (Гращенков 2015: 116)
- b. su kajnat-ɣ-p tɣr-ɣ-l-dɣ.
 вода греть-ST-CVB стоять-ST-PASS-PST
 ‘Idem’ (Гращенков 2015: 116)
- c. su kajnat-ɣ-l-ɣ-p tɣr-ɣ-l-dɣ.
 вода греть-ST-PASS-ST-CVB стоять-ST-PASS-PST
 ‘Idem’ (Гращенков 2015: 116)

Пример (2) показывает, что положение морфемы пассива не влияет на значение предложения с аспектуальным глаголом. С другой стороны, положение морфем каузатива и отрицания важно для семантики предложения: они влияют на их сферу действия.

Если морфема, означающая отрицание, расположена на лексическом глаголе, то ее сфера действия всегда уже сферы действия аспектуального глагола [Гращенков 2015: 111] (например, ‘попробовала не прыгнуть’). Если же показатель отрицания расположен на аспектуальном глаголе, то и сфера действия отрицания шире сферы действия аспектуального глагола [Гращенков 2015: 111] (например, ‘не попробовала прыгнуть’). То есть порядок морфем (корней и аффиксов), вводящих то или иное грамматическое значение, и порядок сфер действия этих морфем изоморфны друг другу. В примере (3) показано, как в мишарском татарском положение отрицания и аспектуального глагола относительно корня отражает порядок сфер действия этих показателей.

- (3) a. kɣʃɣk siker-m-i-čä bak-tɣ
 собака прыгать-NEG-ST-CONV смотреть-PST

‘Собака попробовала не прыгнуть (хотя ей велели)’.

*‘Собака не попробовала прыгнуть’.

b. kʰʃʏk siker-e-p bak-ma-dʁ
 собака прыгать-ST-CONV смотреть-NEG-ST-PST

*‘Собака попробовала не прыгнуть (хотя ей велели)’.

‘Собака не попробовала прыгнуть’. [Гращенко 2015: 106]

Если маркер отрицания расположен и на лексическом, и на аспектуальном глаголе одной клаузы, то за счет того, что грамматическое значение отрицания вводится два раза, возникает значение эмфатического утверждения [Гращенко 2015: 104]. В примере (4) показано предложение, где такое значение возникает в мишарском татарском.

(4) malaj siker-m-i-čä tʏr-m-a-dʁ.
 ребенок прыгать-NEG-ST-CONV стоять-NEG-ST-PST
 ‘Ребенок все время прыгает (такой подвижный вырос)’.
 [Гращенко 2015: 104]

Похоже, однако не совсем так же, устроена связь положения маркера каузатива в конструкции с аспектуальным глаголом и значения этой конструкции. Если показателем каузатива расположен на лексическом глаголе, в его сфере действия чаще всего находится лексический глагол, но не аспектуальный (‘делала так, что морковь сгнила полностью’) [Гращенко 2015: 163]. Если этот показатель расположен на аспектуальном глаголе, то чаще всего в его сфере действия находятся и лексический, и аспектуальный глаголы (‘до конца доделала то, благодаря чему морковь начала гнить’) [Гращенко 2015: 163]. Такие контексты приведены в примере (5) из мишарского татарского. В этом примере аспектуальный глагол *jat* ‘лежать’ передает значение предельности. В примере (5a) предельным является подсобытие ‘морковь сгнила’, а в примере (5b) предельным является событие ‘Алсу сделала так, чтобы морковь гнила’, а событие ‘морковь гнила’ предельным не является. Здесь и далее над примерами будет подписан порядок сфер действия разных граммем.

(5) a. CAUS > TEL

alsu kišer-ne čer-e-t-e-p jat-tɣ
 Алсу морковь-ACC гнить-ST-CAUS-ST-CONV лежать-PST
 'Алсу сгноила морковь'

b. TEL > CAUS

alsu kišer-ne čer-e-p jat-tɣr-dɣ
 Алсу морковь-ACC гнить-ST-CONV лежать-CAUS-PST
 'Алсу гноила морковь' [Гращенко 2015: 158]

Однако из описанной выше закономерности есть множество исключений: предложений, в которых расположение маркера каузатива в конструкции с аспектуальным глаголом не отражает его сферу действия.

Если показатель каузатива присутствует в одной клаузе дважды — и на лексическом, и на аспектуальном глаголе — возможны два значения. Если лексический глагол непереходный, то может возникать эффект двойной каузативизации. Возможно также плеонастическое употребление каузативного маркера, при котором маркер каузатива появляется и на лексическом, и на аспектуальном глаголе, но каузирующее подсобытие вводится один раз. Оно допустимо в конструкциях с аспектуальными глаголами вне зависимости от переходности лексического глагола. В таких случаях оба возможных порядка сфер действия лексического и аспектуального глагола одинаково предпочтительны [Гращенко 2015: 160].

П. В. Гращенко предлагает обзор двух основных подходов к конструкциям с аспектуальными глаголами в рамках генеративного синтаксиса. В картографическом подходе [Cinque 1999, 2001 среди прочих] конструкции с аспектуальными глаголами считаются моноклаузальными. Для всех клауз постулируется универсальный набор функциональных проекций с фиксированным порядком, где у каждой проекции фиксированное положение в структуре. Вершина проекции может озвучиваться как аффиксом, так и корнем, в том числе и корнем вспомогательного глагола. Другой подход к конструкциям с аспектуальными глаголами гласит, что такие конструкции являются частным случа-

ем реструктурирования. Реструктурирование [Wurmbrand 2004, 2014 среди прочих] — это процесс, при котором в биклаузальной конструкции некоторые процессы, которые в большинстве клауз того или иного языка ограничены рамками одной клаузы, начинают осуществляться через границу клаузы. В таких случаях структура вложенной клаузы является дефектной.

Однако П. В. Гращенков [2015] показывает, что оба эти подхода не могут объяснить два ключевых свойства конструкций с аспектуальными глаголами в тюркском: то, что один и тот же аффикс может возникать как на лексическом, так и на аспектуальном глаголе, и то, что при двойном появлении аффикса грамматическое значение этого аффикса может вводиться как один, так и два раза. П. В. Гращенков [2015] предлагает свою теорию: теорию частичной грамматикализации. Согласно этой теории, аспектуальные глаголы находятся в процессе грамматикализации. С точки зрения генеративного синтаксиса грамматикализация глагола в аспектуальный маркер — это переход от предиката, который проецирует как свою аргументную структуру, так и полный набор функциональных проекций в единицу, которая представляет собой вершину какой-либо функциональной проекции. Частичная грамматикализация аспектуальных глаголов выражается в том, что они утратили возможность проецировать аргументную структуру, но сохраняют возможность иметь свои функциональные проекции. При этом они управляют неграмматизированными лексическими глаголами, у которых есть свой набор функциональных проекций.

П. В. Гращенков [2015] показывает, что его теория применима для большинства тюркских языков. Однако мы покажем, что для якутского языка она неприменима. Данные, на которые опирается эта работа, собраны методом элицитации в с. Хатырык (Столбы) Намского улуса, а также в Москве, в 2024 году. Структура этой статьи устроена так. В разделе 2 мы опишем особенности синтаксиса якутских конвербных клауз, а также семантики аспектуальных глаголов из нашей выборки. В разделе 3 мы рассмотрим вопрос о по-

рядке вершин, вводящих маркеры пассива, каузатива и отрицания в якутском языке. В разделе 4 мы представим данные о позиции аффиксов пассива, каузатива и отрицания в конструкциях с аспектуальными глаголами. В разделе 5 мы покажем, что якутские конструкции с аспектуальными глаголами лучше описывать как конструкции с реструктурированием, а не как конструкции с частично грамматикализованными глаголами.

2. Данные о конструкциях с аспектуальными глаголами нашей выборки

2.1. Синтаксис и семантика конвербов, которыми могут управлять аспектуальные глаголы

Большинство якутских аспектуальных глаголов делятся на два типа с точки зрения того, с какой формой лексического глагола они сочетаются [Харитонов 1960]. Лексические глаголы стоят либо в форме конверба предшествования с аффиксом *-ан*, как в примере (1), повторенном ниже, либо в форме конверба одновременного действия с аффиксом *-а*, как в примере (6).

- (1) Сардаана тойуг-у ист-эн ыл-л-а
 Сардана тойук-АСС слушать-CVB.ANT брать-PST-3
 ‘Сардана немного послушала тойук’
- (6) кыыс куоска-ны имэрий-э түс-т-э
 девочка кошка-АСС гладить-CVB.SIM падать-PST-3
 ‘Девочка немного погладила кошку’

Показатель конверба *-а* является общетюркским [Убрятова 1982; Johanson 2021]. Клаузы, вершина которых — конверб с аффиксом *-а*, являются подчиненными [Убрятова 1982: 246]. В якутском языке предложения с этим конвербом означают одновременность действий, названных в матричной и вложенной клаузе. В таком случае субъекты матричной и вложенной клауз могут как совпадать, как в примере (7), так и не совпадать, как в примере (8).

- (7) мин кини-лэр-и күнүлүү
 я он-PL-ACC ревновать.CVB.SIM
 одуулуу-бун
 рассматривать.PRS-COP.1SG
 'Я, ревнуя, смотрю на них' [Убрятова 1982: 247]
- (8) Ньургуйаана кинигэ ааҕ-а
 Нюргуяна книга читать-CVB.SIM
 Күннэй иһит сууй-ар
 Кюннэй посуда мыть-PRS
 'Пока Нюргуяна читает, Кюннэй моет посуду'

Однако если субъекты конвербной и финитной клауз различаются, то конвербная клауза не может означать цель действия, названного финитной клаузой. Такой контекст показан в примере (9).

- (9) *ийэ-тэ кыһ-а үчүгэй-дик экзамен-ын
 мать-3 дочь-3 хорошо-ADV экзамен-PX.ACC
 тут-тар-а репетитор бул-бут
 держать-CAUS-3 репетитор найти-PTCP.PST
 'Мать нашла репетитора, чтобы дочь хорошо сдала экзамен'

В отличие от аффикса конверба *-а*, якутский аффикс конверба *-ан* не является общетюркским. В большинстве других тюркских языков конверб предшествования маркируется аффиксом *-n* [Убрятова 1982; Гращенков 2015; Johanson 2021]. Для конверба с аффиксом *-n* в работе [Гращенков & Ермолаева 2015] показано, что клаузы, которые вводятся этим конвербом, могут быть как подчиненными, так и сочиненными. Если субъект клаузы, которой вводится конвербом с аффиксом *-n*, и финитной клаузы совпадают, то конвербная клауза является подчиненной. Если же конвербная и финитная клауза являются разносубъектными, то тип их синтаксической связи — сочинение.

Однако как семантика, так и синтаксис якутских конвербов с аффиксом *-ан* отличается от конвербов с аффиксом *-n*. Если субъекты конвербной и финитной клауз совпада-

ют, то конвербная клауза означает предшествование, такой контекст показан в примере (10).

- (10) дьиз-ти-гэр **кэл-эн** Сардаана
 дом-3-PX.DAT прийти-CVB.ANT Сардана
 муоста-т-ын харбаа-т-а
 пол-3-PX.ACC подметать-PST-3
 ‘Сардана пришла домой и подмела пол’

Однако если субъекты конвербной и финитной клауз различаются, то конвербная клауза может передавать только значение причины. Такой контекст показан в примере (11).

- (11) биир оҕо **сүт-эн** кылаас
 один ребенок теряться-CVB.ANT класс
 бары-та тохтоо-т-о
 все-3 останавливаться-PST-3
 [Класс был на школьной экскурсии]
 ‘Один ребенок потерялся, и весь класс остановился’

Называть предшествующее событие, которое не является причиной события, названного в финитной клаузе, с помощью конвербной клаузы с аффиксом *-ан* невозможно. Такой контекст показан в примере (12).

- (12) а. Айтал дьиз-ттэн **тахс-ан**
 Айтал дом-ABL выйти-CVB.ANT
 хаар түс-т-э
 снег падать-PST-3
 *‘Как только Айтал вышел из дома, пошел снег’
 ‘Айтал вышел из дома, и поэтому пошел снег’
 б. Айтал дьиз-ттэн **тахса-быт-ыгар**
 Айтал дом-ABL выйти-PTCP.PST-PX.DAT
 хаар түс-т-э
 снег падать-PST-3
 ‘Как только Айтал вышел из дома, пошел снег’

Этим якутские конвербные клаузы с аффиксом *-ан* отличаются от общетюркских конвербных клауз с аффиксом *-н*. В работе [Гращенков, Ермолаева] показано, что в тюркских языках из их выборки субъекты конвербных клауз с аффик-

сом -л могут различаться не только в том случае, если конвербная клауза означает причину, но и если события, названные конвербной и финитной клаузой тесно связаны во времени, а также в некоторых других случаях. Для якутского такое значение конвербной клаузы недопустимо.

Итак, субъект конвербных клауз с аффиксом -ан может как совпадать с субъектом финитных клауз, так и отличаться от него. Однако в обоих случаях конвербная клауза является подчиненной. Это показывают тесты на перестановку и гнездование. Тест на перестановку работает так: при подчинении зависимая клауза может быть как линейно слева от главной клаузы, так и линейно справа от нее. При сочинении порядок клауз фиксирован [Тестелец 2001 среди прочих]. В примере (13) представлен вариант примера (10), в котором конвербная клауза стоит справа от финитной. В примере (14) представлен вариант примера (11), в котором конвербная клауза также справа от финитной. Оба эти примера допустимы, что служит аргументом за то, что вне зависимости от того, совпадают ли субъекты конвербной и финитной клауз, конвербная клауза — подчиненная.

- (13) Сардаана муоста-т-ын харбаа-т-а
 Сардана пол-3-PX.ACC подметать-PST-3
 үлэ-ти-ттэн кэл-эн
 работа-3-PX.ABL прийти-CVB.ANT
 ‘Сардана пришла с работы и подмела пол’

- (14) кылаас бары-та тохтоо-т-о
 класс все-3 останавливаться-PST-3
 биир оҕо сүт-эн
 один ребенок теряться-CVB.ANT
 [Класс был на школьной экскурсии]
 ‘Весь класс остановился, когда один ребенок потерялся’

Тест на гнездование тоже связан с тем, что при сочинении, но не при подчинении, положение клауз фиксировано [Тестелец 2001 среди прочих]. Подчиненная клауза может быть расположена в середине главной клаузы, а сочиненная клауза не может быть расположена внутри другой. В при-

мере (15) показано, что конвербная клауза может быть расположена внутри финитной, если их субъекты совпадают. В примере (16) допустимость гнездования вложенной клаузы показана для предложения, в котором субъекты клауз различаются.

(15) Сардаана кыһ-ыгар [маҕаһыын-на
 Сардана девочка-PX.DAT магазин-DAT
 бар-ан] кэмпиэт атыылас-т-а
 идти-CVB.ANT конфеты купить-PST-3
 ‘Сардана пошла в магазин и купила дочери конфет’

(16) кылаас бары-та [биир оҕо
 класс все-3 один ребенок
 сүт-эн] тохтоо-т-о
 теряться-CVB.ANT останавливаться-PST-3
 [Класс был на школьной экскурсии]
 ‘Один ребенок потерялся, и весь класс остановился’

Итак, как конвербные клаузы с показателем *-ан*, так и конвербные клаузы с показателем *-а* связаны с главной клаузой подчинением. Поэтому мы не ожидаем, что в конструкциях с аспектуальными глаголами синтаксис этих двух конвербов будет различаться. Тем не менее, в нашей выборке есть два типа аспектуальных глаголов, которые управляют конвербом с показателем *-ан*, и два типа, которые управляют конвербом с показателем *-а*. Рассмотрим их.

2.2. Семантика аспектуальных глаголов в нашей выборке

Мы рассматриваем четыре типа конструкций с аспектуальными глаголами:

1. Конструкция, в которой аттенуативный глагол *ыл-* ‘брать’ управляет конвербом с аффиксом *-ан*.
2. Конструкция, в которой инхоативный глагол *бар-* ‘идти’ управляет конвербом с аффиксом *-ан*.
3. Конструкция, в которой аттенуативный глагол *түс-* ‘падать’ управляет конвербом с аффиксом *-а*.

4. Конструкция, в которой аспектуальные глаголы, маркирующие прогрессив, управляют конвербом с аффиксом *-а*.

Аттенуативные глаголы *ыл-* ‘братъ’ и *түс-* ‘падать’ в нашей выборке передают либо значения делимитатива, либо значения аттенуатива, либо сочетают эти значения (то есть означают, что время, которое длилось событие, меньше ожидаемого). Какие-либо ограничения на сочетаемость лексических глаголов с аспектуальными глаголами *ыл-* ‘братъ’ и *түс-* ‘падать’ в значении делимитатива или аттенуатива нам неизвестны.

У аттенуативных глаголов *ыл-* ‘братъ’ и *түс-* ‘падать’ есть некоторые различия в семантике: так, для глагола *түс-* ‘падать’ в сочетании с лексическими глаголами, называющими неконтролируемое действие, допустимо передавать значение инхоатива с миративным оттенком [Д. О. Петелин, личное сообщение], как в примере (17).

- (17) *оһох* *умай-а* *түс-т-э*
 печь *гореть-CVB.SIM* *падать-PST-CVB.SIM*
 ‘Огонь в печи резко разгорелся’

Однако при сочетании с теми лексическими глаголами, которые рассматриваются в нашей статье, аспектуальные глаголы *ыл-* ‘братъ’ и *түс-* ‘падать’ взаимозаменяемы.

Аспектуальный глагол *бар-* ‘идти’, будучи матричным, передает инхоативное значение [Харитонов 1960: 87]. Однако если аспектуальный глагол *бар-* ‘идти’ сам является вершиной конвербной клаузы с аффиксом *-ан*, то он маркирует завершение действия, названного лексическим глаголом.

Маркировать прогрессив в якутском могут несколько аспектуальных глаголов: *сырыт-* ‘посещать’, *тур-* ‘стоять’, *олор-* ‘сидеть’, *сыт-* ‘лежать’. Все эти глаголы управляют конвербом с суффиксом *-а*. Однако выбор конкретного глагола зависит от типа ситуации, названной лексическим глаголом, и от положения субъекта лексического глагола в пространстве. При этом между носителями наблюдается вариативность при оценке допустимости того, сочетается ли

конкретный лексический глагол с конкретным прогрессивным [Дунцов, Лапшина 2023].

3. Данные о порядке вершин, вводящих маркеры пассива, каузатива и отрицания

В следующем разделе мы рассмотрим сочетаемость конструкций с аспектуальными глаголами с маркерами, вводящими пассив, каузатив и отрицание. Однако прежде чем сделать это, рассмотрим, в каком порядке возникают вершины, вводящие эти маркеры, в синтаксической структуре.

Аффикс пассива в якутском языке — *-ылын-*. Аффиксов каузатива в якутском языке два: *-ар-* и *-тар-*, мы, однако, рассмотрим синтаксис второго из этих аффиксов, так как этот аффикс может сочетаться с более широким набором глаголов.

Что касается выражения отрицания, возможны два анализа. С точки зрения [Убрятова 1982], в якутском языке нет отдельной морфемы, означающей отрицание; отрицание и время выражаются кумулятивно. Отдельная сложность возникает в связи с тем, что значение времени в якутском тоже не выражается одной морфемой. В якутском есть две серии глагольных лично-числовых окончаний. Одна из них совпадает с аффиксами, маркирующими посессивности у имен; другая встречается только в лично-числовых окончаниях глагола [Убрятова 1982; Ebata 2011 среди прочих]. Далее мы будем называть первую серию лично-числовых окончаний посессивной, вторую — копульной; термины взяты из [Ebata 2011]. Конкретное ТАМЕ-значение выражается сочетанием аффикса причастия, либо аффикса, восходящего к аффиксу причастия, и серии лично-числовых окончаний. Например, *Преждепрошедшее повествовательное* время — время, называющее события, произошедшие в прошлом вне зависимости от того, насколько давно они произошли от момента речи — в утвердительных предложениях маркируется сочетанием аффикса причастия *-быт-* и лично-числовых аффиксов посессивной серии [Убрятова 1982: 309]. А граммема

категории времени, которое в [Убрятова 1982] называется *Прошедшее результативное первое* и которое передает значение эвиденциальности в утвердительных предложениях, маркируется сочетанием аффикса причастия *-быт-* и лично-числовых аффиксов копульной серии [Убрятова 1982: 310]. При этом нельзя сказать, что копульная серия лично-числовых окончаний сама по себе как-либо связана с эвиденциальностью: например, она используется в настоящем времени, в значении которого нет эвиденциального компонента.

Итак, рассмотрим, как, согласно [Убрятова 1982] в этой системе устроено маркирование отрицания. У каждого времени есть утвердительная и отрицательная формы. Они различаются формой причастия, которое в них входит, но совпадают в том, какая серия лично-числовых аффиксов в них используется. Например, отрицание настоящего времени выражается аффиксом *-бат-*, который сочетается с показателями посессивной серии. Отрицание Пржедпрошедшего повествовательного и Прошедшего результативного первого времен выражается аффиксом *-батах-*, то есть отрицательного причастия прошедшего времени, и аффиксами посессивной и копульной серии соответственно.

Кроме того, у большинства причастий и конвербов в якутском языке есть отрицательная форма.

Однако возможен и другой анализ морфологии отрицания в якутском. М. А. Бажуков [личное сообщение] показывает, что можно выделить означающую отрицание морфему *-ба-*, которая сочетается с другими якутскими морфемами. Например, *-бат-* — это сочетание отрицания и аффикса *-т-*, который возникает в недавнопрошедшем времени. А аффикс *-батах-* членится на *-ба-* и показатель причастия *-тах-*. Тем не менее, при любом анализе показатели отрицания и времени нельзя разделить другим аффиксом.

Кроме того, ни показатель каузатива, ни показатель пассива не могут быть линейно после показателя отрицания, это показано в примерах (18) и (19).

(18) а. NEG > CAUS / CAUS > NEG

ийэ	кыыһ-ы-гар	иһит-и	сууй-дар-бат
мать	дочь-3-PX.DAT	посуда-ACC	мыть-CAUS-NEG
‘Мать не заставила дочь мыть посуду’			
‘Мать заставила дочь не мыть посуду’			

б. *ийэ	кыыһ-ы-гар	иһит-и	сууй-бат-тар
мать	дочь-3-PX.DAT	посуда-ACC	мыть-NEG-CAUS
‘Мать не заставила дочь мыть посуду’			
‘Мать заставила дочь не мыть посуду’			

(19) а. NEG > PASS

танас	сууй-улум-ма-т-а
одежда	мыть-PASS-NEG-PST-3
‘Одежду не постирали’	

б. *танас	сууй-ма-т-ылын-а
одежда	мыть-NEG-PASS-PST-3
‘Одежду не постирали’	

Показатель каузатива должен быть расположен ближе к глагольной основе, чем показатель пассива. Это показывает пример (20).

(20) а. CAUS > PASS

кыыс	танаһ-ы	сууй-дар-ылын-н-а
девочка	одежда-ACC	мыть-CAUS-PASS-PST-3
‘Девочка заставила одежду стираться’		

б. *кыыс	танаһ-ы	сууй-улун-нар-да
девочка	одежда-ACC	мыть-PASS-CAUS-PST-3
‘Девочка заставила одежду стираться’		

Итак, единственный допустимый порядок морфем в якутском: глагольная основа — каузатив — пассив — отрицание. Во многих современных нелексистических генеративных подходах к морфосинтаксису считается, что порядок морфем в слове может отражать порядок вершин, которые вводят эти морфемы (см. обзор, например, в [Svenonius 2016]). Однако уверенными в этом возможно быть при соблюдении Зеркального принципа [Baker 1985]: порядок сфер действия морфем изоморфен их порядку по отношению к корню слова. Примеры (18) и (20) показывают, что

для показателя каузатива *-тар-* это не так. Для предложения (18а) допустима интерпретация, при которой показатель каузатива имеет сферу действия шире, чем сферу действия отрицания. А для предложения (20) допустима только интерпретация, при которой сначала пассивизируется вложенное подсобытие (*P = одежда стирается*), а затем добавляется каузирующее подсобытие (*девочка каузировала P*). Таким образом, сфера действия каузатива выше сферы действия пассива, хотя на уровне морфологии показатель каузатива находится ближе к глагольной основе.

Чтобы установить положение маркера каузатива в синтаксической структуре, воспользуемся тестом, связанным со сферой действия маркера каузатива относительно оператора, выраженного не морфемой — наречия со значением ‘опять’. Например, в [Akkus 2021; Nie 2025], исследуется синтаксис показателя каузатива *-тар-* на данных турецкого языка. Для него постулируется в этих работах следующая структура: вложенное подсобытие вводится вершинами *vP* и *VoiceP*. Однако затем каузирующее подсобытие вводится вершиной *vP*, над которой возникает своя вершина *VoiceP*. В работе [Akkus 2021: 226] приводится такая модель синтаксической структуры клаузы с каузативом: *VoiceP [v-caus [Voice-causeeP [vP]]]*.

Наличие такой структуры [Akkus 2021, Nie 2025] доказывает с помощью некоторых тестов, среди которых используется тест на сочетаемость с наречием *снова*. Эти тесты основаны на [Pylkkänen 2008], однако то, как анализируются их результаты, отличается от этой работы. В работе [Nie 2025] показано, что каузатив, который маркируется показателем *-тар-*, двухсобытиен. Это доказывается, в числе прочего, тем, что наречие *снова* может иметь сферу действия как над матричным подсобытием (как происходит в примере 21), так и над вложенным (как это происходит в примере 22).

- (21) Айтал олоппоһ-у өссө төгүл алдыа-т-т-а
айтал стул-АСС еще раз ломать-CAUS-PST-3
[Стул был сломан] ‘Айтал снова сломал стул’

- (22) Айтал эссө биир-дэ робот-ын
 айтал еще один-LOC робот-РХ.ACC
 алдѡа-т-т-а
 ломать-CAUS-PST-3
 [Айтал часто ломает игрушку-робота]
 ‘Айтал снова сломал робота’

В работе [Nie 2025] показано, что при двухсобытийности каузатива необходимо постулировать для каждого подсобытия как вершину *v*, так и вершину *Voice*. Такой подход объясняет, как возникает семантика примеров типа (20a): вначале пассивная клауза деривируется с помощью отдельной вершины *VoiceP* [Kratzer 1996; Legate 2014 среди прочих], затем эту клаузу присоединяют к себе вершины, отвечающие за каузирующее подсобытие.

Рассмотрим теперь положение вершин каузатива и отрицания друг относительно друга. Ситуация с ним менее очевидна. Пример (18a) показывает, что оба порядка сфер действия каузатива и отрицания возможны. Однако постулировать вариативный порядок вершин нам кажется нецелесообразным. Вводящая отрицание проекция *NegP*, даже если она постулируется ниже *TP*, постулируется выше фазовой границы группы вершин, которая отвечает за структуру события. В разных подходах к структуре клаузы роль вершины-фазовой границы играет либо *vP*, либо *VoiceP*. Именно такое положение отрицания предлагается для турецкого в [İşsever 2008; Keskin 2009]. То, что в якутском, как и в турецком, маркер отрицания расположен до маркера времени или того, что больше всего к нему близко, служит аргументом за то, чтобы перенести этот анализ на якутский. Постулировать вариативность положения вершин, вводящих каузатив, относительно *NegP* нам кажется нецелесообразным: мы полагаем, что маркер каузатива вводится вершиной *vP*, а эта вершина и *NegP* находятся в разных фазах.

Полисемия типа той, которая возможна для (18a) существует в турецком. В [Key 2013] предложен анализ того, что на первый взгляд кажется сферой действия каузатива над отрицанием. Дело в том, что в турецком у каузатива *-тар-*

существует пермиссивная интерпретация. В [Key 2013] показано, что значения типа *не каузировал* возможно описать как отрицание пермиссивной интерпретации. Однако в якутском пермиссивная интерпретация одобряется не всеми носителями, поэтому аргумент [Key 2013] для якутского не применим. Такой контекст показан в примере (23).

- (23) ийэ-тэ уол-у-гар сериал-ы
 мать-3 сын-3-PX.DAT сериал-ACC
 көр-дөр-д-ө
 смотреть-CAUS-PST-3
 *: 'Мама разрешила сыну смотреть сериал'
 ок: 'Мама заставила сына смотреть сериал /
 Мама показала сыну сериал'

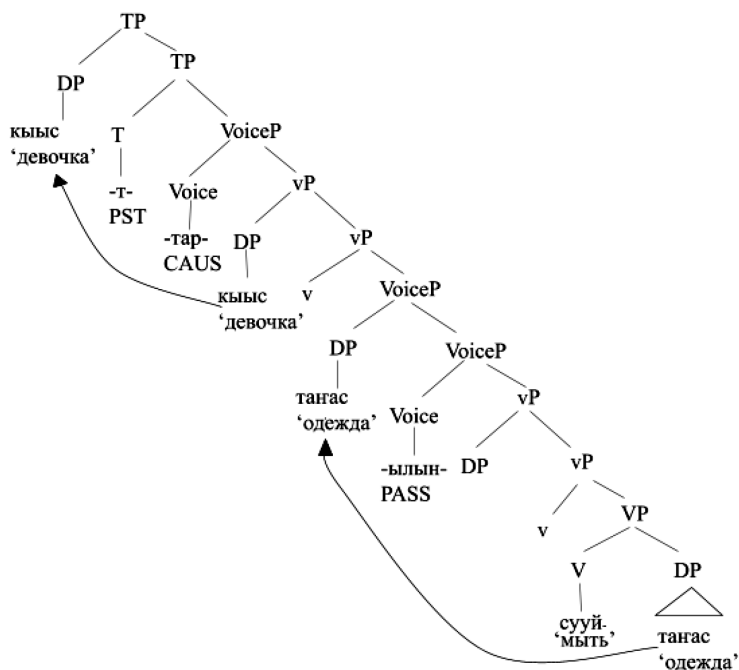
Итак, положение морфем, которые мы анализируем, устроено так: корень — каузатив — пассив — отрицание. При этом сфера действия каузатива всегда выше сферы действия пассива. Порядок сфер действия каузатива и отрицания вариативен.

Объяснить эти ассиметрии возможно в рамках Распределенной Морфологии [Halle & Marantz 1994 среди прочих]. В рамках этого подхода к морфосинтаксису набор морфем, из которых состоит слово, выводится из структуры сложных вершин. В рамках Распределенной Морфологии распространен подход, согласно которому вершинные передвижения делятся на два типа. Некоторые вершинные передвижения — часть узкого синтаксиса, тип адъюнкции [Koorman 1984; Travis 1984; Baker 1988]. Такие вершинные передвижения всегда направлены вверх. Другие передвижения вершин являются постсинтаксическими, то есть происходят только в рамках фонетической, но не логической формы предложения [Halle, Marantz 1994; Bobaljik, 1995]. Некоторые считают, что передвижения вершин в рамках фонетической формы всегда направлены только вниз [Embick & Noyer 2001 среди прочих]. Некоторые — что передвижения вершин в рамках фонетической формы могут быть направлены как вниз, так и вверх [Harizanov & Gribanova 2019]. В работе [Harizanov & Gribanova 2019] показано, что пере-

движения вершин в рамках узкого синтаксиса влияют на семантику и приводит к реализации Зеркального принципа. А постсинтаксические передвижения вершин — не влияют на семантику и может приводить к нарушениям Зеркального принципа.

Это позволяет предположить, что позиция маркера каузатива непосредственно перед глагольной основой возникает благодаря постсинтаксическому опущению аффикса. Рассмотрим, как это работает, на примере утвердительной пассивной клаузы. Структура этой клаузы в рамках узкого синтаксиса показана на рисунке 1. Выше в разделе мы объяснили, почему постулируется именно такой набор вершин.

Рисунок 1. Структура пассивной клаузы в рамках узкого синтаксиса (пример 20)

Рассмотрим теперь постсинтаксические передвижения вершин. Структура, представленная на рисунке 1, отражает сферы действия значений всех изображенных на ней вершин. Поэтому постулировать какие-либо передвижения в рамках узкого синтаксиса нам кажется нецелесообразным. Также мы исходим из принципа кратчайшего передвижения [Chomsky 1993], согласно которому длина передвижений должна быть как можно более короткой.

На рисунках 2 и 3 показаны передвижения вершин, которые происходят внутри нижней фазы, ограниченной верхней проекцией VoiceP. Мы следуем за позицией [Harizanov & Gribanova 2019], согласно которой постсинтаксические передвижения могут быть направлены в любую сторону. На рисунке 2 показано, что в начале каузативная вершина опускается вниз, в позицию ниже вершины, вводящей пассив. Мы считаем, что аффикс каузатива передвигается в вершину *v*, потому что он между глагольной основой и аффиксом каузатива может быть аффикс медиа *-н-*. В ту же вершину передвигается и глагольная основа.

На рисунке 3 показаны дальнейшие передвижения этой сложной вершины. Она вначале передвигается в вершину Voice: так деривируется позиция аффикса пассива. Затем получившаяся сложная вершина передвигается в вершину T: так деривируется положение аффикса времени. Кроме того, в рамках Распределенной Морфологии показано, что вводящая аффиксы согласования вершина Agr возникает только в рамках Фонетической Формы [Halle & Marantz 1994 среди прочих]. Эта вершина показана на рисунке 3.

Рисунок 2. Вершинные передвижения в пассивной клаузе в рамках фонетической формы: позиция аффикса каузатива (пример 20)

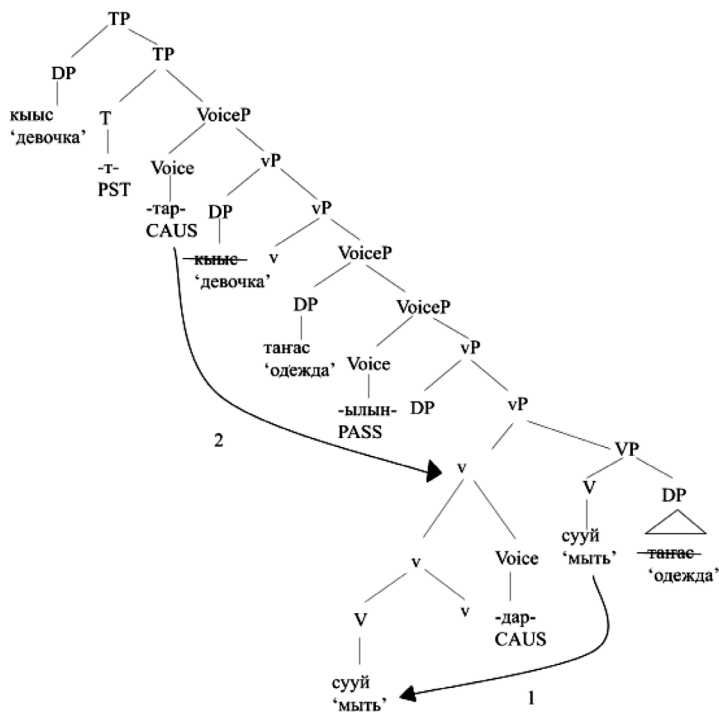
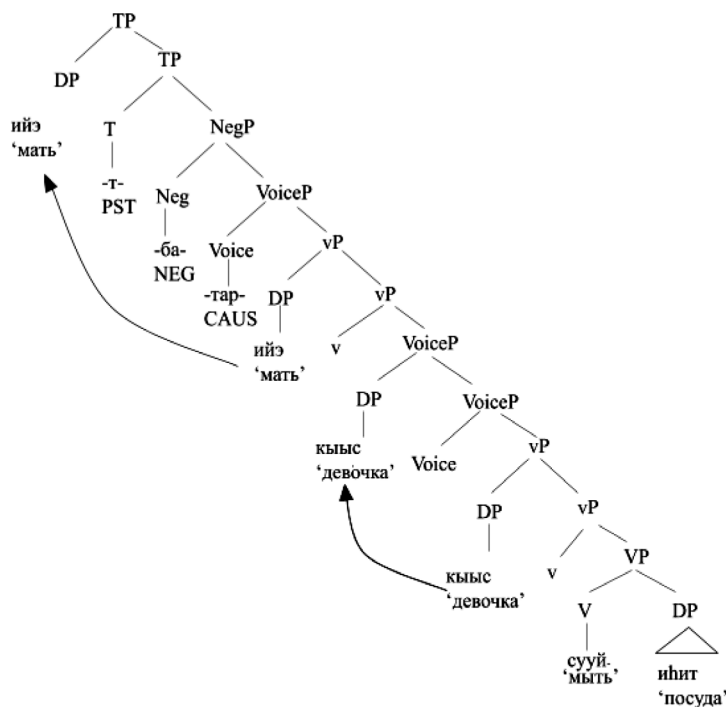

Рисунок 4. Структура отрицательной клаузы в рамках узкого синтаксиса (пример 18)

В этом случае процесс деривации выглядит так же, как и для пассивных клауз. Вначале каузативная вершина опускается в вершину *v*, куда поднимается вершина *V*. Затем сложные вершины поднимаются вверх, пока в вершине *T* не формируется сложная вершина, которая озвучивается как глагольная словоформа.

Возникает, однако, вопрос: как устроены предложения, в которых сфера действия отрицания шире, чем сфера действия каузатива. В работе [Harizanov & Gribanova 2019] показано, что передвижения вершин, которые влияют на семантику, осуществляются в рамках узкого синтаксиса. Можно

было бы предположить, что передвижение каузативной вершины, которое обеспечивает ей широкую сферу действия, тоже происходит в рамках узкого синтаксиса. По результатам этого передвижения верхняя вершина Voice образует сложную вершину с вершиной T или с какой-то другой вершиной, которая находится выше вершины T. Затем в рамках фонетической формы эта каузативная вершина Voice выдвигается из сложной вершины и образует новую сложную вершину вместе с нижней вершиной v. Затем уже новая сложная вершина движется вверх, и после всех передвижений оказывается в вершине T.

Однако возможна и более экономная модель. Каких-либо контрастов в синтаксисе между финитными клаузами, в которых каузатив имеет разную сферу действия относительно отрицания. Поэтому возможно предположить, что передвижение каузативной вершины Voice, которое обеспечивает более широкую сферу действия этой вершины, тоже является постсинтаксическим. Оно происходит в рамках Логической Формы. Передвижения в рамках Логической Формы каузативной вершины показаны на рисунке 5.

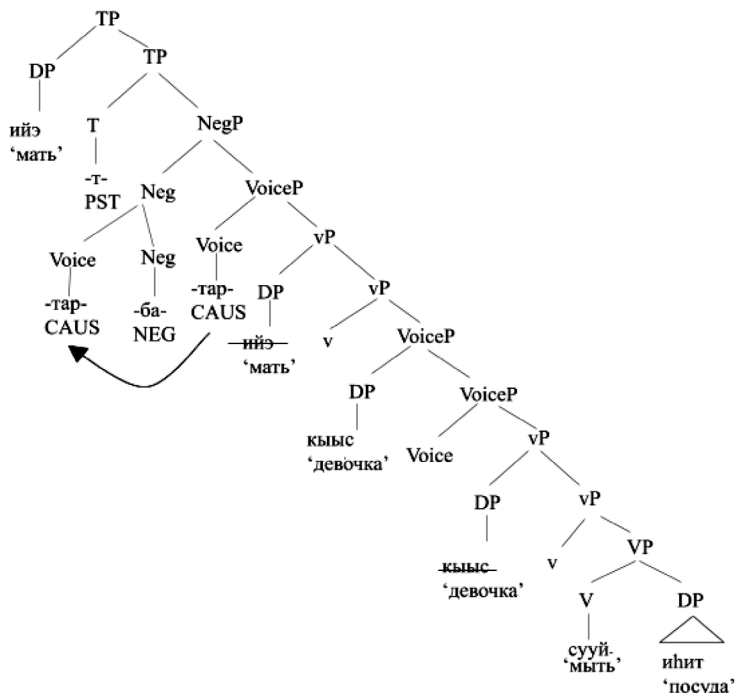

Рисунок 5. Структура отрицательной клаузы в рамках Логической Формы (пример 18)

Что касается Фонетической Формы, в ней каузативная вершина передвигается из верхней вершины Voice в нижнюю вершину v, как и во всех предыдущих случаях. Затем происходят те же передвижения сложных вершин, которые мы описали для предыдущих случаев. Рассмотрим теперь, как в эту структуру встраиваются легкие глаголы. Мы опишем как ограничения на их позицию, так и ограничения на их сферу действия. Мы также покажем, как эти ограничения встраиваются в предложенную нами в этом разделе структуру.

4. Позиция аффиксов пассива, отрицания и каузатива в конструкциях с аспектуальными глаголами

4.1. Позиция аффиксов пассива

Начнем с описания позиции аффикса пассива. Во-первых, мы сделаем так, потому что в параграфе 3 мы предположили, что вершина, вводящая этот аффикс, находится ниже всего в синтаксической структуре. Во-вторых, набор допустимых синтаксических позиций аффикса пассива в конструкциях с аспектуальными глаголами нашей выборки наиболее гомогенен. Для аффикса пассива всегда наиболее естественно находиться на лексическом глаголе. Примеры (24–26) показывают, что это утверждение верно для конструкции с аттенуативным глаголом *ыл-* ‘брат’.

(24) DELIM > PASS

бу	хобордоох	сууй-улл-ан	ыл-л-а
этот	сковородка	мыть-PASS-CVB.ANT	брать-PST-3

‘Эту сковородку недолго помыли’

(25) *бу хобордоох сууй-ан ылын-н-а этот сковородка мыть-CVB.ANT брать.PASS-PST-3 ‘Эту сковородку кое-как помыли’

(26) %бу хобордоох сууй-улл-ан ылын-н-а этот сковородка мыть-PASS-CVB.ANT брать.PASS-PST-3 ‘Эту сковородку кое-как помыли’

Примеры (27–29) показывают, что положение на лексическом глаголе — единственное возможное для конструкций с инхоативным глаголом *бар-*

(27) INCH > PASS

кулууп	тут-улл-ан	бар-д-а
клуб	строить-PASS-CVB.ANT	идти-PST-3

‘Клуб начал строиться’

(28) *кулууп тут-ан бар-ылын-н-а клуб строить-CVB.ANT идти-PASS-PST-3 ‘Клуб начал строиться’

- (29) *кулууп тут-улл-ан бар-ылын-н-а
 клуб строить-PASS-CVB.ANT идти-PASS-PST-3
 'Клуб начал строиться'

Что касается конструкции с аттенуативным глаголом түс- 'падать', ни один пример, где бы показатель пассива использовался в этой конструкции, не был одобрен всеми носителями. Однако большинство носителей одобряет положение этого маркера именно на лексическом глаголе. Это показывает примеры (30–32).

(30) DELIM > PASS

- бу истиэнэ кырааска-л-ылын-а түс-т-э
 этот стена краска-VB-PASS-CVB.SIM падать-PST-3
 'Эту стену немного покрасили'

- (31) *бу истиэнэ кырааска-ллы түһ-үлүн-н-э
 этот стена краска-VB.CVB.SIM падать-CVB-PST-3
 'Эту стену немного покрасили'

- (32) *бу истиэнэ кырааска-л-ылын-а түһ-үлүн-н-э
 этот стена краска-VB-PASS-CVB.SIM падать-CVB-PST-3
 'Эту стену немного покрасили'.

Что касается конструкции с аспектуальными глаголами, маркирующими прогрессив, то в ней носители разрешают положение маркера пассива на лексическом глаголе и запрещают остальные типы положения маркера. Это показывает примеры (33–35).

(33) PROGR > PASS

- оскуола тут-улл-а тур-ар
 школа строить-PASS-CVB.SIM стоять-PRS
 'Школа строится'

- (34) *оскуола тут-а тур-улл-ар
 школа строить-CVB.SIM стоять-PASS-PRS
 'Школа строится'

- (35) *оскуола тут-улл-а тур-улл-ар
 школа строить-PASS-CVB.SIM стоять-PASS-PRS
 'Школа строится'

Таким образом, описанные нами данные не похожи на те, которые описаны в [Гращенков 2015]. В якутском, в отличие от тюркских языков из выборки П. В. Гращенкова, положение маркера пассива в конструкции с аспектуальными глаголами допустимо только один раз и только в одной позиции.

4.2. Позиция аффиксов каузатива

Мы предположили, что вершина, вводящая каузатив, находится структурно выше вершины, вводящей пассив. Рассмотрим, как устроена сочетаемость каузатива с аспектуальными глаголами. В отличие от пассива, маркер каузатива меняет условия истинности пропозиции, к которой присоединяется, а значит, кроме положения маркера каузатива, необходимо учитывать, какая у маркера каузатива сфера действия относительно аспектуального глагола.

Рассмотрим аттенуативный глагол *ыл-* 'брать'. Как и в случае с маркером пассива, маркер каузатива может быть расположен только на лексическом глаголе. Это показывают примеры (36–38).

(36) CAUS > DELIM

эдьий-э	балт-ы-гар	
старшая_сестра-3	младшая_сестра-3-PX.DAT	
мохоруон	буһар-тар-ан	ыл-л-а
макароны	варить-CAUS-CVB.ANT	братъ-PST-3

‘Старшая сестра сделала так, что младшая сестра немного поварила макароны’ (например, попросила сестру об этом)

(37) CAUS > DELIM

’эдьий-э	балт-ы-гар	
старшая_сестра-3	младшая_сестра-3-PX.DAT	
мохоруон	буһар-ан	ыл-лар-д-а
макароны	варить-CVB.ANT	братъ-CAUS-PST-3

‘Старшая сестра сделала так, что младшая сестра немного поварила макароны’ (например, попросила сестру об этом)

(38) CAUS > DELIM

ʔэдбий-э	балт-ы-гар	
старшая_сестра-3	младшая_сестра-3-PX.DAT	
мохоруон	буһар-тар-ан	ыл-лар-д-а
макароны	варить-CAUS-CVB.ANT	брать-CAUS-PST-3

ʔ: ‘Старшая сестра сделала так, что младшая сестра немного поварила макароны’

Однако важно обратить внимание, что в примере (36) сфера действия каузатива шире сферы действия аспектуального глагола. Пример (36) означает, что снижена длительность вложенного события (варки макарон), а не события каузации. С помощью сочетания маркера каузатива и аспектуального глагола ыл- ‘брать’ нельзя выразить значение при котором интенсивность и длительность будут понижены именно у события каузации. Это показывают примеры (39–41). То есть каузатив не может иметь узкую сферу действия относительно аттенуативного глагола.

(39) DELIM > CAUS

ʔэдбий-э	быраат-ы-гар	миин
старшая_сестра-3	брат-3-PX.DAT	суп
буһар-тар-ан	ыл-л-а	
варить-CAUS-CVB.ANT	брать-PST-3	

‘Старшая сестра поговаривала брата сварить суп’ [но не была настойчива]

(40) DELIM > CAUS

*эдбий-э	быраат-ы-гар	миин
старшая_сестра-3	брат-3-PX.DAT	суп
буһар-ан	ыл-лар-д-а	
варить-CVB.ANT	брать-CAUS-PST-3	

‘Старшая сестра поговаривала брата сварить суп’ [но не была настойчива]

(41) DELIM > CAUS

*эдбий-э	быраат-ы-гар	миин
старшая_сестра-3	брат-3-PX.DAT	суп
буһар-тар-ан	ыл-лар-д-а	
варить-CAUS-CVB.ANT	брать-CAUS-PST-3	

‘Старшая сестра поговаривала брата сварить суп’ [но не была настойчива]

Синтаксис и семантика клауз с аттенуативным глаголом *түс-* ‘падать’ и маркером каузатива устроены так же, как и для глагола *ыл-* ‘брать’. Примеры (42–44) показывают, что если аспектуальный глагол относится к вложенному подсобытию, то допустимы предложения, в которых маркер каузатива расположен на лексическом глаголе.

(42) CAUS > DELIM

Айсена	дьүөгэ-тин	
Айсена	друг-РХ.АСС	
сынньа-т-а		түс-т-э
отдохнуть-CAUS-CVB.SIM		падать-PST-3
‘Айсена заставила подругу немного отдохнуть’		

(43) CAUS > DELIM

*Айсена	дьүөгэ-т-ин	
Айсена	друг-РХ.АСС	
сынньан-а		түс-тэр-д-э
отдохнуть-CVB.SIM		падать-CAUS-PST-3
‘Айсена заставила подругу немного отдохнуть’		

(44) CAUS > DELIM

*Айсена	дьүөгэ-тин	сынньа-т-а
Айсена	друг-РХ.АСС	отдохнуть-CAUS-CVB.SIM
түс-тэр-д-э		
падать-CAUS-PST-3		
Ожид. зн. ‘Айсена заставила подругу немного отдохнуть’		
ИЛИ: ‘Айсена заставила кого-то заставить подругу немного отдохнуть’		

Предложения, в которых глагол *түс-* ‘падать’ относится к событию каузации, недопустимы вне зависимости от того, где расположен маркер каузатива. Это показывают примеры (45–47).

(45) DELIM > CAUS

*Уйгун	быраат-ы-гар	мас
Уйгун	брат-3-РХ.DAT	дерево

хайыт-тар-а	түс-т-э
колоть-CAUS-CVB.SIM	падать-PST-3

‘Уйгун немного позаставлял брата колоть дрова’ [Но не был настойчив]

(46) DELIM > CAUS

*Уйгун	быраат-ы-гар	мас
Уйгун	брат-3-PX.DAT	дерево

хайыт-а	түс-тэр-д-э
колоть-CVB.SIM	падать-CAUS-PST-3

‘Уйгун немного позаставлял брата колоть дрова’ [Но не был настойчив]

(47) DELIM > CAUS

*Уйгун	быраат-ы-гар	мас
Уйгун	брат-3-PX.DAT	дерево

хайыт-тар-а	түс-тэр-д-э
колоть-CAUS-CVB.SIM	падать-CAUS-PST-3

‘Уйгун немного позаставлял брата колоть дрова’ [Но не был настойчив]

Синтаксис и семантика клауз с аспектуальными глаголами, маркирующими прогрессив, и маркером каузатива устроена так же, как и для обоих аттенуативных глаголов. Допустимыми являются предложения, в которых маркер каузатива расположен на лексическом глаголе; это показывают примеры (48–50). Сфера действия каузатива в этих примерах не очевидна, поэтому она не подписана.

(48) аға-та	уол-у-гар	мас
отец-3	сын-3-PX.DAT	дерево

хайыт-тар-а	сылдь-ар
рубить-CAUS-CVB.SIM	посещать-PRS

‘Отец заставляет сына колоть дрова’

(49) *аға-та	уол-у-гар	мас
отец-3	сын-3-PX.DAT	дерево

хайыт-а	сылдьа-т-ар
рубить-CVB.SIM	посещать-CAUS-PRS

‘Отец заставляет сына колоть дрова’

- (50) *аҗа-та уол-у-гар мас
отец-3 сын-3-PX.DAT дерево
хайыт-тар-а сылды-т-ар
рубить-CAUS-CVB.SIM посещать-CAUS-PRS
'Отец заставляет сына колоть дрова'

Из примера (48) не очевидно, каков порядок сфер действия аспектуального глагола и каузатива. Чтобы выяснить это, рассмотрим сочетаемость примеров типа (48) с наречием *уһуннук* 'долго'. Пример (51) показывает, что если наречие *долго* модифицирует вложенное подсобытие, то такой пример является допустимым.

- (51) аҗа-та уол-у-гар уһуннук мас
отец-3 сын-3-PX.DAT долго дерево
хайыт-тар-а сылды-ар
рубить-CAUS-CVB.SIM посещать-PRS
'Отец заставляет сына долго колоть дрова'

Допустимость примера (51) сама по себе ничего не говорит о порядке сфер действия каузатива и глаголов, маркирующих прогрессив. Глаголы, которые маркируют прогрессив, в настоящем времени означают действие, которое не завершилось к моменту речи [Дунцов, Лапшина]. Таким образом, у примера (51) возможна интерпретация, при которой аспектуальный глагол *сылдыр* имеет более широкую сферу действия, чем каузатив. То есть сейчас отец делает так, что в будущем сын будет долго колоть дрова.

Тем не менее, можно показать, что предложенный выше анализ неверен. Если бы глаголы, маркирующие прогрессив, могли иметь сферу действия шире маркера каузатива, то наречие *долго* могло бы модифицировать только подсобытие каузации. Однако пример (52) показывает, что так не происходит.

- (52) PROGR > CAUS

*ийэ-тэ өр уол-у-гар бачыынка-тын
мать-3 долго мальчик-3-PX.DAT ботинки-PX.ACC
ырааста-т-ан сылды-ар
чистить-CAUS-CVB.SIM посещать-PRS

‘Мать долго заставляет сына чистить ботинки’ [А он все никак не начнет чистить]

В этом примере к моменту речи относится только подсобытие каузации: мать заставляет сына. А каузируемое подсобытие — сын чистит ботинки — в момент речи еще не начало происходить. Таким образом, для аспектуальных глаголов, маркирующих прогрессив, тоже верно, что сфера каузатива всегда шире сферы действия аспектуального глагола.

Тем не менее, такое соотношение сфер действия верно не для всех аспектуальных глаголов якутского языка. Для инхоативного глагола *бар-* ‘идти’ большинство носителей допускает оба порядка сфер действия. Примеры (53–55) показывают, что если сфера действия каузатива шире, чем у аспектуального глагола, маркер каузатива может быть расположен только на лексическом глаголе.

(53) CAUS > INCH

учуутал	үөрэн-ээччи-гэр	соруудаҕ-ы
учитель	учиться-PROF.3-PX.DAT	задание-ACC
суотта-т-ан	бар-д-а	
решать-CAUS-CVB.ANT	идти-PST-3	

‘Учитель заставил ученика начать решать задачу’

(54) CAUS > INCH

*учуутал	үөрэн-ээччи-гэр	соруудаҕ-ы
учитель	учиться-PROF.3-PX.DAT	задание-ACC
суоттаа-н	бар-тар-д-а	
решать-CVB.ANT	идти--CAUS-PST-3	

‘Учитель заставил ученика начать решать задачу’

(55) CAUS > INCH

*учуутал	үөрэн-ээччи-гэр	соруудаҕ-ы
учитель	учиться-PROF.3-PX.DAT	задание-ACC
суотта-т-ан	бар-тар-д-а	
решать-CAUS-CVB.ANT	идти-CAUS-PST-3	

‘Учитель заставил ученика начать решать задачу’

‘Учитель заставил кого-то заставить ученика начать решать задачу’

Однако для большинства носителей допустимы контексты, при которых глагол *бар-* ‘идти’ означает начало именно каузирующего подсобытия. Важно отметить, что при этом единственно возможное положение маркера каузатива — на лексическом глаголе. Это показывают примеры (56–58).

(56) INCH > CAUS

ийэ-тэ	уол-у-гар	уруог-ун
мама-3	мальчик-3-PX.DAT	урок-PX.ACC
аах-тар-ан	бар-д-а	
читать-CAUS-CVB.ANT	начинать-PST-3	

‘Мама начала заставлять ребенка делать уроки’

(57) INCH > CAUS

*ийэ-тэ	уол-у-гар	уруог-ун
мама-3	мальчик-3-PX.DAT	урок-PX.ACC
ааҕ-ан	бар-тар-д-а	
читать-CVB.ANT	начинать-CAUS-PST-3	

‘Мама начала заставлять ребенка делать уроки’

(58) INCH > CAUS

*ийэ-тэ	уол-у-гар	уруог-ун
мама-	мальчик-3-PX.DAT	урок-PX.ACC
аах-тар-ан	бар-тар-д-а	
читать-CAUS-CVB.ANT	начинать-CAUS-PST-3	

‘Мама начала заставлять ребенка делать уроки’
 ‘Мама начала заставлять кого-то заставлять ребенка делать уроки’

Пример (56) — единственный в этом параграфе, в котором позиция аффикса каузатива не нарушает Зеркальный принцип [Baker 1985]: маркер каузатива расположен ближе к корню, чем аспектуальный глагол, и его сфера действия тоже уже. С остальными глаголами Зеркальный принцип нарушается. В параграфе 3 мы показали, что нарушение Зеркального принципа свойственно каузативу в якутском — и его поведение в конструкциях с аспектуальными глаголами не является исключением.

4.3. Позиция аффиксов отрицания

В параграфе 3 мы предположили, что вершина, вводящая отрицание — самая высокая из тех, которые мы рассматриваем. Рассмотрим, что происходит, если в одной клаузе возникает как отрицание, так и аспектуальные глаголы. Поскольку, как мы показали в параграфе 3, отрицательные формы есть у многих показателей времени или конвербов, далее мы будем говорить, что аффикс отрицания расположен на лексическом / аспектуальном глаголе, если на этом глаголе расположен аффикс, передающий, помимо прочего, грамматическое значение отрицания.

В конструкции с аттенуативным глаголом *ыл-* ‘брать’ отрицание может быть только на аспектуальном глаголе. Это показывают примеры (59–61). Таким образом, поведение маркера отрицания отличается от поведения маркеров пассива и каузатива: он может быть расположен на аспектуальном глаголе.

(59) DELIM > NEG

Айтал *книгэ ааџ-ан* (да) *ыл-бат-а*
 Айтал *книга читать-CVB.ANT ADD* *брать-NEG-3*
 Айтал постоянно сидит в телефоне и не читает книги.
 ‘Айтал даже немного книгу не почитал’

(60) DELIM > NEG

*Айтал *книгэ аах-пакка* (да) *ыл-л-а*
 Айтал *книга читать-CVB.ANT.NEG ADD* *брать-PST-3*
 ‘Айтал даже немного книгу не почитал’

(61) DELIM > NEG

*Айтал *книгэ аах-пакка* (да) *ыл-бат-а*
 Айтал *книга читать-CVB.ANT.NEG ADD* *брать-NEG-3*
 *: ‘Айтал даже немного книгу не почитал’
 *: ‘Неверно, что Айтал даже немного книгу не почитал’

В примере (59) аттенуативный глагол находится в сфере действия отрицания: отрицается факт совершения действия малой длительности и малой интенсивности. Важно отметить, что в этом примере Зеркальный принцип не нарушается.

У отрицания и аттенуатива потенциально возможен другой порядок сфер действия: сфера действия аттенуатива шире сферы действия отрицания. В таком случае предложение, где возникают и аттенуативный глагол, и маркер отрицания, означало бы, что событие не происходило некоторое незначительное время. Однако пример (62) показывает, что такое значение в якутском передать с помощью аффикса отрицания и аттенуативного глагола ыл- 'брать' невозможно.

(62) NEG > DELIM

*Айтал кинигэ аах-пакка ыл-л-а
Айтал книга читать-CVB.ANT.NEG брать-PST-3
'Айтал ненадолго перестал читать книгу'

Поведение аттенуативного глагола түс- 'падать' совпадает с поведением глагола ыл- 'брать'. Аффикс отрицания может быть расположен только на аспектуальном глаголе, в этом случае аспектуальный глагол оказывается в сфере действия отрицания. Это показывают примеры (63–65).

(63) DELIM > NEG

дьахтар сынньан-а да түс-пэт-э
женщина отдыхать-CVB.SIM ADD падать-NEG-3
'Женщина даже немного не отдохнула'

(64) DELIM > NEG

?дьахтар сынньам-макка да түс-т-э
женщина отдыхать-CVB.SIM.NEG ADD падать-PST-3
'Женщина даже немного не отдохнула'

(65) DELIM > NEG

?дьахтар сынньам-макка да түс-пэт-э
женщина отдыхать-CVB.SIM.NEG ADD падать-NEG-3
?: 'Женщина даже немного не отдохнула'
*: 'Неверно, что женщина даже немного не отдохнула'

При этом сфера действия отрицания обязательно должно быть шире сферы действия аспектуального глагола. Пример (66) показывает, что узкая сфера действия отрицания с глаголом түс- 'падать' не допустима.

(66) NEG > DELIM

*дыахтар	сынньам-макка	түс-т-э
женщина	отдыхать-CVB.SIM.NEG	падать-PST-3

‘Женщина ненадолго перестала отдыхать’

Взаимодействие других аспектуальных глаголов с отрицанием отличается от поведения аттенуативных глаголов. Так, для инхотативного глагол *бар-* ‘идти’ позиция аффикса отрицания на аспектуальном глаголе недопустима (пример 67). При этом пример (67) недопустим вне зависимости от того, каков порядок сфер действия отрицания и инхотативного глагола. Недопустима она, как и для всех остальных аспектуальных глаголов нашей выборки, на лексическом и аспектуальном глаголе одновременно (пример 68).

(67) NEG > INCH / INCH > NEG

*Күннэй	эбиэт-ин	буһар-ан	бар-бат-а
Күннэй	обед-РХ.АСС	жарить-CVB.ANT.	идти-NEG-3

‘Кюннэй перестала готовить обед’
‘Кюннэй еще не начала готовить обед’

(68) NEG > INCH / NEG > NEG > INCH

*Күннэй	эбиэт-ин	буһар-бакка	бар-бат-а
Күннэй	обед-РХ.АСС	жарить-CVB.ANT.NEG	идти-NEG-3

‘Кюннэй перестала готовить обед’
‘Неверно, что Кюннэй перестала готовить обед’

Однако стоит подробнее разобрать случай, при котором в конструкции с аспектуальным глаголом *бар-* ‘идти’ отрицание возникает на лексическом глаголе. Большинство носителей считают пример (69), в котором показано такое расположение аффикса отрицания, неприемлемым. Но все же пример (69) носители разрешали чаще, чем примеры (67) и (68).

(69) INCH > NEG

*Күннэй	эбиэт-ин	буһар-бакка	бар-д-а
Күннэй	обед-РХ.АСС	жарить-CVB.ANT.NEG	идти-PST-3

‘Кюннэй перестала готовить обед’
*: ‘Кюннэй еще не начала готовить обед’

Нам кажется, что неприемлемость примера (69) может быть связана с особенностями его значения. Единственное структурно возможное значение примера (69) — такое, где соблюдается Зеркальный принцип и сфера действия отрицания уже сферы действия аспектуального глагола. В этом случае значение предложения — ‘кто-либо начал не делать Р’. Однако предложение с таким значением кажется носителям неестественным.

Итак, для инхоативных и аттенуативных глаголов грамматичной является только одна позиция отрицания: для показателей аттенуатива — на аспектуальном глаголе, для показателей инхоатива — на лексическом. В обоих случаях порядок сфер действия отрицания и аспектуального глагола изоморфен их синтаксической позиции близости к корню лексического глагола. Однако аспектуальные глаголы, маркирующие прогрессив, ведут себя иначе: для них допустима как позиция отрицания на лексическом глаголе, как в примере (70), так и позиция отрицания на аспектуальном глаголе, как в примере (71). Тем не менее, аффикс отрицания не может быть расположен на обоих глаголах одновременно, как в примере (72).

(70) NEG > PROGR = PROGR > NEG

билигин	хаар	түс-пэккэ	тур-ар
сейчас	снег	падать-CVB.SIM.NEG	стоять-PRS

‘Сейчас не идет снег’

(71) NEG > PROGR = PROGR > NEG

билигин	хаар	түһ-э	тур-бат
сейчас	снег	падать-CVB.SIM	стоять-NEG

‘Сейчас не идет снег’

(72) NEG > PROGR = PROGR > NEG

*билигин	хаар	түс-пэккэ	тур-бат
сейчас	снег	падать-CVB.SIM.NEG	стоять-NEG

‘Сейчас не идет снег’
‘Неверно, что сейчас не идет снег’

Что касается сфер действия отрицания и прогрессива, мы предполагаем, что как в примере (70), так и в при-

мере (71) Зеркальный принцип соблюдается. Однако значения, которые возникают благодаря разным порядкам сфер действия отрицания и прогрессива, оказываются омонимичными. Так, в примере (70) сфера действия отрицания узкая; это предложение означает, что для момента в настоящем времени верно, что снег идет. А в примере (71) сфера действия отрицания широкая; это предложение означает: неверно, что в момент речи идет дождь.

Подведем промежуточный итог. В таблице 1 показано, какие порядки разных морфем относительно аспектуальных глаголов являются наиболее приемлемыми.

Таблица 1. Наиболее естественная позиция маркеров пассива, каузатива и отрицания в конструкциях с аспектуальными глаголами

	Маркер каузатива	Маркер пассива	Маркер отрицания
Делимитативный глагол ыл- 'брат'	на лексическом глаголе	на лексическом глаголе	на легком глаголе
Инхоативный глагол бар- 'идти'	на лексическом глаголе	на лексическом глаголе	на лексическом глаголе
Делимитативный глагол түс- 'падать'	на лексическом глаголе	на лексическом глаголе	на легком глаголе
Аспектуальные глаголы, маркирующие прогрессив	на лексическом глаголе	на лексическом глаголе	как на легком, как и на лексическом

Итак, данные о сочетаемости аспектуальных глаголов с показателями пассива, каузатива и отрицания в якутском языке не совпадают с данными, которые П. В. Гращенков [2015] приходит для тюркских языков своей выборки. Попытаемся предположить, что это говорит о синтаксисе клауз с аспектуальными глаголами в якутском языке.

5. Аспектуальные глаголы в якутском: реструктурирование, а не частичная грамматикализация

Теория частичной грамматикализации, которую разрабатывает П. В. Гращенков [2015], объясняет в первую очередь две особенности поведения аспектуальных глаголов в тюркских языках:

1. возможность расположения одной и той же морфемы на лексическом и аспектуальном глаголе одновременно;
2. возможность разных сфер действия аффиксов отрицания и каузатива с одним аспектуальным глаголом.

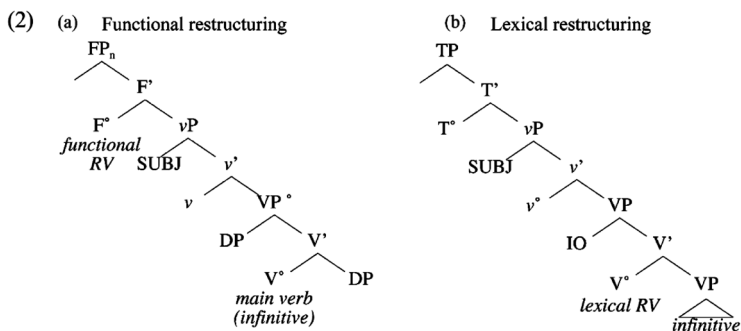
Первым свойством не обладает ни один из аспектуальных глаголов якутского языка из нашей выборки. Вторым свойством не обладает подавляющее большинство аспектуальных глаголов из нашей выборки; исключение — глаголы, маркирующие прогрессив, в сочетании с аффиксом отрицания.

Таким образом, теория частичной грамматикализации [Гращенков 2015] к аспектуальным глаголам неприменима. Для якутского языка неверно, что у лексического и у аспектуального глаголов есть собственные наборы функциональных проекций.

Подход, согласно которому якутские аспектуальные глаголы являются реструктурирующими, гораздо лучше объясняет данные, приведенные в разделе 4. С. Вурмбранд [Wurmbrand 2004] различает два типа реструктурирования: лексическое и функциональное. При функциональном реструктурировании матричный предикат занимает одну из функциональных проекций вложенного. В этом случае вершина, вводящая его, расположена выше вершины, которая является фазой, — *vP* или *VoiceP* в зависимости от подхода к структуре клаузы. При лексическом реструктурировании матричный предикат берет своим компонентом вложенный предикат, в структуре которого нет *vP*. За счет этого субъект всего предложения с лексическим реструктурированием порождается в матричной клаузе. На рисунке 6

показано различие между этими двумя типами реструктурирования.

Рисунок 6. Структура клауз с лексическим и функциональным реструктурированием [Гращенков 2015: 102]

Похожее различие предлагается в [Fukuda 2012] для японских аспектуальных глаголов. Он показывает, что аспектуальные глаголы в японском могут занимать две разных функциональных проекции аспекта. Глагол *owar-* ‘кончать’ всегда расположен в проекции, расположенной выше проекции vP. Глагол *oe-* ‘finish’ всегда расположен в проекции, расположенной ниже проекции vP. Также Фукуда анализирует синтаксис двух глаголов: *hajime-* ‘начинать’ и *tsuzuke-* ‘продолжать’. Он показывает, что эти глаголы могут занимать как более низкую, так и более высокую аспектуальные проекции. Один из аргументов за эту теорию, который проводит Фукуда — разное положение аффикса пассива в конструкциях с разными аспектуальными глаголами.

И в [Wurmbrand 2004], и в [Fukuda 2012] показано, что если в предложении с реструктурированием матричный глагол порождается ниже vP, то для таких предложений возможен *длинный пассив*, то есть пассивизация обеих клауз одновременно. Однако в разделе 4.1 мы показали, что для аспектуальных глаголов нашей выборки длинный пассив невозможен: аффикс пассива может быть расположен только на лексическом глаголе.

В разделах 4.2–4.3 показано, что взаимодействие аспектуальных глаголов и других аффиксов не гомогенно. Обсудим в начале взаимодействие аспектуальных глаголов из нашей выборки с отрицанием, так как в этом случае Зеркальный принцип соблюдается. Атенуативные глаголы находятся в сфере действия отрицания, маркер расположен на аспектуальном глаголе. Поэтому мы предполагаем, что вершина, вводящая аттенуативные глаголы, находится ниже NegP. Инхоативный глагол плохо сочетается с отрицанием, но в разделе 4.3 мы показали, что узкая сфера действия для него более естественна, чем широкая. Поэтому мы предполагаем, что вершина, вводящая инхоативный глагол, выше NegP. Что касается глаголов, маркирующих прогрессив, то мы показали, что для них возможны обе сферы действия отрицания и обе позиции его аффикса. Поэтому мы предполагаем, что вводящая их проекция может быть как выше, так и ниже NegP.

Итак, можно предположить, что в якутском глагольном хребте существуют две аспектуальные проекции. Напомним, что в параграфе 3 мы предположили, что в якутском структура глагольного хребта выглядит так, как показано в примере (73):

(73) TP [NegP [VoiceP [v-causP [Voice-causeeP [vP]]]]]

Более высокая аспектуальная проекция находится как выше NegP, так и выше Voice-causeeP (вершины, вводящей маркер пассива). Ее расположение показано в примере (74). Эту вершину обязательно занимает инхоативный глагол *бар-* ‘идти’ и могут занимать глаголы, маркирующие прогрессив.

(74) TP [**Asp1P** [NegP [VoiceP [v-causP [Voice-causeeP [vP]]]]]].

Более низкая аспектуальная проекция находится ниже отрицания. Однако возникает вопрос, где она находится относительно вершин, вводящих каузатив. Положение аффикса каузатива не поможет ответить на этот вопрос: в разделах 3 и 4.2 мы показали, что аффикс каузатива находится рядом с корнем лексического глагола вне зависимости

от его сферы действия. Однако сами сферы действия в конструкциях с разными аспектуальными глаголами различаются. Для инхоативного глагола *бар-* ‘идти’, который занимает более высокую проекцию аспекта, допустима как широкая, так и узкая сфера действия относительно каузатива. Однако для аттетуативных глаголов допустима только узкая сфера действия относительно каузатива.

С опорой на [Harizanov & Gribanova 2019] мы предположили, что широкая сфера действия маркера каузатива возникает благодаря передвижению этого маркера. Это передвижение осуществляется либо в рамках Узкого Синтаксиса, либо в рамках Логической формы. При любом возможном анализе важно, что передвижения такого типа могут быть направлены только вверх. Значит, если для аспектуального глагола доступна только широкая сфера действия каузатива, то этот глагол вводится в проекции ниже, чем вводящие каузатив вершины. Позиция этой проекции показана в примере (75).

(75) TP [NegP [VoiceP [v-causP [**Asp2P** [Voice-causeeP [vP]]]]]]

Именно эту проекцию занимают демилитативные глаголы *ыл-* ‘брат’ и *түс-* ‘падать’. Что касается аспектуального глагола *бар-* ‘идти’, вариативность сферы действия каузативного оператора возникает благодаря тому, что позиция, в которой он порождается, находится выше позиции маркера каузатива (см. пример (74)). А в разделе 3 мы показали, что для каузатива доступны передвижения вверх, благодаря которым возникает порядок сфер действия, нарушающий Зеркальный Принцип.

Некоторую проблему для анализа выше представляет тот факт, что для аспектуальных глаголов, маркирующих прогрессив, доступна только узкая сфера действия относительно каузатива. То есть в предложениях, где есть аффикс отрицания, они могут занимать как более высокую, так и более низкую проекцию аспекта, а в предложениях, где есть аффикс каузатива, — только более низкую. Причины такого поведения требуют дальнейшего изучения.

Тем не менее наличие в якутском языке двух аспектуальных вершин, чья позиция показана в примерах (74) и (75), интересно с точки зрения различия между лексическим и функциональным реструктурированием. Если в клаузах аспектуальные апорождаются в более высокой аспектуальной проекции, — то это клаузы с функциональным реструктурированием. Матричный глагол в них порождается выше всех вершин, вводящих участников, и выше залоговых вершин. Интереснее случай клауз, в которых аспектуальные глаголы порождаются в более низкой проекции. Такие клаузы — клаузы с лексическим реструктурированием: аспектуальный глагол в них порождается ниже вершины, вводящей одного из участников, а именно каузатора. Однако такие клаузы отличаются от тех, которые рассматривает С. Вурмбранд [Wurmbrand 2004]. Дело в том, что участник, который вводится выше матричного глагола, возникает не в каждом предложении, а только в тех предложениях, где есть каузатив.

Итак, мы в этой статье мы показали, что синтаксис аспектуальных глаголов в якутском отличается от синтаксиса аспектуальных глаголов в других тюркских языках, которые были исследованы ранее. И набор позиций аффиксов, и набор их сфер действия в конструкциях с аспектуальными глаголами в якутском более ограничен. Мы показали, что якутские клаузы с аспектуальными глаголами — клаузы с реструктурированием, лексическим или функциональным.

Глоссы

- 1 — первое лицо
- 3 — третье лицо
- ABL — аблатив
- ADD — аддитив
- ADV — наречие
- ANT — предшествование
- ACC — аккумулятив
- CAUS — каузатив

COP — копульная серия лично-числовых окончаний
CVB — конверб
DAT — дательный падеж
GEN — генитив
NEG — отрицание
PASS — пассив
PL — множественное число
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
PTCP — причастие
PX — посессивное склонение имен
SG — единственное число
SIM — одновременность
ST — тематический гласный
VB — вербализатор

Литература

Гращенко 2015 — Гращенко П. В. *Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация*. Москва, 2015.

Гращенко, Ермолаева 2015 — Гращенко П. В., Ермолаева М. Б. О двойственной природе тюркских конвербов. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2015, 2: 42–57.

Дунцов, Лапшина 2023 — Дунцов А. Н., Лапшина К. М. Прогрессив и хабитуалис в якутском языке: точки пересечения. *Малые языки в большой лингвистике*. Москва, 2023.

Макарчук 2024 — Макарчук И. В. *Типология показателей глагольной меры: аттенуативные значения*. Москва, 2024.

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва, 2011.

Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва, 2001.

Убрятова 1982 — Убрятова Е. И. (ред.). *Грамматика современного якутского литературного языка*. Москва, 1982.

Харитонов 1960 — Харитонов Л. Н. *Формы глагольного вида в якутском языке*. Москва; Ленинград, 1960.

Akkus 2021 — Akkuş F. (*Implicit*) *argument introduction, voice and causatives*. Philadelphia, 2021.

Baker 1985 — Baker M. C. The Mirror Principle and morpho-syntactic explanation. *Linguistic Inquiry*, 1985, 16(3): 373–415.

Baker 1988 — Baker M. Theta theory and the syntax of applicatives in Chichewa. *Natural Language & Linguistic Theory*, 1988, 6(3): 353–389.

Bobaljik 1995 — Bobaljik J. D. *Morphosyntax: The syntax of verbal inflection*. Cambridge, MA, 1995.

Chomsky 1993 — Chomsky N. *Language and thought*. London, 1993.

Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-linguistic Perspective*. Oxford, 1999.

Cinque 2001 — Cinque G. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish. *The verb in Turkish*. E. E. Taylan (ed.). Amsterdam; Philadelphia, 2001, 47–59.

Fukuda 2012 — Fukuda S. Aspectual verbs as functional heads: Evidence from Japanese aspectual verbs. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2012, 30: 965–1026.

Ebata 2011 — Ebata F. Sakha (Yakut). *Grammatical Sketches from the Field*. Ya. Yamakoshi (ed.). 2011, 179–212.

Embick & Noyer 2001 — Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax. *Linguistic Inquiry*, 2001, 32(4): 555–595.

Halle & Marantz 1994 — Halle M., Marantz A. Some key features of Distributed Morphology. *MIT working papers in linguistics*, 1994, 275–288.

Harizanov & Gribanova 2019 — Harizanov B., Gribanova V. Whither head movement? *Natural Language & Linguistic Theory*, 2019, 37(2): 461–522.

İşsever 2008 — İşsever S. *Information structure in Turkish: The word order-prosody interface*. Munich, 2008.

Johanson 2021 — Johanson L. The structure of Turkic. *The Turkic languages*. L. Johanson, Éva Á. Csató (eds.). London; New York, 2021, 26–59.

Keskin 2009 — Keskin C. *Subject agreement dependency of accusative case in Turkish or jump-starting grammatical machinery*. Utrecht, 2009.

Key 2013 — Key G. *The morphosyntax of the Turkish causative construction*. Tucson, Arizona, 2013.

Koopman 1986 — Koopman H. On deriving deep and surface order. *NELS* 14, 1986.

Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from its verb. *Phrase structure and the lexicon*. J. Rooryck, L. Zaring (eds.). Dordrecht; Boston; London, 1996, 109–137.

Legate 2014 — Legate J. A. *Voice and v: Lessons from Acehnese*. Cambridge, 2014.

Nie 2025 — Nie Y. Turkish causatives are recursive: A response to Key 2013. *Linguistic Inquiry*, 2025, 56(2): 401–414.

Svenonius 2016 — Svenonius P. Spans and words. *Morphological metatheory*. D. Siddiqi, H. Harley (eds.). 2016, 201–222.

Travis 1984 — Travis L. D. *Parameters and effects of word order variation*. Cambridge, MA, 1984.

Wurmbrand 2004 — Wurmbrand S. Two types of restructuring – Lexical vs. functional. *Lingua*, 2004, 114(8): 991–1014.

Wurmbrand 2014 — Wurmbrand S. Restructuring across the world. *Complex visibles out there. Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium*. Olomouc, 2014, 275–294.

References

Akkuş F. *(Implicit) argument introduction, voice and causatives*. Philadelphia, 2021.

Baker M. C. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry*, 1985, 16(3): 373–415.

Baker M. Theta theory and the syntax of applicatives in Chichewa. *Natural Language & Linguistic Theory*, 1988, 6(3): 353–389.

Bobaljik J. D. *Morphosyntax: The syntax of verbal inflection*. Cambridge, MA, 1995.

Chomsky N. *Language and thought*. London, 1993.

Cinque G. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-linguistic Perspective*. Oxford, 1999.

Cinque G. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish. *The verb in Turkish*. E. E. Taylan (ed.). Amsterdam; Philadelphia, 2001, 47–59.

Duntsov A. N., Lapshina K. M. Progressiv i khabitualis v yakutskom yazyke: tochki peresecheniya [Progressive and habitual in the Yakut language: points of intersection]. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. Moskva, 2023. (In Russ.)

Ebata F. Sakha (Yakut). *Grammatical Sketches from the Field*. Ya. Yamakoshi (ed.). 2011, 179–212.

Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax. *Linguistic Inquiry*, 2001, 32(4): 555–595.

Fukuda S. Aspectual verbs as functional heads: Evidence from Japanese aspectual verbs. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2012, 30: 965–1026.

Grashchenkov P. V. *Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic Converbs and Serialization: Syntax, Semantics, Grammaticalization]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Grashchenkov P. V., Ermolaeva M. B. O dvoistvennoi prirode tyurkskikh konverbov [On the dual nature of Turkic conversions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2015, 2: 42–57. (In Russ.)

Halle M., Marantz A. Some key features of Distributed Morphology. *MIT working papers in linguistics*, 1994, 275–288.

Harizanov B., Gribanova V. Whither head movement? *Natural Language & Linguistic Theory*, 2019, 37(2): 461–522.

İşsever S. *Information structure in Turkish: The word order-prosody interface*. Munich, 2008.

Johanson L. The structure of Turkic. *The Turkic languages*. L. Johanson, Éva Á. Csató (eds.). London; New York, 2021, 26–59.

Keskin C. *Subject agreement dependency of accusative case in Turkish or jump-starting grammatical machinery*. Utrecht, 2009.

Key G. *The morphosyntax of the Turkish causative construction*. Tucson, Arizona, 2013.

Kharitonov L. N. *Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke* [Verb forms in the Yakut language]. Moskva; Leningrad, 1960. (In Russ.)

Koopman 1986 — Koopman H. On deriving deep and surface order. *NELS* 14, 1986.

Kratzer A. Severing the external argument from its verb. *Phrase structure and the lexicon*. J. Rooryck, L. Zaring (eds.). Dordrecht; Boston; London, 1996, 109–137.

Legate 2014 — Legate J. A. *Voice and v: Lessons from Acehnese*. Cambridge, 2014.

Makarchuk I. V. *Tipologiya pokazatelei glagol'noi mery: attenuativnye znacheniya* [Typology of verb measure indicators: attenuative meanings]. Moskva, 2024. (In Russ.)

Nie 2025 — Nie Y. Turkish causatives are recursive: A response to Key 2013. *Linguistic Inquiry*, 2025, 56(2): 401–414.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Svenonius P. Spans and words. *Morphological metatheory*. D. Siddiqi, H. Harley (eds.). 2016, 201–222.

Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Travis L. D. *Parameters and effects of word order variation*. Cambridge, MA, 1984.

Ubryatova E. I. (red.). *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Yakut literary language]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Wurmbrand S. Two types of restructuring – Lexical vs. functional. *Lingua*, 2004, 114(8): 991–1014.

Wurmbrand S. Restructuring across the world. *Complex visibles out there. Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium*. Olomouc, 2014, 275–294.

Выражение погоды в чукотском: образование основ, инкорпорация и трансимперсональные конструкции

Алексей Игоревич Виняр

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

alexvinyar@yandex.ru

В статье рассматриваются погодные конструкции в чукотском языке, а именно морфосинтаксические средства, с помощью которых этот язык выражает события, связанные с погодными и природными явлениями. В число таких событий принято включать как динамические ситуации, вроде дождя или молнии, так и статические, вроде состояний температуры или освещенности. Удалось обнаружить, что чукотский язык выражает эти события такими средствами морфологии и синтаксиса, которые не только отличаются от более описанных средств в языках Евразии, но и не слишком удачно вписываются в принятые классификации погодных конструкций: в чукотском языке синтаксически сведения о погодном событии заключены в предикат, однако основную информацию о нем передают именные корни. Таким образом, сложно назвать лексикализацию погоды ограниченной именным или глагольным доменом, равно как и смешанной — выражающейся в обоих типах словоформ. Основное лексическое значение и более абстрактное предикативное в чукотском действительно оказываются разделены между морфемами разных лексических классов, однако обе такие морфемы практически всегда объединены в одну предикативную словоформу. Подобная «двойственность» чукотского становится возможной благодаря продуктивной инкорпорации «подлежащего» и отымённой вербализации (в том числе с помощью так называемых лексических аффиксов) в домене погодных значений. Эти две морфосинтаксические стратегии демонстрируют те же формальные сходства и при описании более локализуемых в пространстве природных явлений (таяние льда, сход лавины): в этих, а не в других конструкциях, оказываются возможными как нульместные имперсональные клаузы, так и, в некоторых случаях, трансимперсональные. Так, в случае чукотского

языка можно говорить об особом статусе клауз «природных явлений», куда, в частности, входят и погодные клаузы. Такие морфосинтаксические конструкции и ограничения на их формирование представляют отдельный интерес и требуют дополнительного исследования, однако уже в этой статье мы можем отметить, что они демонстрируют сложные ограничения на структуру события при выборе между переходной трансимперсональной и непереходной конструкцией, а также нетривиальные лексические ограничения на возможность образования нульместной имперсональной конструкции: последняя, по-видимому, оказывается возможна только для некоторых природных (в отличие от связанных с деятельностью человека) ситуаций.

Ключевые слова: чукотский язык; погодные конструкции; инкорпорация имени; отымённые вербализаторы; лексические аффиксы

Для цитирования: Виняр А. И. Выражение погоды в чукотском: образование основ, инкорпорация и трансимперсональные конструкции. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 59–97. DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-59-97

Chukchi weather expressions: Stem formation, incorporation and transimpersonal constructions

Aleksey Igorevich Vinyar

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
alexvinyar@yandex.ru*

In this article I discuss weather constructions in the Chukchi language, focusing on the morphosyntactic means by which Chukchi expresses events related to weather and natural phenomena. Both dynamic situations, such as rain or lightning, and static ones, such as temperature or lighting conditions, are usually included in discussions of weather constructions. Chukchi expresses such events by means of morphology and syntax that not only differ from the more widely explored means in other languages of Eurasia, but also do not fit very well into the accepted classifications of weather constructions. Thus, in Chukchi, information about a weather event is syntactically inclu-

ded in the predicate word form, but the main lexical information about the event in question is conveyed by nominal roots. Thus, it's difficult to characterize the lexicalization of weather in Chukchi as limited to either the nominal or verbal domain, nor as a mixed domain that is expressed by both types of word forms. The primary lexical meaning and the more abstract predicative meaning in Chukchi are indeed divided between morphemes of different lexical classes, but both such morphemes are almost always combined into a single predicative word form. Such a "duality" in Chukchi is possible due to productive incorporation and denominal verbalization (including constructions formed via so-called lexical affixes) in the weather domain. These two morphosyntactic strategies also demonstrate the same formal similarities when describing more spatially localized natural phenomena (ice melting, avalanches): in these particular constructions, zero-place impersonal clauses are possible, and in some cases, transimpersonal ones. Thus, in the case of Chukchi, one can speak of a special status for "natural phenomena" clauses, which, in particular, include weather clauses. Such morphosyntactic constructions and the restrictions on their formation are of particular interest and require further study. However, in this article, we can already note that they demonstrate complex constraints on the structure of an event when choosing between a transitive transimpersonal and an intransitive construction. Additionally, one can observe nontrivial lexical restrictions on the possibility of forming a zero-place impersonal construction: the latter, apparently, is possible only for certain natural (as opposed to human-related) situations.

Keywords: Chukchi language; weather constructions; noun incorporation; denominal verbalizers; lexical affixes; transimpersonal constructions

For citation: Vinyar A. I. Chukchi weather expressions: Stem formation, incorporation and transimpersonal constructions. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 59–97.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-59-97

1. Введение

1.1. Типология погодных конструкций и чукотские данные

Исследование морфосинтаксиса «погодных» конструкций (*weather constructions* в англоязычной литературе, далее я даю этот термин без кавычек), то есть способов организа-

ции клауз, описывающих погодные события и их возможных участников — не самое популярное направление работ по синтаксису клаузы (см. обсуждение и обзор в [Eriksen et al. 2012]). При этом погодные конструкции привлекают лингвистов не только как не полностью изученная область: особенности событий, которые эти конструкции кодируют, ставят важные вопросы перед подходами к аргументной структуре клаузы (см. рассуждения в [Levin & Krejci 2019]). Среди них — не только вопрос о статусе подлежащего в литературном (1a) и в допустимом в некоторых вариантах (1b) русских предложениях или их английском аналоге (1c); но и само различие между аргументом и предикатом в таких клаузах: с точки зрения семантики именно синтаксический аргумент *дождь* в (1a) передает основное содержание события, а синтаксический предикат *идет* является по-своему десемантизированным.

- (1) а. Идет дождь
 b. Дождит
 c. It rains

Типологические исследования таких конструкций, как отмечено в [Eriksen et al. 2010] и [Dong et al. 2020], к сожалению, не отличаются разнообразием — для этого нужно больше специализированных, выходящих за пределы даже подробных грамматик описаний погодных конструкций, особенно в менее изученных языках (подобных исследованию [Salo 2011] для уральских языков). В настоящей статье я, к сожалению, не предлагаю исчерпывающего обзора проблем, связанных с погодными конструкциями в чукотском языке¹, но на мате-

¹ В этой работе, если не указано обратного, используется языковой материал амгуэмского варианта чукотского языка, собранный автором в 2018–2023 годах в селе Амгуэма Иультинского района Чукотского АО. В этом исследовании, за исключением примера (19), я привожу исключительно элицитированный (с русского или с чукотского стимула) материал. Каждое такое предложение проверялось как минимум с тремя людьми, для которых чукотский является первым или одним из двух первых языков. Я бесконечно благодарен чукчам, с которыми нам

риале новых полевых данных привожу некоторые основные и ранее не обобщенные сведения, способные заинтересовать типологов, работающих в этом направлении.

Кроме того, чукотские погодные конструкции представляют интерес морфосинтаксическими стратегиями, которые в них используются. Во-первых, возможности инкорпорации подлежащего и образования отымённых глаголов с помощью конкретных по значению вербализаторов² позволяют выразить и потенциальный «предикат», и «аргумент» в одной глагольной словоформе даже в том случае, если потенциально это погодное событие не лексикализуется в одном корне (см. пример (2) с инкорпорацией именного корня в глагольную основу). Во-вторых, класс конструкций, описывающих погодные события, при этом не исчерпывается имперсональными (см. [Malchukov & Siewerska 2011]) конструкциями в узком смысле: в некоторых случаях, но не всегда, в позицию S-участника возможно добавление выраженного «эксплетивного» десемантизированного существительного, в первом приближении значащего «погода, пространство снаружи помещения»³ (4). Кроме того, чукотские глагольные основы, способные образовывать имперсональные по-

удалось поработать начиная с 2016 года за их терпение, внимание и проницательность. Кроме того, в написании этой статьи мне очень помогли чуткость и организованность Инны Зибер, Ивана Стенина и Андриана Влахова, а также внимательность анонимной рецензентки. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10199, <https://rscf.ru/project/24-78-10199>.

² Об этих морфологических процессах подробнее сказано в разделе 2.

³ Оговоримся, что данное существительное в своих свойствах далеко от английского *it* в подобных конструкциях. Помимо прямого вопроса о погоде, оно, видимо, никогда не обязательно. Что еще важнее, оно невозможно при многих типах погодных конструкций, особенно при объектно-ориентированных (см. раздел 1.2). У этого слова в погодных конструкциях, тем не менее, есть свои интересные синхронные и диахронические свойства, которые тем не менее требуют отдельного рассмотрения.

годные клаузы, также способны и образовывать схожие по значению клаузы, в которых описывается не только погодное событие, но и его воздействие на некоторое место (3) или одушевленного участника (5). Участник под воздействием в них выражается как ядерный S- или P-аргумент глагола, маркируясь номинативом согласно общей для чукотского эргативной стратегии падежного маркирования, что делает по крайней мере второй случай таких предложений трансперсональными в терминологии [Malchukov 2008].

- (2) *weem-patkəntet-yʔ-i*
 река-лопаться-th-2/3sg.s
 'Лед на реках полопался'.
- (3) *weem-patkəntet-yʔ-i* *ramaj*
 река-лопаться-th-2/3sg.s постоянная.стоянка
 'В поселке лед на реке и ручьях полопался'.
- (4) (*ɲaryənen*) *sʔeseŋ-rʔu-yʔ-i*
 наружа мороз-distr.s-th-2/3sg.s
 'На улице морозно стало'.
- (5) *qaa-nta-tʔə-n*
 олень-go.do-attr-nom.sg
terk-amesan-ne-n
 low.a-солнце-скрыватьс-3sg.a.3.o-3sg.o
 'Солнце скрылось, и дневному дежурному легче (досл.
 «Солнце-скрылось дневного дежурного»)'.

Эта статья устроена следующим образом. В разделе 2.1 я уточню, какие события обычно понимаются под «погодными конструкциями», и приведу основные средства образования глагольных основ в чукотском, способных участвовать в таких конструкциях. В разделе 2.2 я предварительно соотнесу эти морфологические средства с семантическими подтипами погодных конструкций. Раздел 3 посвящен еще полностью не исследованным, но интересным сюжетам из морфосинтаксиса чукотских имперсональных конструкций. В разделе 3.1 я коротко обобщу имеющуюся литературу и собственные полевые данные об инкорпорации

подлежащего в погодных конструкциях, позволяющие говорить о том, как семантически «далекие от погодных» конструкции могут сближаться с погодными в чукотском языке. Наконец, в разделе 3.2 я обращаюсь к возможности основ, образующих погодные конструкции, выражать в качестве своих ядерных аргументов участников, находящихся под воздействием погодного явления, а также приведу предварительный анализ факторов, от которых будет зависеть «персональный» или «трансперсональный» статус таких конструкций.

1.2. Необходимые сведения о чукотском языке

Кратко сформулируем основные сведения о морфосинтаксисе чукотского языка, необходимые для понимания нашего подхода. Более подробно грамматика чукотского языка изложена в фундаментальных трудах [Скорик 1961, 1977; Dunn 1999] и [Muravyova et al. 2001].

В чукотском языке границы слова достаточно четко выделяются правилами ассимиляции и диссимиляции согласных, структурой слога с расщеплением консонантных кластеров, устранением зияний, а также правилами гармонии гласных (подробнее см. [Муравьева 1979]). В морфологии представлена как суффиксация, так и префиксация с циркумфиксацией⁴, а сама морфология может быть охарактеризована как подчиняющаяся как правилам семантической сферы действия, так и позиционным правилам⁵ (подробнее о роли сферы действия и фиксированного порядка в чукотской глагольной морфологии см. [Dunn 1999: 254–255]).

Словоизменительная морфология в чукотском достаточно четко разделяет именные синтаксические единицы, которые требуют падежных аффиксов, и предикаты, которые

⁴ Некоторые морфемы, такие как каузативные и аппликативные «циркумфиксы», в этой работе отгlossированы как содержащие префикс и суффикс, в соответствии с обозначенным выше принципом максимальной морфологической членимости без нарушения композициональности.

⁵ Подробнее о двух типах организации «полисинтетической» морфологии см. Mattissen [2004].

оформляются видовременными показателями и полиперсональными индексами лица и числа⁶. Существует также большое число нефинитных предикатов, показатели многих из которых синхронно и исторически как минимум совпадают с падежными.

Зависимостное маркирование ядерных участников на уровне клаузы (см. [Nichols 1986]) в чукотском языке строго эргативное: S- и P-участник оформляются номинативом (который может не иметь показателя, выражаться редупликацией или одним из показателей в зависимости от основы), тогда как A-участник маркируется инструментальным падежом (ср. (6) и (7)).

- (6) *ətəy-e* *ekk-in* *wałə-Ø*
отец-INS сын-GEN knife-NOM.SG
Ø-rəne-ni-n
2/3.S/A-точить-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Отец поточил нож сына’.

- (7) *yəmə-ka-jpə* *qora-t* *Ø-yəntek-wʔe-t*
я-OBL-ABL олень-NOM.PL 2/3.S/A-убегать-ТН-PL
‘Олени убежали от меня’.

Система глагольной полиперсональной индексации в чукотском совмещает в себе и эргативные, и иерархические, и, в какой-то степени, также номинативно-аккузативные черты. Подробнее обзор этой системы можно увидеть в Dunn [1999: 175–194] для телькепского диалекта, в этом отношении отличающегося от амгуэмского говора лишь означением некоторых показателей⁷.

⁶ Многочисленные нефинитные формы не несут показателей времени и показателей лица и числа. Сами нефинитные показатели часто на синхронном уровне совпадают с косвенными падежами. Именные и глагольные основы могут различаться и деривироваться одни из других с помощью показателей номинализации и вербализации, однако присутствуют и случаи, которые можно анализировать как конверсию.

⁷ Стоит тем не менее отметить, что синтаксические особенности разных чукотских диалектов, в том числе обсуждаемые в

Хотя статус подлежащего и синтаксической эргативности в чукотском языке представляется непростым вопросом (см. обсуждения в [Comrie 1979]; [Nedjalkov 1979], [Polinsky 2016], а также [Kasyanova 2019] для амгуэмского чукотского), для нашего подхода к инкорпорации эти вопросы не настолько существенны, поэтому далее мы иногда будем употреблять термин «прямой объект» для неинкорпорированного участника морфосинтаксически переходной клаузы в номинативе, а термин «подлежащее» — для А- или S-участника переходной и непереходной клауз соответственно.

Чукотский можно во многом охарактеризовать как язык с порядком слов, основанным на прагматике и информационной структуре (см. [Mithun 1987] и предварительный анализ [Dunn 1999: 344–355] для порядка слов в телькепском чукотском).

2. Семантические типы погодных конструкций и их «лексикализация»

2.1. Погодные конструкции, имперсональные конструкции и их соотношение в чукотском

В этом разделе я поясняю свой подход к погодным конструкциям: как семантическую часть исследования (на какие типы событий я обращаю внимание), так и синтаксическую часть (какие типы кодирования интересны прежде всего как объединяющие погодные конструкции). Начну с того, какие типы событий уместно считать погодными конструкциями. В основу этой части раздела легли размышле-

этой работе, остаются во многом неизученными. Это касается, в частности, и отличий амгуэмских данных от данных в работах [Недялков 1977, 1982], основанных на работе с носителями из той же «северо-западной» группы говоров. Не всегда ясно, дополняют ли наши данные выводы предыдущего исследователя либо же амгуэмский вариант в чем-то отличается от других «северо-западных» говоров. Подробнее о диалектном членении чукотского языка можно прочитать в работе [Пупынина 2013].

ния [Eriksen et al. 2012: 391–399]. Подчеркну, что в Таблицу 1 внесены некоторые изменения по сравнению с классификацией вышеупомянутой работы. Частично они основаны на гораздо менее детальном, но более всеобъемлющем подходе [Dong et al. 2020], а частично на моих размышлениях о логике подобного исследования. Основным добавлением является третья строка таблицы — погодные явления, в которых достаточно четко разделяется природный объект и событие, происходящее с ним. Вероятно, такой тип событий не учитывался [Eriksen et al. 2012] из-за того, что подобные события часто достаточно хорошо локализуемы в пространстве («лавины», к примеру). Тем не менее, часть таких неучтенных событий не менее «всеобъемлющи», чем события из первых двух типов («таяние рек», к примеру, обычно касается не только отдельно наблюдаемого водоема). Таким образом, есть основания рассматривать эти события вместе с другими погодными, хотя во многих языках Северной Азии они и выражаются иным образом.

Таблица 1. Типы погодных конструкций (адаптировано из Eriksen et al. 2012)

Тип события	Тип погодного явления	Некоторые примеры
Динамические	Осадки	дождь снег туман пурга
	Другие	ветер молния
Статичные	Состояние атмосферы	холодно жарко влажно
	Состояние света	светло темно состояние небесных светил?

Объектно-ориентированные	–	лавина/камнепад замерзание/таяние рек цветение
--------------------------	---	---

С точки зрения конструкций, кодирующих погодные события, авторы типологических обзоров [Eriksen et al. 2012; Eriksen et al. 2010] выделяют три главных типа (и несколько промежуточных). Дабы не путать семантические типы погодных явлений (см. Таблицу выше) с синтаксическими типами конструкций, их кодирующих, последние я буду называть типами конструкций или просто типами, а для семантического типа явления всегда будет приводиться уточнение. Я проиллюстрирую эти типы примерами из чукотского языка, хотя, по-видимому, некоторые из них для него являются маргинальными стратегиями (а некоторые важные для чукотского типы, наоборот, не слишком вписываются в эту типологическую классификацию).

Во-первых, погодные конструкции могут выражаться **предикатно-ориентированным** типом (**predicate type**). В данном случае основное содержание погодного события кодируется предикатом (употребляемым как в имперсональной, безаргументной конструкции, так и в конструкции с аргументами), см. (1b, c). Предикат может быть как глагольным, так и именным или адъективным (см. [Eriksen 2012: 385] об этих и других деталях классификации).

В чукотском языке в чистом виде такое кодирование маргинально (см., однако, раздел 2.2). По-видимому, так кодируются некоторые динамические и статические погодные ситуации, не касающиеся осадков. В сущности, так лексикализуются прежде всего ситуации, в которых избегается конкретное указание на их тип (см. (8), дословно значащий «быстро-пришел»), либо существует один синхронно нечленимый корень, их обозначающий (9).

(8) *jəqə-pkir-ʔ-i*

резко-прибывать-th-2/3sg.s

‘Северный ветер подул’ (досл. ‘Резко, быстро налетел’).

(9) *erya.rʔo-yʔ-e*

рассветать<рассвет.distr.s>-th-2/3sg.s

‘Рассвело’ (сам корень *ery*, по-видимому, уже не используется отдельно, но присутствует в многочисленных дериватах).

Во-вторых, погодные конструкции могут выражаться **аргументно-ориентированным** типом (**argument type**): в этом случае основное содержание погодной ситуации выражается аргументом предиката, а предикат имеет сравнительно общее значение (см. (1a)). В чукотском такой тип в чистом виде, по-видимому, отсутствует, полностью вытесняясь конструкциями с отыменными вербализаторами и с инкорпорацией имени (см. раздел 2.2). Тем не менее отдельные примеры таких употреблений можно встретить при элицитации или при ее обсуждении по-чукотски с носителями языка — пример (10a), по-видимому, вполне допустим как парафраз конструкции с инкорпорацией, но несет неясное для меня стилистически узкое ограничение на употребление (ср. с гораздо более широко употребляемым (10b).

(10) а. *ʔsʔesen*

мороз

pkir-yʔ-i

прибывать-th-2/3sg.s

б. *sʔesen-pkir-yʔ-i*

мороз-прибывать-th-2/3sg.s

‘Холодный ветер подул / надуло морозную погоду’.

Аргументно-предикатно-ориентированный тип (**argument-predicate**), встречающийся в других языках (когда содержание погодного явления в сравнительно равной степени выражается и предикатом, и аргументом, см. (1a)), по-видимому, крайне редок в чукотском языке, а в сравнительно естественных контекстах (насколько такими могут быть контексты, полученные в результате элицитации) возникает только для описания достаточно необычных погодных явлений (11a). Но даже в этих контекстах он, по моим наблюдениям, всегда заменяется конструкцией с инкорпорацией (11b).

- (11) *ɲaryən.en eɲer-watrʔə-rʔu-yʔ-i*
 наружа звезда-видимый-distr.s-th-2/3sg.s
 'Показались звезды (на улице / такая погода)'.
- (12) *ɲaryən.ena-ta rə-kory-aw-ne-n nastja*
 наружа-ins tr-радость-cs-3sg.a.3.o-3sg.o Настя
 'Погода обрадовала Настю'.

Таким образом, чукотские клаузы с индексацией третьего лица единственного числа на глаголе не обладают «настоящим» поверхностным подлежащим. Тем не менее у них (в том числе у, по-видимому, «лексически имперсональных» глагольных вершин) могут встречаться дополнения. В таком случае клауза будет переходной, а глагол будет индексировать имперсонального А-участника «третьего лица» и требуемое лицо и число Р-участника (13)⁸. Такие конструкции следует (вслед за [Malchukov 2008]) считать трансимперсональными. Некоторым правилам их употребления посвящен раздел 3.

- (13) *ɲaj-qatrə-n weem-rʔu-ni-n*
 сопка-крутой.берег-nmn река-distr.s-3sg.a.3.o-3sg.o
 '87 километр (название села на крутом берегу реки)
 побывавшей рекой отрезало (от остальной тундры)'.

Наконец, стоит сказать, что имперсональные конструкции в чукотском не исчерпываются погодными, однако во многом ограничены ими. В чукотском, по-видимому, отсутствуют частые для языков Европы имперсональные пассивные конструкции (подробнее о чукотском пассивном причастии и о понижающих деривациях в этом языке — см. грамматику [Dunn 1999: 139–141, 213–221]). Кроме того, неопределенно-личные конструкции не имеют ни имперсональных, ни трансимперсональных свойств. По-видимому, действительно имперсональными (без по-крайней мере поверхностно определимого подлежащего) клаузами в чукотском выражаются только истинно-безличные (по класси-

⁸ «Эксплетив» *ɲaryən.en* при этом в позиции А-участника встречаться не может.

фикации [Malchukov, Ogawa 2011]) ситуации, которые, тем не менее, не всегда строго говоря являются погодными: см. клаузу, где нет отчетливого субъекта, которая, тем не менее, не описывает природного явления (14).

- (14) *sottaynə-k* *om-ak-wʔ-e*
 пространство.перед.пологом-loc тепло-cs-th-2/3sg.s
 'Во внешнем пространстве яранги стало тепло'.

2.2. Типы погодных конструкций и типы основ, способных их выражать

В этом разделе я перечислю способы образования основ (*stems*), способных выступать в качестве предиката в погодных клаузах в чукотском языке. Сразу же необходимо еще раз отметить, что чукотский язык не слишком удачно вписывается в типологию [Eriksen et al. 2012], очерченную выше. По-видимому, абсолютное большинство глагольных основ, выражающих погодные ситуации в чукотском, морфологически сложны, а сама ситуация выражается содержащимся в основе существительным (изредка — прилагательным), что отличает этот язык от «предпочитающих» предикатно-ориентированные конструкции (см. выше). С другой стороны, информация о погодной ситуации, строго говоря, содержится в синтаксическом предикате, а не в аргументе (хотя этот предикат и морфосинтаксически сложен) — таким образом, предпочтения чукотского не укладываются и в аргументно-ориентированный «тип».

Два наиболее продуктивных типа образования «погодных основ»⁹ (то есть основ глагола, способных служить предикатами в погодных конструкциях) иллюстрируют эту типологическую особенность чукотского. Во-первых, многие погодные предикаты образуются вербализацией основы существительного, обозначающего само погодное явление, с помощью отымённого вербализатора, (15)–(16).

Семантика производимой основы при этом по крайней мере частично предсказуема из семантики производяще-

⁹ Далее я употребляю этот термин без кавычек.

треблениях у него сохраняется семантически «исходный» для этой морфемы оттенок постепенного увеличения от поверхности.

Приведенная выше пара — не исключение из общей тенденции чукотских вербализаторов обладать сравнительно конкретным значением. Приведу еще несколько примеров, когда такие вербализаторы используются для образования основ погодных глаголов (хотя, по моему опыту, такое использование следующих аффиксов менее продуктивно). Первый из вербализаторов, *-et*, один из самых широких по значению в чукотском и невероятно продуктивный в других конструкциях (см. упоминания в грамматиках начиная со [Скорик 1977: 219–220]), в случае погодных конструкций, по-видимому, скорее используется для указания на наличие событийного компонента процесса или состояния (ср. с инхоативной семантикой *-rʔu* выше), (17).

- (17) *rosyən* *sawtə.sqə-wjaʔ-at-yʔ-e*
 противоположный.берег макушка-метель-vb-th-2/3sg.s
 ‘На том берегу поземка (букв. «метель по макушку»)’.

В следующем примере вербализатор *-twə*, в других случаях обозначающий ‘снимать, отделять’ (см. [Kurebito 2001; Виняр 2023]), указывает на исчезновение туч с неба (18).

- (18) *jʔe-twə-yʔ-i*
 облако-take.off-th-2/3sg.s
 ‘(Небо) очистилось от туч’.

Подобное широкое использование целой деривационной системы отымённых вербализаторов может являться необычным для типологии лексикализации погодных предикатов, хотя на ум приходит как минимум схожее использование вербализатора в центральном аляскинском юпике, см. [Miyaoka 2011; 2012: 881]. Для чукотского языка, однако, такое использование отымённых¹¹ вербализаторов не пред-

¹¹ Выше я не обсуждал примеры, в которых подобные предикаты образуются схожим образом от адъективных или т. н. «качественных» основ, хотя такие образования, по-видимому, явля-

ставляется удивительным — в этом языке такие деривационные аффиксы обладают и высокими продуктивностью вместе с семантической регулярностью, и значением с разной степенью конкретности. Некоторые из них (см., к примеру, (17)) ближе к деривационным аффиксам, привычным лингвистам по материалу языков Европы. Другие же, по-видимому, несут чрезвычайно конкретное значение, близкое к лексическому, см. рассуждения о лексических аффиксах в [Mithun 1997; Boye 2023], а также для чукотского материала в [Kurebito 2001] и [Виняр 2019].

Другим средством образования основ погодных глаголов является инкорпорация единственного ядерного аргумента, S-участника, в основу глагола. В примере (19) из текста «Юргаяк»¹² (предложение 9) существительные, обозначающие заканчивающиеся (дословно — проходящие) погодные явления, инкорпорируются в непереходные глаголы, образуя, как и в случаях выше, синтаксически нуль-местную, имперсональную клаузу.

- (19) Ø-wəje-yʔa-yʔ-e,
 2/3.s/a-воздух-проходить-TH-2/3SG.S
 Ø-wja-yatʔa-yʔ-e
 2/3.s/a-поземка-проходить-th-2/3sg.s
 ‘Уже и ветер стих, и снежный вихрь прошел’.

Как и в других случаях инкорпорации существительного в глагол в чукотском, синтаксические возможности существительного подавляются, оно становится как бы «невидимым» и для индексации на глаголе, и для падежной рамки клаузы (см., в частности, работы [Скорик 1948; Недялков 1977, 1982; Kozinsky et al. 1988]). Особенность инкорпорации для образования основы погодных глаголов — в том, что таким образом подавляется, по-видимому, единствен-

ются регулярным как минимум для суффикса *-twi*, см. в частности *witqə-twi* ‘вечереть’ от *witqə* ‘темный, быть темным’.

¹² Этот и другие спонтанные тексты, записанные и расшифрованные участниками проекта по документации амгуэмского варианта чукотского языка, можно найти на сайте chuklang.ru.

ный аргумент глагола. Этим, как отметил [Недялков 1977, 1982], она отличается от других типов «инкорпорации подлежащего» в чукотском, при которой освободившуюся позицию S-участника обязательно занимает какой-то другой участник, лексически не являющийся аргументом исходной глагольной основы, но получающий воздействие в ходе протекания ситуации. Такая особенность именно погодных конструкций образовывать клаузы с безличной «инкорпорацией подлежащего» отмечается не только для чукотского и встречается также в языках и с менее продуктивной инкорпорацией — см. к примеру, западный фризский (20), где безлична, по-видимому, из всех типов только погодная инкорпорация, подробнее в [Dijk 1997: 71–79] и ср. со схожим рассуждением в [Baker et al. 2005]. О том, действительно ли в чукотском клаузы с имперсональной инкорпорацией «требуют» именно погодной ситуации, я буду рассуждать в Разделе 3.1.

- (20) *it* *begjint* *te* *snie-wiskje*
 это начинает inf снег-летать
 ‘Начинается снегопад’ [Dijk 1997: 76].

Выше я привел пример инкорпорации в чукотском, которая создает основу для описания атмосферного явления (в классификации [Eriksen et al. 2012], модифицированной в Таблице 1 — динамические явления без осадков). Однако чаще всего, по-видимому, инкорпорация используется для описания погодных явлений, у которых объекты выделяются более точно. К примеру, для указания на астрономические явления: см. (11), повторенный ниже как (21); (22) и (23).

- (21) а. *eŋet-ti* *wətrə-rʔu-yʔe-t*
 звезда-ном.pl видимый-distr.s-th-pl
 б. *eŋer-wətrə-rʔu-yʔ-i*
 звезда-видимый-distr.s-th-2/3sg.s
 ‘Показались звезды’.

- (22) *terk-amesat-yʔ-e*
 солнце-исчезать-th-2/3sg.s
 ‘Солнце скрылось/зашло’.

(23) *jiŋy-inini-yʔ-i*

месяц-появляться-th-2/3sg.s

‘Луна/месяц появилась/показалась’.

Кроме того, синтаксически (и, по-видимому, функционально) идентичными конструкциями описываются ситуации, обычно не включаемые в «погодные явления» (*weather phenomena*) в лингвистических работах: см. (24), (25). В рамках этой работы я не буду спорить, должны ли явления природы, принципиально не контролируемые человеком и (до самого недавнего времени) не связанные с человеческой (или животной) деятельностью, рассматриваться вместе с атмосферными явлениями, несмотря на то, что объекты, участвующие в этих явлениях, «более осязаемы», чем, к примеру, осадки, или же для чукотского и подобных языков стоит ввести термин природные явления (*natural phenomena*) как гипероним по отношению к погодным явлениям; — по-видимому, и другие лингвисты, изучающие погодные явления, не придерживаются строго исключаящего взгляда на область своих исследований (см. [Eriksen et al. 2012; Dong et al. 2020] и показательное рассуждение в [Langacker 1991: 365]). Здесь лишь отметим, что хотя и подобные «объектно-ориентированные» явления в чукотском, по-видимому, чаще выражаются инкорпорацией, они же могут выражаться и более «стандартным» способом через отымённые глаголы, ср. (25) и (13).

(24) *nejə-k*

сопка-loc

wʔej-inini-yʔ-i

травя-появляться-th-2/3sg.s

‘На сопках уже трава появилась’.

(25) *weem-rʔite-yʔ-i*

река-скакать-th-2/3sg.s

‘Реки вскрылись ото льда, побежали’.

Сделаем краткое обобщение о типах образования основ погодных глаголов и соответствующих конструкций чукотского, которые «не совсем укладываются» в признанную классификацию [Eriksen et al. 2012] (о ней — см. раздел 2.1) и некоторые другие предложенные альтернативы вроде [Dong

et al. 2020]. Строго говоря, и при образовании отымённого глагола, и при инкорпорации имени основную семантическую нагрузку несет на себе аргумент, а не предикат. Однако морфосинтаксические возможности чукотского включать основу аргумента в глагольную словоформу-вершину (или с помощью вербализаторов, образующих целую систему с лексическими аффиксами, или с помощью инкорпорации имени) приводят к тому, что этот аргумент оказывается не независимым, а включенным в глагольную словоформу. В чукотском, в результате, основные стратегии образования погодных конструкций нельзя классифицировать как аргументно-ориентированные — этот самый аргумент оказывается тем или иным образом включен в предикат.

3. Case studies: (транс)имперсональные конструкции и инкорпорация подлежащего

В двух следующих подразделах я очерчу предварительные наблюдения и выводы, касающиеся особенностей синтаксиса погодных конструкций в чукотском языке.

3.1. Погодная инкорпорация как особый случай S-инкорпорации

В предыдущем разделе я указал, что чукотская инкорпорация, образующая погодные предикаты (см. (19)–(23)), отличается от других конструкций инкорпорации возможностью получившейся клаузы оставаться имперсональной (как и при других способах образования, упомянутых в работе). Для сравнения можно привести типичный пример выражения глагола с инкорпорацией ситуации, не являющейся погодной, а связанной с деятельностью человека. В (26a) представлено обычное непереходное предложение. Хотя поломка яранги и происходит из-за погоды, сама поломка яранги (в отличие от (21)–(23) выше) — не погодное явление (так как яранга является артефактом). В (26b) и (26c) представлены клаузы, возможные при инкорпорации S-участника (яранги). В (26b) «новым» непереходным подлежащим становится неядерный участник, место, оказавшее-

ся под воздействием (стойбище)¹³. В примере (26с), в свою очередь, нет никакого поверхностно выраженного «нового» подлежащего, однако клауза интерпретируется консультантами как однозначно указывающая на некоторого участника третьего лица единственного числа, пострадавшего от поломки яранги. Таким образом, индексация 3sg.s в этом примере выполняет иную функцию, чем в имперсональных примерах выше, являясь собственно личным показателем¹⁴.

(26) а. *joo-k* *nətnəmə-k* *jara-ŋə*
 пурга-LOC стойбище-LOC яранга-NOM.SG
 ye-simet-ŋin
 PF-ломаться-PF.3SG

б. *joo-k* *nətnəmə-∅*
 пурга-LOC стойбище-NOM.SG
 ya-ra-semat-ŋen
 PF-дом.INC-ломаться-PF.3SG

 ‘В пургу в стойбище поломалась яранга’.
 с. *joo-k* *nətnəmə-k* *ya-ra-semat-ŋen*
 пурга-LOC стойбище-LOC PF-дом.INC-ломаться-PF.3SG
 ‘В пургу в стойбище у него/у нее поломалась яранга’.

В разделе 2.2 я указал, что особенная возможность инкорпорации S-участника образовывать имперсональные конструкции именно при описании погодных ситуаций на-

¹³ Стоит отметить, что некоторые информанты предпочитают предложению (б) аналогичное, но в котором суффиксом глагольной множественности эксплицитно указывается, что поломанных яранг было много и что событие затронуло стойбище целиком.

¹⁴ При анализе в рамках некоторых теорий существует возможность, что в таких имперсональных предложениях позицию подлежащего на самом деле занимает некоторый нулевой элемент (в частности, см. обсуждение в схожих случаях в [Baker et al. 2005]). Могу отметить, что как минимум постулировать здесь опущенный ненулевой эксплетив было бы затруднительно, так как единственный кандидат на роль такого опущенного подлежащего — *ŋarʉŋen* — невозможен по крайней мере в клаузах типа (27) и (33).

блюдается в разных языках. Приведем еще один пример для чукотского ((27), в котором не наблюдается того же эффекта, что и в (26с)), а также сошлемся также на кетские данные в [Vajda 2017: 921], см. (28).

- (27) *neja-k* *Ø-wəkwə-were-yʔ-e*
 сопка-NOM.SG 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S
 'На сопке случился оползень'.

- (28) *ul-a-ta*
 дождь-PRES-падать
 'Идет дождь' [Vajda 2017: 921].

Остается вопросом, действительно ли именно связь инкорпорирующего предиката с погодной ситуацией (а не с ситуацией, связанной с «человеческим пространством» или «пространством жизнедеятельности животных») «позволяет» инкорпорации S-участника образовывать имперсональные клаузы без продвижения в позицию непереходного подлежащего другого участника под воздействием. Для ответа на этот вопрос, по-видимому, нужно определиться с двумя возможностями:

- Могут ли глаголы, обычно неспособные употребляться в имперсональной конструкции, употребляться в ней в том случае, если предполагают обобщенно-личного участника под воздействием, даже если эта ситуация не является погодной?
- Могут ли глаголы с инкорпорированным существительным, способные употребляться при описании погодных ситуаций имперсонально, точно так же употребляться имперсонально в том случае, если они описывают ситуации, не являющиеся погодными?

На первый вопрос, по-видимому, у нас есть вполне определенный отрицательный ответ. В ходе элицитации консультантам без всякого предыдущего контекста предлагались предложения (29) и (30). Я спрашивал, можно ли употребить такие высказывания в качестве описаний правил тундровой жизни или же предостережений, то есть в

контексте, когда не предполагается никакого участника под воздействием (ни того, у кого скисает рыба в (29), ни того, у кого могла бы рухнуть яранга в (30)). В обоих случаях консультанты отвергали предложения, часто спрашивая, с кем именно происходит данная ситуация.

- (29) *ʔeqeyni-tə-k* *eqəʔpe* *nə-nnə-wiʔ-et-qin*
солнцек-VB-LOC быстро ST-рыба-кислый-VB-ST.3SG
Невозможная интерпретация: 'На солнце рыба быстро киснет'.
Интерпретация: 'У нее/у кого-то рыба быстро киснет на солнце'.

- (30) *jo-an-ma* *nə-ra-semat-qena-t*
пурга-VB-SIM ST-дом-ломаться-ST.3SG-PL
Невозможная интерпретация: 'В пургу яранги ломаются'.
Интерпретация: 'У кого-то в пургу яранга ломалась'.

Для ответа на второй вопрос необходимо посмотреть на «физически одно и то же» событие в двух разных ситуациях: когда оно происходит «само по себе» (в природе), и когда оно происходит вне природного контекста («спровоцировано людьми»).

Мне удалось проверить в подобных двух контекстах пока лишь одну глагольную основу, поэтому любые следующие выводы можно считать лишь предварительными. В чукотском предсказуемым образом (см. раздел 2) безлично инкорпорироваться в природном контексте может корень «снег» в глагол «таять», производя безличную конструкцию (31).

- (31) *ramajə-k* *y-ʔeʔə-ʔə-ʔin*
поселок pf-снег-таять-pf.3sg
'Снег в поселке растаял'.

Тем не менее, в случае, если снег тает не естественно, а из-за воздействия тепла помещения, конструкция уже не может быть имперсональной. Мы спрашивали следующую ситуацию у наших консультантов (с чукотского стимула):

«Гости незнакомы с чукотскими обычаями и зашли в квартиру, не выбившись от снега, только там почистились от снега, и в коридоре снег растаял». Такой сложный контекст был нужен для того, чтобы исключить референцию индекса 3sg.s к человеку, на котором тает снег, а также для того, чтобы исключить вероятность того, что место, в котором растаял снег, займет позицию подлежащего. Предложенное консультантам предложение (32) оценивалось как странное, а интерпретация, которую они предлагали, указывает, что «таяние снега в помещении» не может быть имперсональным, а требует воздействие на кого-то или что-то, оказывающееся под влиянием этого таяния.

- (32) *??remkə-ʔə-t* *tiwə-pʔətku-yʔe-t* *i*
 гостить-attr-nom.pl выбиваться.от.снега-compl-th-pl и R
ʔəʔ-təʔyə-yʔ-i *sottaynə-k*
 снег-таять-th-2/3sg.s внешняя.часть.яранги-loc
 Ожидаемо: Гости выбились от снега (внутри),
 а потом в коридоре снег растаял.
 Интерпретация: Гости зашли, уже потом выбились
 от снега, а потом у кого-то (другого) снег растаял
 в коридоре’.

3.2. Погодные предикаты в персональном и трансимперсональном использовании

Кратко рассмотрим трансимперсональные и персональные (в данном случае — имеющие единственного ядерного участника синтаксически непереходной клаузы) употребления погодных имперсональных глагольных основ.

Оба этих употребления отличаются от собственно имперсональных — в последних поверхностно-синтаксически не присутствует ядерных участников, отсылающих к участвующим в погодной ситуации. При этом основы, способные употребляться имперсонально (33), также способны употребляться и персонально, «продвигая» участника под воздействием в позицию непереходного подлежащего (34), и трансимперсонально, делая такого участника под воздействием прямым дополнением (35).

- (33) *Ø-weem-rʔite-yʔ-i*.
 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
 ‘Реки побежали’.
- (34) *ɾamaj Ø-weem-rʔite-yʔ-i*
 поселок 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
 ‘В поселке все реки и ручьи побежали’.
- (35) *ɾamaj Ø-weem-rʔite-ni-n*
 поселок 2/3.S/A-река-скакать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Поселок отрезало побежавшей/побежавшими рекой/
 реками’.

Вслед за [Недялков 1982] отметим, что персональные употребления вроде (34) семантически близки имперсональным клаузам, в которых пространственный участник выражен как косвенный объект в одном из косвенных пространственных падежей (как правило — в локативе), (36).

- (36) *ɾamajə-k Ø-weem-rʔite-yʔ-i*
 поселок-loc 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
 ‘В поселке река/реки и ручей/ручьи побежали’.

Разница между квазисинонимичными персональной конструкцией (34) и имперсональной конструкцией с локативом (36) на данный момент представляется мне тонкой, запутанной и, в конечном счете, не полностью ясной. На уровне интуиции и комментариев консультантов персональная конструкция употребляется скорее в тех случаях, когда профилируется воздействие явления, происходящего с инкорпорированным или вербализуемым (см. Раздел 2.2) природным объектом, на пространственного участника, в то время как имперсональная конструкция более нейтральна в данном отношении. Это косвенно подтверждается и тем, что такая «нейтральная» конструкция, как бы не подразумевающая воздействия на пространство, кажется некоторым информантам менее подходящей в тех случаях, когда природный объект является составной частью пространственного участника (37).

- (37) а. *ɲeɥ-nə Ø-wəkwə-were-yʔ-e*
 сопка-NOM.SG 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S

- b. *ʔeja-k* *Ø-wəkwə-were-ɣʔ-e*
 сопка-LOC 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S
 'На сопке случился оползень'.

Рассмотрим теперь разницу между персональной (34) и трансимперсональной (35) конструкциями, позволяющими кодировать не только погодные явления, но и участника, получающего в результате них воздействие. Хотя две конструкции как будто бы и могут использоваться «взаимозаменяемо», для описания некоторых близких ситуаций (см. (34) и (35)), две конструкции, по наблюдению [Недялков 1982], семантически отличаются. Представляется, что мне удалось довести эти наблюдения до конкретных ограничений на употребление двух конструкций.

Прежде всего, позицию непереходного подлежащего при таких погодных глаголах может занимать только неодушевленный участник (34), (38). Одушевленный участник, находящийся под воздействием погодного явления, всегда занимает только позицию прямого дополнения в трансимперсональной конструкции (39).

- (38) *jʔii-n* *jʔe-twə-ɣʔ-i*
 небо-NOM.SG туча-REV-ТН-2/3SG.S
 'Небо очистилось от туч'.

- (39) *ena-rʔora-wə-tʔə-n* *jʔe-twə-ni-n*
 ANTI-овод-CS-ATTR-NOM.SG туча-REV-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Небо очистилось, и это нехорошо для летнего пастуха
 (букв. «того, кто оводит») (ему будет сложнее дежурить)'.

Как я покажу далее, это ограничение не касается одушевленности самой по себе, а является следствием более широкого ограничения на внешний или внутренний характер воздействия. Пока отметим, что примечательна реакция консультантов на попытку употребления одушевленного участника в непереходной персональной конструкции (40) вместо трансимперсональной (41). Вместо естественного русского перевода «попасть под X», высказывание, по мнению консультантов, как будто бы указывает, что погодная

ситуация происходит «у» одушевленного участника или «внутри» него.

- (40) *#?ɲinqeʃ* *itə-rʔu-ɣʔ-i*
 мальчик.NOM.SG дождь-DISTR.S-TH-2/3SG.S
 Интерпретация: 'Как будто у мальчика дождь пошел'.

- (41) *ɲinqeʃ* *itə-rʔu-ni-n*
 мальчик.NOM.SG дождь-DISTR.S-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Мальчик попал под дождь'.

Функциональное разделение между двумя конструкциями, по-видимому, происходит из разделения воздействий погодных ситуаций на пространственно внешние и внутренние по отношению к участнику под этим самым воздействием: внешние воздействия кодируются трансимперсональной конструкцией, в то время как внутреннее — непереходной персональной. Воздействие погоды на любого одушевленного участника (животное или человека) «по определению» внешнее — природные явления не концептуализируются как происходящие на границе или на поверхности живых существ. Этим и обусловлена возможность кодировать такие случаи только трансимперсональной конструкцией.

В случае же воздействия на неживого участника у чукотских погодных клауз существует две возможности: указать, что погодная ситуация происходит из-за границ объекта под воздействием, употребив трансимперсональную конструкцию, или же локализовать погодную ситуацию в том числе и внутри объекта под воздействием¹⁵. Такая разница наглядно видна на примерах, в которых погодная ситуация имеет сравнительно четко очерчиваемые границы и

¹⁵ Здесь я специально выражаюсь несколько неоднозначно. Строго говоря, такие ситуации, как дождь, не происходят исключительно внутри села, которое находится под дождем. Однако «внешний компонент» такой погодной ситуации ничем не отличается от «внутреннего», в отличие от ситуации с мальчиком, попавшим под дождь, где четко выделима внешняя погодная сила, действующая на осязаемые границы мальчика.

источник возникновения. Сравним (42) и (43). В то время как непреходная персональная конструкция в (42) обозначает событие, происходящее в границах сопки, трансимперсональная конструкция в (43) интерпретируется как кодирующая событие, внешнее по отношению к сопке (начинающееся на другой сопке).

- (42) *neŭ-na* *Ø-wəkwə-were-ŷ-e*
сопка-NOM.SG 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S
'На сопке случился оползень'.

- (43) *neŭ-na*
сопка-NOM.SG
Ø-wəkwə-were-ne-n
2/3.S/A-камень-спускаться-3SG.A.3.O-3SG.O
'Оползень с сопки на сопку'.

Подобное пространственное различие между двумя конструкциями объясняет и разницу между интерпретациями (34) и (35), повторенных ниже как (44) и (45). Если (44) указывает на разлив рек и ручьев внутри поселка, то трансимперсональная конструкция (45) предполагает воздействие разлива на поселок извне, то есть его «отрезание» от остальной тундры.

- (44) *raŋaŋ* *Ø-weem-rʔite-ŷ-i*
поселок 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
'В поселке все реки и ручьи побежали'.

- (45) *raŋaŋ* *Ø-weem-rʔite-ni-n*
поселок 2/3.S/A-река-скакать-3SG.A.3.O-3SG.O
'Поселок отрезало побежавшей/побежавшими рекой/реками'.

Раздел 4. Выводы и обсуждение

Как синтаксис погодных конструкций, так и образование основ глаголов, участвующих в этих конструкциях в чукотском языке, представляет интерес как с точки зрения классификации, так и с точки зрения принципов орга-

низации, имеющих отношение к этой области грамматики и лексики. Локус концентрации лексической семантики в чукотских погодных конструкциях плохо укладывается в удобное для других языков разделение между аргументами и предикатами (см. Раздел 2.1). При этом особенность чукотского не ставит под сомнение саму классификацию (которая показала свою полезность и для индоевропейских [Andrason 2019], и для неиндоевропейских языков, см. к примеру см. работу [Arteatx & Artiagoitia 2022]). Она скорее задает вопросы к соотносению роли общих типологических тенденций и лингвоспецифичных средств: возникает ли особенность погодных конструкций в чукотском из наличия в нем продуктивных и регулярных конструкций инкорпорации подлежащего и отыменных вербализаторов (см. Раздел 2.2) или же нечто в погодных ситуациях «привлекает» именно эти средства для их выражения в чукотском.

Для размышления на подобные темы необходимы как более ареально сбалансированные типологические исследования, так и более глубокие исследования конкретных языков. Продуктивным представляется и отдельные ареальные сравнения: возможность «персонализации» имперсональных конструкций в чукотском напоминает адверсативы от нульместных предикатов в эвенском языке (см. [Malchukov 1993]), а также трансимперсональные и подобные им конструкции в кетском (см. [Vajda et al. 2011]). В Разделе 3 мы предварительно наметили два таких направления для чукотского языка. Есть основания полагать, что погодные ситуации занимают особую нишу, не сводимую ни к общим синтаксическим правилам инкорпорации, ни к поведению конкретных лексических единиц (Раздел 3.1). Кроме того, чукотские данные пополняют наши знания о принципах, руководящих синтаксисом погодных конструкций (см. предварительные обобщения о роли осадков как особого семантического типа в ([Eriksen et al. 2010]) и концептуализации направления в [Dong et al. 2020]), что, вероятно, делает предположения о неких универсальных принципах организации этой области синтаксиса пока преждевременными

(вопреки [Dong et al. 2020], но вполне в духе размышления [Levin & Krejci 2019]).

Условные сокращения

1, 2, 3	1st, 2nd, 3rd person	NEG	negation
A	transitive subject	NMLZ	nominalization
ABL	ablative	NOM	nominative
AN	high in animacy	NP	nominal predicate
AP	antipassive	O	direct object
ATTR	attributive	OBL	oblique
CS	change of state	ORI	orientative
CATCH	catch, hunt	PF	perfect
CONT	container	PL	plural
DAT	dative	PRF	perfective
DET	determiner	PRS	present
DIM	diminutive	PRT	particle (evidential)
DISTR	distributive	PST	past
EAT	consume x	PTCL	particle
EMPH	emphatic particle	PTCP	participle
EQU	equative	REL	relational
ERG	ergative	S	intransitive subject
FUT	future	SG	singular
GEN	genitive	SIM	simultaneous
GOOD	good, intensifier	ST	stative
IN	inside an object	SUBJ	subjunctive
INF	infinitive	TR	transitivizer
INS	instrumental	TH	thematic suffix
IPFV	imperfective	TOP	top of an object
ITER	iterative	INTS	intensifier
LOC	locative	INV	inverse

LOC	locative	TRSF	transformative, become x
LOW.A	agent low on person hierarchy	VB	verbalizer
MAT	material		

Литература

Виняр 2018 — Виняр А. И. Суффиксальные предикаты [Электронный ресурс]. URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf

Виняр 2019 — Виняр А. И. Суффиксальные предикаты в чукотском: семантика, типология и источник возникновения. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2019, 3: 9–21.

Виняр 2023 — Виняр А. И. *Инкорпорация имени в чукотском: силовая динамика и диахроническая типология*. Диссертация ... к. ф. н. НИУ ВШЭ. Москва, 2023.

Мальцева 1998 — Мальцева А. А. *Морфология глагола в алюторском языке*. Новосибирск, 1998.

Муравьева 1979 — Муравьева И. А. *Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алюторского языков*. Диссертация ... к. ф. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1979.

Недялков 1977 — Недялков В. П. Посессивность и инкорпорация в чукотском языке (инкорпорация подлежащего). В. С. Храковский (ред.). *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Ленинград, 1977, 108–138.

Недялков 1982 — Недялков В. П. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим. С. Д. Кацнельсон (отв. ред.). *Категория субъекта и объекта в языках различных типов*. Ленинград, 1982, 135–153.

Пупынина 2013 — Пупынина М. Ю. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2013, 9 (3): 245–260.

Скорик 1948 — Скорик П. Я. *Очерки по синтаксису чукотского языка: Инкорпорация*. Ленинград, 1948.

Скорик 1961 — Скорик П. Я. *Грамматика чукотского языка*. Ч. 1. *Фонетика и морфология именных частей речи*. Москва; Ленинград, 1961.

Andrason 2019 — Andrason, A. Weather in Polish: a contribution to the typology of meteorological constructions. *Studia Linguistica*, 2019, 73 (1): 66–105.

Arteatx & Artiagoitia 2022 — Arteatx I., Artiagoitia X. Weather expressions in Basque: A typological perspective. *Studies in Language*, 2022, 46 (3): 718–751.

Baker, Aranovich, Golluscio 2005 — Baker M. C., Aranovich R., Golluscio L. A. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*, 2005, 81: 138–176.

Boye 2023 — Boye, K. Grammaticalization as conventionalization of discursively secondary status: Deconstructing the lexical–grammatical continuum. *Transactions of the Philological Society*, 2023, 121 (2): 270–292.

Comrie 1979 — Comrie B. Degrees of ergativity: some Chukchee evidence. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 219–240.

Dong et al. 2020 — Dong S., Huang Ch.-R., Ren H. Towards a new typology of meteorological events: A study based on synchronic and diachronic data. *Lingua*, 2020, 247, 102894.

Dijk 1997 — Dijk S. *Noun incorporation in Frisian*. Doctoral dissertation, University of Groningen, 1997.

Dunn 1999 — Dunn M. J. *A Grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Australian National University, 1999.

Eriksen et al. 2010 — Eriksen P. K., Kittilä S., Kolehmainen L. The linguistics of weather: Cross-linguistic patterns of meteorological expressions. *Studies in Language*, 2010, 34 (3): 565–601.

Eriksen et al. 2012 — Eriksen P. K., Kittil, S., Kolehmainen L. Weather and language. *Language and Linguistics Compass*, 2012, 6 (6): 383–402.

Fortescue 2005 — Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. Berlin, 2005.

Kasyanova 2016 — Kasyanova P. *Inconsistent ergativity in Chukchi*. MA thesis. Moscow, 2016.

Kozinsky et al. 1988 — Kozinsky I. S., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. Shibatani M. (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam, 1998, 651–706.

Kurebito 2001 — Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. O. Miyaoka, F. Endo (eds.). *Languages of the North Pacific Rim*, vol. 6. Suita, Japan, 2001, 65–84.

Levin, Krejci 2019 — Levin B., Krejci B. Talking about the weather: Two construals of precipitation events in English. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2019, 4 (1), 58: 1–29.

Malchukov 1993 — Malchukov A. L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam, 1993, 369–384.

Malchukov 2008 — Malchukov A. L. Split intransitives, experiencer objects and ‘transimpersonal’ constructions: (re-)establishing the connection. M. Donohue, S. Wichmann (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford University Press, 2008, 76–100.

Malchukov, Ogawa 2011 — Malchukov A. L., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 19–54.

Malchukov, Siewierska 2011 — Malchukov A. L., Siewierska A. (eds.). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011.

Mattissen 2004 — Mattissen J. A. Structural typology of polysynthesis. *Word*, 2004, 55 (2): 189–216.

Mithun 1987 — Mithun, M. Is basic word order universal? R. S. Tomlin (ed.). *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of a Symposium, Eugene, Oregon, June 1984*. Amsterdam, 1987, 281–328.

Miyaoka 2011 — Miyaoka, O. Impersonal verbs in Central Alaskan Yupik (Eskimoan). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 459–488.

Miyaoka 2012 — Miyaoka, O. *A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin, 2012.

Langacker 1991 — Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*, vol. 2. Stanford, 1991.

Mithun 1997 — Mithun M. Lexical Affixes and Morphological Typology. J. L. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam, 1997, 357–371.

Muravyova et al. 2001 — Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. Ms., Moscow, 2001.

Nedjalkov 1979 — Nedjalkov V. P. Degrees of ergativity in Chukchee. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 241–262.

Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and Dependent-marking Grammar. *Language*, 1986, 62 (1): 56–119.

Polinsky 2016 — Polinsky M. *Deconstructing ergativity: two types of ergative languages and their features*. Oxford, 2016.

Salo 2011 — Salo M. Meteorological verbs in Uralic languages — are there any impersonal structures to be found. *Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 395–438.

Vajda 2017 — Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds). *The Oxford handbook of polysynthesis*. Oxford, 2017, 906–929.

Vajda et al. 2011 — Vajda E. J., Nefedov A., Malchukov A. L. Impersonal constructions in Ket. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 439–458.

Weinstein 2018 — Weinstein Ch. Chukchi-French-English-Russian dictionary. In 3 vols. 2nd ed. Anadyr; St. Petersburg, 2018.

References

Andrason A. Weather in Polish: a contribution to the typology of meteorological constructions. *Studia Linguistica*, 2019, 73 (1): 66–105.

Arteatx I., Artiagoitia X. Weather expressions in Basque: A typological perspective. *Studies in Language*, 2022, 46 (3): 718–751.

Baker M. C., Aranovich R., Golluscio L. A. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*, 2005, 81: 138–176.

Boye K. Grammaticalization as conventionalization of discursively secondary status: Deconstructing the lexical–grammatical continuum. *Transactions of the Philological Society*, 2023, 121 (2): 270–292.

Comrie B. Degrees of ergativity: some Chukchee evidence. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 219–240.

Dijk S. *Noun incorporation in Frisian*. Doctoral dissertation, University of Groningen, 1997.

Dong S., Huang Ch.-R., Ren H. Towards a new typology of meteorological events: A study based on synchronic and diachronic data. *Lingua*, 2020, 247, 102894.

Dunn M. J. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. diss. Australian National University, 1999.

Eriksen P. K., Kittilä S., Kolehmainen L. Weather and language. *Language and Linguistics Compass*, 2012, 6 (6): 383–402.

Eriksen P. K., Kittilä S., Kolehmainen L. The linguistics of weather: Cross-linguistic patterns of meteorological expressions. *Studies in Language*, 2010, 34 (3): 565–601.

Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. Berlin, 2005.

Kasyanova P. *Inconsistent ergativity in Chukchi*. MA thesis. Moscow, 2016.

Kozinsky I. S., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. Shibatani M. (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam, 1998, 651–706.

Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. O. Miyaoka, F. Endo (eds.). *Languages of the North Pacific Rim*, vol. 6. Suita, Japan, 2001, 65–84.

Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*, vol. 2. Stanford, 1991.

Levin B., Krejci B. Talking about the weather: Two construals of precipitation events in English. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2019, 4 (1), 58: 1–29.

Malchukov A. L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam, 1993, 369–384.

Malchukov A. L. Split intransitives, experiencer objects and ‘transimpersonal’ constructions: (re-)establishing the connection. M. Donohue, S. Wichmann (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford University Press, 2008, 76–100.

Malchukov A. L., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 19–54.

Malchukov A. L., Siewierska A. (eds.). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011.

Mal'tseva A. A. *Morfologiya glagola v alyutorskom yazyke* [Verb morphology in the Alutor language]. Novosibirsk, 1998. (In Russ.)

Mattissen J. A. Structural typology of polysynthesis. *Word*, 2004, 55 (2): 189–216.

Mithun M. Is basic word order universal? R. S. Tomlin (ed.). *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of a Symposium, Eugene, Oregon, June 1984*. Amsterdam, 1987, 281–328.

Mithun M. Lexical Affixes and Morphological Typology. J. L. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam, 1997, 357–371.

Miyaoka O. *A Grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin, 2012.

Miyaoka O. Impersonal verbs in Central Alaskan Yupik (Eskimoan). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 459–488.

Murav'eva I. A. *Sopostavitel'noe issledovanie morfonologii chukotskogo, koryakskogo i alyutorskogo yazykov* [A comparative study of the morphophonology of the Chukchi, Koryak and Alutor languages]. Dissertatsiya ... k. f. n. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1979. (In Russ.)

Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. Ms., Moscow, 2001.

Nedjalkov V. P. Degrees of ergativity in Chukchee. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 241–262.

Nedyalkov V. P. Chukotskie glagoly s inkorporirovannym podlezhashchim [Chukchi verbs with incorporated subjects]. S. D. Katsnel'son (otv. red.). *Kategoriya sub"ekta i ob"ekta v yazykakh razlichnykh tipov*. Leningrad, 1982, 135–153. (In Russ.)

Nedyalkov V. P. Posessivnost' i inkorporatsiya v chukotskom yazyke (inkorporatsiya podlezhashchego) [Possession and incorporation in the Chukchi language (subject incorporation)]. V. S. Khrakovskii (red.). *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka*. Leningrad, 1977, 108–138. (In Russ.)

Nichols J. Head-marking and Dependent-marking Grammar. *Language*, 1986, 62 (1): 56–119.

Polinsky M. *Deconstructing ergativity: two types of ergative languages and their features*. Oxford, 2016.

Pupynina M. Yu. Chukotskii yazyk: geografiya, govory i predstavleniya nositelei o chlenenii svoei yazykovoi obshchnosti [The Chukchi language: geography, dialects, and speakers' ideas about the division of their linguistic community]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2013, 9 (3): 245–260. (In Russ.)

Salo M. Meteorological verbs in Uralic languages — are there any impersonal structures to be found. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 395–438.

Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka. Ch. 1. Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi* [Grammar of the Chukchi language. Part 1. Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. Moskva; Leningrad, 1961. (In Russ.)

Skorik P. Ya. *Ocherki po sintaksisu chukotskogo yazyka: Inkorporatsiya* [Essays on the Syntax of the Chukchi Language: Incorporation]. Leningrad, 1948. (In Russ.)

Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. M. Fortescue, M. Mithun, Evans (eds). *The Oxford handbook of polysynthesis*. Oxford, 2017, 906–929.

Vajda E. J., Nefedov A., Malchukov A. L. Impersonal constructions in Ket. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 439–458.

Vinyar A. I. *Inkorporatsiya imeni v chukotskom: silovaya dinamika i diakhronicheskaya tipologiya* [Name incorporation in Chukchi: Power dynamics and diachronic Typology]. Dissertatsiya ... k. f. n. NIU VShE. Moskva, 2023. (In Russ.)

Vinyar A. I. *Suffiksalye predikaty* [Suffixal predicates]. URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf (In Russ.)

Vinyar A. I. *Suffiksalye predikaty v chukotskom: semantika, tipologiya i istochnik vozniknoveniya* [Suffixal predicates in Chukchi: Semantics, Typology and Origin]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2019, 3: 9–21. (In Russ.)

Weinstein Ch. *Chukchi-French-English-Russian dictionary*. In 3 vols. 2nd ed. Anadyr; St. Petersburg, 2018.

Акциональные характеристики непроизводной основы глагола в эвенкийском языке

Елена Леонидовна Рудницкая

Институт востоковедения РАН

Москва, Россия

erudnitskaya@gmail.com

В статье анализируется интерпретация непроизводной основы глаголов разных акциональных групп с показателем небудущего времени (аориста). На основе этого анализа показано, что непроизводную глагольную основу в эвенкийском языке нельзя считать перфективной. Однако предпринимается попытка показать, что непроизводная основа эвенкийского глагола соотносится с предельностью «в широком смысле» (это значение перфективной основы). Показано, что все непроизводные глагольные основы, кроме тех, которые обозначают постоянные состояния, интерпретируются как события, процессы или состояния, ограниченные во времени, как предельные или закончившиеся процессы. В частности, подробно рассмотрена предельная интерпретация непроизводной основы глагола, «делимитативная» интерпретация (в контексте обстоятельства, задающего отрезок времени), а также интерпретация неопределённого действия или ситуации как закончившихся по причине, не связанной с их внутренней структурой. Таким образом, выявлена зависимость интерпретации от контекста. Перечисленные интерпретации можно соотносить с предельностью «в широком смысле», или с «терминативностью», характерной для перфективной основы. Кроме того, показано, что вид в эвенкийском языке нельзя считать деривационным в концепции С. Г. Татевосова, несмотря на то что непроизводная основа по значению соотносима с перфективной.

Ключевые слова: эвенкийский язык, аспект, основа, предельность, терминативность

Благодарности: Автор благодарит участников конференций «Конкорт-2025» и «ТМП-15» (2025) за полезные замечания по предыдущим вариантам данной работы.

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Акциональные характеристики непроизводной основы глагола в эвенкийском языке. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 98–121.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-98-121

Actional properties of an underived verb base in Evenki

Elena Leonidovna Rudnitskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science

Moscow, Russia

erudnitskaya@gmail.com

The present paper analyzes the interpretation of underived verb bases of various actional classes in the Evenki language. On the basis of this analysis, it is shown that the underived verb base in Evenki cannot be considered perfective. However, we try to show that the underived Evenki verb base can in broad terms be related to telicity. It has been demonstrated that all Evenki underived bases, except those that denote constant states, are interpreted as events, as processes or states that are time-bound, or as processes that are telic, or have ended. In particular, we consider in detail the telic verb base interpretation, the “delimitative” interpretation (in the context of a time period adverbial), as well as the interpretation of an atelic verb or a stative verb as denoting a situation that has ended because of a reason not related to the situation’s internal structure. Thus, the interpretation of an underived verb base strongly depends on the context. The interpretations above can be related to telicity in a broad sense, a.k.a. “terminativity”. It is also shown that aspect in Evenki cannot be regarded as derivational in the system of S.G. Tatevosov, in spite of the fact that the meaning of the underived base correlates with the meaning of a perfective base.

Keywords: Evenki, aspect, base, telicity, terminativity

For citation: Rudnitskaya E. L. Actional properties of an underived verb base in Evenki. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 98–121.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-98-121

1. Введение

В эвенкийском языке имеется большое количество показателей, которые традиционно считаются видовыми [Константинова 1964; Горелова 1979]. Это имперфектив $-dA^1$, дисперсив $-ktA$, итератив $-wAn / -wAt$, дуратив $-t / -či$, дистрибутив $-t(i)$, инцептив (или семейфактив) $-sin / -hin^2$, хаби-туалис $-ηnA$ и другие. О. А. Константинова, И. В. Недялков, Б. В. Болдырев [Константинова 1964; Nedjalkov 1997; Болдырев 2007] никак не комментируют количество видовых показателей; Л. М. Горелова [Горелова 1979] отмечает большое количество показателей и в то же время наиболее подробно обсуждает только показатель имперфектива $-dA$, называя его показателем длительности и сопоставляя имперфективную форму глагола в эвенкийском языке с формой несовершенного вида глагола в русском. В настоящей статье будет предпринята попытка выяснить статус перфективной и имперфективной форм глагола в эвенкийском с опорой на данные типологии и показать, что интерпретации производной формы приблизительно соответствуют понятию предельности «в широком смысле» [Плунгян 2011: 113–115; Зализняк, Шмелев 2000: 53–54], или «терминативно-сти» [Paducheva, Pentus 2008].

Материал для настоящей статьи был собран в экспедициях 2024–2025 гг. в село Усть-Нюкжа (Тындинский район, Амурская область). В этом селе говорят на одном из восточ-

¹ Заглавная буква *A* в $-dA$ здесь и далее используется для обозначения гласных в аффиксах, которые, подчиняясь нетривиальной разновидности закона гармонии гласных в эвенкийском языке, имеют по три варианта ([a], [ə], [o]) в зависимости от гласного корня. Подробнее см. [Nedjalkov 1997: 314–315].

² Вариант с начальным $-h-$ в $-sin/-hin-$ употребляется в северных диалектах эвенкийского а с $-s-$ — в южных; считается, что в восточных диалектах представлен вариант $-hin$, однако в усть-нюкжинском говоре, к которому относятся наши экспедиционные данные, представлены варианты $-hin$, $-in$, $-ηin$. Конечное $-n$ в $-hin-$ в определенном контексте (перед некоторыми согласными) выпадает: $ηəpə-hi-ča-n$ идти-INCEP-PST-3SG ‘пошел’.

ных диалектов по работе [Василевич 1948: 12]. По классификациям [Цинциус 1949: 12–13; Булатова 1987: 7], усть-нюкжинский говор относится к витимо-олёкминскому диалекту. Были опрошены носители языка возрастом от 40 до 75 лет (участвовали в опросах всего около 10 носителей, в основном оленеводы). Носителям были предложены анкеты, направленные на выявление акциональной классификации эвенкийских глаголов по методике С. Г. Татевосова [Лютикова и др. 2006; Татевосов 2016; Оскольская 2017]. Также для проверки выводов, полученных при элицитации, были использованы данные корпусов [Казакевич и др. 2023] (ИЯз); [Däbritz et al. 2024] (INEL).

2. Можно ли считать непроизводную основу в эвенкийском языке перфективной?

В. А. Плунгян [Плунгян 2011] считает, что в неславянских языках с большим количеством видовых показателей можно говорить о перфективности, но нельзя говорить о перфективной и имперфективной основах как об основных аспектуальных формах глагола: нужно учитывать не только перфективность, но и все остальные видовые категории данного языка. В то же время [Аркадьев, Шлуинский 2015] делят языки с деривационным видом на перфективирующие и имперфективирующие, что все-таки позволяет считать определенные перфективные и имперфективные формы глагола «первичными» аспектуальными формами глагола, а остальные формы — «вторичными» (ср. термин «вторичная перфективация (имперфективация)»).

К перфективирующим языкам (тем, в которых большинство непроизводных глаголов относятся к несовершенному виду), [Аркадьев, Шлуинский 2015] относят русский (как пример славянских языков), осетинский, идиш и другие языки. К имперфективирующим языкам относятся самодийские языки и эвенкийский язык. Действительно, в эвенкийском языке имперфективная основа чаще всего образуется от непроизводной (перфективной). Так, в (1а) пред-

ставлена перфективная основа глагола *un-* ‘таять’, а в (1б) — имперфективная:

- (1) а. *imanna un-ča* *dur iḡəni-li*
 снег таять-PTCP.ANT два день-PROL
 ‘Снег растаял за два дня’ (перфективная основа)
 [элицитация]
 б. *imanna un-də-ča* *dur iḡəni-wə*
 снег таять-IPFV-PTCP.ANT два день-ACC
 ‘Снег таял два дня’ (имперфективная основа)
 [элицитация]

Однако не любая производная основа является перфективной³, например у стативного производного глагола основа обозначает состояние. Так, приведем вслед за работой [Аркадьев, Шлуинский 2015: 12] пример (2а-б), в котором от производной имперфективной основы *buylə-* ‘болеть’ образуется производная перфективная:

- (2) а. *Vas'a buylə-ra-n nadalla-wa*
 Вася болеть-NFUT-3SG неделя-ACC
 ‘Вася (по)болел неделю’
 б. *Vas'a buylə-l-ča*
 Вася болеть-INCH-PTCP.ANT
 ‘Вася заболел’

С точки зрения [Аркадьев, Шлуинский 2015], *un-* ‘таять’ в (1а) — перфективная производная основа, а *buylə-* ‘болеть’ в (2а) — имперфективная производная основа. Поскольку в эвенкийском языке перфективных производных основ больше, чем имперфективных (это основы всех динамических глаголов), эвенкийский язык следует считать имперфективирующим.

Таким образом, в подходе П. М. Аркадьева и А. Б. Шлуинского не обязательно соотносить перфективную или имперфективную основу с определенным морфологическим ви-

³ Заметим, что [Nedjalkov 1997: 247] считает производную основу нейтральной, а не перфективной.

дом основы (например, непроизводная). Проверим данный вывод для эвенкийского языка.

В работах [Шлуинский 2012; 2017: 30] отмечается, что в лесном диалекте энецкого языка разница между перфективными и имперфективными непроизводными основами — во временной референции глагола с этой основой при присоединении показателя фактатив (аориста): у имперфективных основ референция к настоящему времени, а у перфективных — к прошедшему. В лесном диалекте энецкого перфективными являются непроизводные основы предельных глаголов, а имперфективными — основы неопредельных глаголов и глаголов, обозначающих состояние. Таким образом, временная референция глагольной словоформы зависит от акционального класса, к которому относится глагол, а не от морфологической формы основы (непроизводная).

Рассмотрим (За-б). В (За) представлен глагол во времени аорист (небудущее время NFUT на *-rA*). Имперфективная основа в (Зб) в этом же времени переводится на русский глаголом настоящего времени. Глоссирование в примере (Зб) показывает, что показатель настоящего времени состоит из двух показателей: *-dA* IPFV (имперфектив) и *-rA* NFUT (небудущее время/аорист). Таким образом, показатель настоящего времени отличается от показателя аориста как раз показателем имперфектива⁴.

По грамматикам, аорист определяется как время, предполагающее, что действие закончилось к моменту речи (ср. “a simple perfective recent past action” [Nedjalkov 1997: 237]), или что продолженное состояние имеет место в настоящее время (“present prolonged state” [Nedjalkov 1997: 237])⁵.

⁴ Практически во всех грамматиках [Константинова 1964; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999; Болдырев 2007] считается, что показатель *-dArA* — это одна морфема, то есть сочетание *-dA+ -rA* претерпело грамматикализацию. С нашей точки зрения, эта грамматикализация неполная [Морозова, Рудницкая 2022].

⁵ Также имеется еще несколько дополнительных употреблений. Они редко встречаются, мы их здесь не рассматриваем. В обоих

В эвенском языке [Мальчуков 2022] есть аорист с похожими свойствами. Если в эвенском языке распределение перфективных и имперфективных основ такое же, как в лесном энецком, то в эвенкийском глаголы, обозначающие процесс, и стативные глаголы, обозначающие временные состояния, с показателем небудущего времени *-ra* имеют референцию к прошедшему времени. Для временных состояний это показано в (2а) выше и в (4), для предельных глаголов см. (3а-б).

- (3) а. *nuŋaŋ* *dukiwun-ma* ***duku-ra-n***
 он письмо-ACC писать-NFUT-3SG
 (А) 'Он написал письмо'; (Б) * 'Он пишет письмо';
 *(В) 'Он писал письмо' [элицитация]
- б. *nuŋaŋ* *dukiwun-ma* ***duku-da-ra-n***
 он письмо-ACC писать-IPFV-NFUT-PST-3SG
 'Он пишет письмо' [элицитация]
- (4) *Vas'a* ***buyla-ra-n***
 Вася болеть-NFUT-3SG
 (А) 'Вася переболел', *(Б) 'Вася болел'

Рассмотрим глаголы, которые обозначают такие действия, как 'идти', 'бежать', 'заботиться', которые в русском считаются непредельными, а в эвенкийском относятся к предельным. Так, глагол с непроизводной основой *tuksa-* 'бежать' в (5а) переводится носителями на русский как глагол совершенного вида в прошедшем времени, а тот же глагол с основой на *-da* (IPFV) в (5б) имеет референцию к настоящему (и, соответственно, переводится русским глаголом несовершенного вида). В примере (6а) глагол с непроизводной основой *karaj-* 'заботиться' переводится глаголом прошедшего времени, а тот же глагол в (6б) с основой на *-da* (IPFV) переводится глаголом в настоящем времени.

- (5) а. *nuŋaŋ* ***tuksa-ra-n***
 он бежать-NFUT-3SG

показатель *-ra*, комбинируется с другими морфосинтаксическими средствами.

‘Он [√]прибежал / [√]подбежал / [√]пробежал / *бежал /
*бежит

б. *niŋan* ***tuksa-dā-ra-n***

он бежать-IPFV-NFUT-3SG

‘Он *прибежал / *подбежал / *бежал / [√]бежит

(6) а. *niŋan* *minə-wə* ***karaj-ra-n***

он я.OBL-ACC заботиться-NFUT-3SG

(А) ‘Он меня воспитал’; *(Б) ‘Он обо мне заботился’

* (В) ‘Он обо мне заботится’

б. *niŋan* *minə-wə* ***karaj-dā-ra-n***

он я.OBL-ACC заботиться-IPFV-NFUT-3SG

‘Он обо мне заботится’

Для основ, обозначающих постоянные состояния (*sa*- ‘знать’, *bi*- ‘быть, существовать’⁶), непроизводная основа обозначает продолжающуюся ситуацию и имеет референцию к настоящему времени, ср. (7а). Для референции к прошедшему времени обязателен показатель прошедшего времени *-ča* (7б).

(7) а. *Vas’a* ***sa-(dā)-rə-n***

Вася знать-(IPFV)-NFUT-3SG

əwənki *bi-hi-n*

эвенк быть-PRS-3SG

‘Вася [√]знает / *знал / *узнал, что он эвенк’

б. *Vas’a* ***sa-(dā)-ča-n***

Вася знать-(IPFV)-PST-3SG

əwənki *bi-hi-n*

эвенк быть-PRS-3SG

‘Вася знал / *узнал, что он эвенк’

Таким образом, в эвенкийском языке нельзя строго соотнести непроизводную основу с перфективной интерпрета-

⁶ *Bi*- также может быть связкой, но тогда эта основа присоединяет нерегулярный показатель настоящего времени *-si/-hi*, ср. придаточное предложение в (5). Эта основа при употреблении с будущим временем *-ra* используется в значении ‘жить’ и ведет себя так же, как основы, обозначающие временные ситуации. С показателем *-si/-hi* имперфективная основа не употребляется: **bi-dā-hi-n*.

цией. Должен учитываться также аспектуальный класс глагола, как и в энецком. По тесту временной референции все непроизводные основы являются перфективными, кроме основ, обозначающих постоянные состояния. Так что абсолютное большинство непроизводных глагольных основ должны все же получать перфективную интерпретацию, и в п. 3 мы постараемся соотнести эту интерпретацию с перфективной «в широком смысле».

Другой подход представлен в работе [Татевосов 2016], в котором перфективная основа глагола в языке с деривационным видом фиксируется морфологически (в случае эвенкийского языка как непроизводная), и у этой основы при определенных обстоятельствах (у глагола, обозначающего состояние) возможна имперфективная интерпретация.

3. Перфективные осмысления непроизводной формы глагола

Согласно работам [Плунгян 2011а: 113–115; Зализняк, Шмелев 2000: 53–54], предельность глагола «в узком смысле» определяется как характеристика его лексического значения: наличие у процесса, обозначенного глаголом, логического предела (например, *таять* — *растаять*). Кроме того, существует понятие предельности «в широком смысле»: ограниченность ситуации каким-либо образом, в том числе во времени. В. А. Плунгян отмечает, что предельность «в широком смысле» приблизительно соответствует подразумеваемому значению совершенного вида (перфективного глагола). В настоящем пункте ставится задача проанализировать употребления глагола с непроизводной основой в эвенкийском языке в эпизодическом употреблении и показать, что эти употребления соответствуют предельности «в широком смысле». В работе [Paducheva, Pentus 2008] предлагается связывать перфективность с «терминативностью», которая соответствует предельности «в широком смысле».

Вот основные три случая, в которых мы встречаем глагол в непроизводной форме в эпизодических употреблениях:

- (i) глагол предельный, обозначает событие (в частном случае — процесс, который достиг логического предела);
- (ii) глагол обозначает ограниченный во времени процесс или состояние;
- (iii) глагол обозначает закончившийся (хоть и не предельный) процесс.

Первый случай — самый простой: непроизводная форма глагола обозначает событие, которое заключается в достижении процессом логического предела. В (1а) выше перфективная основа глагола *un-* ‘таять’ обозначает событие ‘растаять’, которым закончился процесс таяния ((1б), основа *un-dǎ-*). Рассмотрим второй и третий случаи более подробно.

3.1. Процесс, ограниченный промежутком времени

Второй случай представлен примером (8а). Если в (1б) и (3а) действия *un-* ‘таять’ и *duku-* ‘писать’ интерпретируются как законченные (‘растаять’ и ‘написать’), то в (8а) это действие ограничено промежутком времени *ǎur ǎas-wǎ* ‘два часа’. Согласно методике С. Г. Татевосова [Татевосов 2016], возможность употребления некоторой формы глагола в контексте аккумулятивного обстоятельства времени (или его аналога) — признак того, что эта форма обозначает процесс (а не событие). Согласно опросам носителей, русские обстоятельства типа *два часа* (употребляющиеся с глаголом несовершенного вида) переводятся на эвенкийский соответствующим сочетанием в аккумулятиве (как в (8а)), а обстоятельства с предлогом *за* (*за два часа*) соответствуют сочетаниям в продольном падеже, ср. (1а) и (8б)⁷.

(3) а. <i>niŋan</i>	<i>dukiwun-ma</i>	<i>duku-ra-n</i>
он	письмо-ACC	писать-NFUT-3SG
	(А) ‘Он написал письмо’; (Б) * ‘Он пишет письмо’;	
	* (В) ‘Он писал письмо’	
(8) а. <i>niŋan</i>	<i>dukiwun-ma</i>	<i>ǎur</i>
он	письмо-ACC	два

⁷ Заметим, что в русско-эвенкийском словаре Б. В. Болдырева [Болдырев 1994: 112–113] конструкция в аккумулятиве входит в число возможных переводов сочетаний с предлогом *за*.

<i>čas-wə</i>	<i>duku-ča-n</i>	
час-ACC	писать-PST-3SG	
‘Он два часа (по)писал письмо’ [элицитация]		
b. <i>nujan</i>	<i>dukuwun-ma</i>	<i>ður</i>
он	письмо-ACC	два
<i>čas-li</i>	<i>duku-ča-n</i>	
час-PROL	писать-PST-3SG	
‘Он за два часа написал письмо’ [элицитация]		

В связи с данной интерпретацией, которая, по нашему мнению, приблизительно соответствует делимитативному способу действия в русском, важно следующее. Делимитативную основу [Зализняк, Шмелев 2000: 111] определяют так: эта основа описывает «некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого оно производилось»⁸.

Если говорить об эвенкийской непроизводной основе, обозначающей ограниченное во времени действие, то эта основа употребляется прежде всего с обстоятельством *barbak* ‘чуть-чуть’ (9) или с аккузативным обстоятельством (см. (16), (8a)). Если (9) несет оценку «порции» действия как небольшой, то в (8a) нет такой оценки⁹. Данная интерпретация редко возможна без временного обстоятельства в аккузативе: (3a) без такого обстоятельства не может переводиться на русский глаголом несовершенного вида (интерпретация (B)). В (10) русский глагол *написал* (без обстоятельства времени) переводится как *duku-mka-*: *duku-* присоединяет аттенуативный показатель *-mka*¹⁰.

⁸ В [Татевосов 2016: 304–307, 311] приводятся аргументы за то, что русская делимитативная основа не содержит оценки «порции» действия как небольшой.

⁹ Если употребить обстоятельство ‘долго’ *goro-wo* в (i), более приемлема основа глагола на *-da*.

(i) *Vaŋa goro-wo uliʔ(-də)-ča čontukə-wə*
Ваня долгое.время-ACC копать*(-IPFV)-PTCP.ANT яма-ACC
‘Ваня долго копал яму’

¹⁰ Здесь, вероятно, имеет значение то, что носители понимают русскую форму *написал* как обозначающую небольшую порцию действия.

- (9) *nuŋan* *dukiwun-ma* *barbak* *duku-ča-n*
 он письмо-ACC чуть-чуть писать-PST-3SG
 ‘Он чуть-чуть пописал письмо’ [элицитация]

- (10) *nuŋan* *dukiwun-ma* *duku-mka-ča-n*
 он письмо-ACC писать-ATTEN-PST-3SG
 ‘Он пописал письмо’ [элицитация]

При произнесении (11a) с непроизводной основой носители считают, что действие ‘копать’ достигло кульминации, то есть яма выкопана. В (12) (где контекст эксплицитно указывает на незавершенность действия) имперфективная основа считается более приемлемой, чем непроизводная. Однако при появлении аккумулятивного обстоятельства (в (11б)) эксплицитное указание на незавершенность процесса является приемлемым¹¹.

- (11) а. *nuŋan* *čonɬuka-wə* *ulə-ča*
 он яма-ACC копать-PTCP.ANT¹²
taduk *dərumki-ča*
 потом отдыхать-PTCP.ANT
 ‘Он покопал яму, потом отдохнул’ (подразумевается, что он выкопал яму) [элицитация]

¹¹ В работе [Татевосов 2016: 308] указывается на то, что в русском аккумулятивное обстоятельство обязательно при пердуративном способе действия (*проработать* *(два часа)), что является основанием для исключения этой формы из возможных членов акциональной группы. В связи с этим встает вопрос о том, является ли описываемое употребление в эвенкийском аналогом русского делимитативного (как было сказано выше) или пердуративного способа действия. Важно заметить, что оба способа связаны с временным промежутком, и в [Киселева, Татевосов 2022] многие утверждения касаются обоих способов.

¹² В эвенкийском языке некоторые причастные формы глагола могут функционировать как финитные, см. [Калинина 2001: 130–131].

б. *nuŋan* *dur* *čas-wə* *ʃoŋtuka-wə* *ulə-rə-n*
 он два час-ACC яма-ACC копать-NFUT-3SG
atkan *usu* *ulə-də-rə-n*
 сейчас еще копать-IPFV-NFUT-3SG
 ‘Он покопал яму, сейчас еще копает [элицитация]’

- (12) *Toŋa* *koto-wo* *dəju^{??}(-da)-ča*,
 Толя нож-ACC точить(-IPFV)-PTCP.ANT
ə-čə *dəju-rə*
 NEG-PTCP.ANT точить-PTCP.NEG
 ‘Толя точил нож, не наточил’

Теперь рассмотрим состояния. Постоянные состояния мы не рассматриваем, потому что у них интерпретации непроизводной и имперфективной форм никак не различаются (см. п. 1, примеры (7а-б)). Рассмотрим временные состояния и вернемся к повторенному здесь примеру (2а):

- (2) а. *Vas'a* *buylə-ča* *nadalla-wa*
 Вася болеть-PTCP.ANT неделя-ACC
 ‘Вася болел неделю’

Глаголы, обозначающие временные состояния, могут употребляться с аккумулятивным обстоятельством времени, как и в русском (*Вася неделю **поболел** и вышел на работу*). В эвенкийском непроизводная основа глагола, обозначающего временное состояние, получает интерпретацию ‘закончившаяся ситуация’ и в контексте аккумулятивного обстоятельства времени, и без него. В примере (13а) без аккумулятивного обстоятельства имеется ввиду, что Вася уже выздоровел (то есть ситуация болезни закончилась), в (3б) то же относится к ситуации ‘сидеть’ (предполагается, что эта ситуация закончилась к моменту речи, ср. п. 2).

- (13) а. *Vas'a* *buylə-ča*
 Вася болеть-PTCP.ANT
 ‘Вася переболел’
 б. *əhəka* *təhət-tə-n*, *atkan*
 дедушка сидеть-NFUT-3SG сейчас

ukla-də-rə-n

лежать-IPFV-NFUT-3SG

‘Дедушка посидел, теперь лежит’

Таким образом, по материалу данного пункта можно говорить о «делимитативной» интерпретации непроизводной основы в контексте аккузативного обстоятельства времени и отнести такую интерпретацию к перфективной «в широком смысле».

3.2. Окончившийся процесс

Под последней, третьей интерпретацией мы подразумеваем ситуацию, которая закончилась из-за того, что израсходовался какой-то ресурс, не связанный с предельностью или неопредельностью глагола (это одно из значений русской приставки *про-* по словарю [Кузнецов 2000]). В примерах (14а-б), (15а-б) проиллюстрирована эта интерпретация:

(14) а. *duyuktu tinina-rə-n dəyi-l-lə-n*
пчела жужжать-NFUT-3SG лететь-INCH-NFUT-3SG
‘Пчела прожужжала (*жужжала, *жужжит) и улетела’
[элицитация]

б. *duyuktu tinina-də-rə-n*
пчела жужжать-IPFV-NFUT-3SG
‘Пчела жужжит’ [элицитация]

(15) а. *dəyi dəy-rə-n*
птица лететь-NFUT-3SG
‘Птица пролетела’

б. *dəyi dəy-də-rə-n*
птица лететь-IPFV-NFUT-3SG
‘Птица летит’

Предложение (14а) можно понять как ‘пчела начала жужжать, пожужжала и закончила жужжать’ или как ‘пчела пролетела, жужжа’; в обоих случаях ситуация ‘жужжать’ или ‘пролетать, жужжа’ заканчивается. Аналогично, в (15а) ситуация ‘пролетать’ закончилась. В русском языке глаголы ‘прожужжать’ ‘пролететь’ оба совершенного вида и обозначают процессы, достигшие логического предела (который у

этих ситуаций совпадает с их окончанием, ср. формулировку из словаря [Кузнецов 2000], процитированную выше).

Входит ли в значение эвенкийских глаголов *tiŋina-* ‘жужжать’ и *dəu* ‘лететь’ (процессы, которые обычно считаются неопредельными) компонент ‘достижение ситуацией логического предела — окончания’? Видимо, нет, так что «терминативное»¹³ осмысление процесса в (14a)–(15a) обусловлено типом основы глагола и синтаксическим контекстом: непроизводная основа у глаголов действия имеет такое осмысление без аккузативного обстоятельства промежутка времени. Эта формулировка описывает также примеры предельного осмысления непроизводной основы в (4), (5a), повторенных ниже, и аналогичные примеры.

- (4) *Vas'a buyla-ča*
 Вася болеть-PTCP.ANT
 (A) ‘Вася переболел’, *(B) ‘Вася болел’
- (5) a. *nuŋan tuksa-ra-n*
 он бежать-NFUT-3SG
 ‘Он прибежал / подбежал / пробежал / *бежал / *бежит’

Можно ли считать, что любая непроизводная глагольная основа в эвенкийском языке (кроме основ, обозначающих постоянные состояния, см. п. 2) имеет «терминативное» осмысление? Если глагол предельный, ситуация заканчивается при достижении логического предела. При «делимитативном» осмыслении (см. п. 3.1) ситуация заканчивается, потому что указана ее протяженность (без аккузативного временного обстоятельства, как отмечается в п. 3.1, «делимитативное» осмысление невозможно). Также концепция «терминативного» осмысления не противоречит фактам, рассмотренным в п. 2 (отсутствие различий в интерпретации

¹³ Это термин, предложенный для определения значения перфективной основы в работе [Paducheva, Pentus 2008]. Заметим, что в работе [Плунгян 2011a: 188] термин *терминативность* употребляется в другом значении (синоним термина *апуд-латив*).

непроизводной и имперфективной форм *sa-* ‘знать’ в (7а) и невозможность перфективной интерпретации *sa-* в (7б)). Если глагол (*sa-*) обозначает постоянное состояние, это состояние не может закончиться, и непроизводная основа (*sa-*) не может обозначать наступление (а не окончание) состояния.

С семантической точки зрения, обязательное «терминативное» осмысление непроизводной основы выглядит корректно. Однако это осмысление не соответствует никакой грамматической категории, что было продемонстрировано в п. 2: морфологически выраженного терминатива в эвенкийском нет, как и морфологически перфективной основы.

Остается заметить, что, хотя примеры (14а), (15а) переводятся на русский язык приставочными глаголами на *про*, здесь нет параллели с русским пердуративом¹⁴. Пердуратив предполагает обязательное обстоятельство времени (*про-работал (неделю)*), чего нет в приведенных эвенкийских примерах.

4. Заключение

Были исследованы интерпретации непроизводной формы глагола в эпизодическом употреблении в эвенкийском языке. Помимо глаголов, непроизводная основа которых обозначает событие (предельность «в узком смысле»), было выделено две основных интерпретации: «делимитативная» (процесс или состояние, ограниченный промежутком времени) и «терминативная» (окончившийся неопределенный процесс). Все три употребления можно соотносить с предельностью «в широком смысле», а также объединить, введя условие обязательной терминативной интерпретации непроизводной основы [Paducheva, Pentus 2008]. Получается, что такая основа по интерпретации и не перфективная [Константинова 1964; Горелова 1979], и не нейтральная, как предлагает

¹⁴ Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев [Зализняк, Шмелев 2000: 112] определяют пердуративные глаголы так: это «глаголы, обозначающие действие, происходившее внутри некоторого замкнутого промежутка времени».

для эвенкийского [Nedjalkov 1997: 247] — ср. возможность такого же тезиса для эвенского [Мальчуков 2022: 31].

Таким образом, в эвенкийском языке основу без аспектуальных показателей по интерпретации можно считать перфективной, и она сравнима с русской перфективной основой. Однако эта параллель действует с оговорками.

В п. 2 говорилось, что эвенкийская непроизводная основа может считаться перфективной в парадигме С. Г. Татевосова [Татевосов 2016], в которой перфективной считается та основа, которая у большинства (а не у всех) глаголов имеет перфективную интерпретацию. Однако данные из п. 2 неполные: там представлены только непроизводные основы с показателем времени *-rA NFUT*. Если эвенкийский — язык с деривационным видом в парадигме С. Г. Татевосова, то непроизводная основа должна сохранять перфективную («терминативную») интерпретацию с любым показателем времени. На деле это не так: в прошедшем времени (*-čA PST*, *-čA PTCP.ANT*¹⁵) интерпретация большинства глаголов такая же, как и в аористе (как показано в п. 2), но у некоторых глаголов (которые считаются неопредельными)¹⁶ только в прошедшем времени допустима неопредельная интерпретация, например, ср. повторенное здесь (6а) и (16); (17а-б)¹⁷.

¹⁵ И. В. Недялков [Nedjalkov 1997: 239] считает два данных показателя одним. Однако многие исследователи, например, О. А. Константинова [Константинова 1964: 142, 172], рассматривают их как разные. Экспериментальное исследование [Морозова 2021: 149–157, 189] подтверждает существование долгих и кратких гласных, но долгота гласных существенно зависит от типа слога (открытый или закрытый) и положения слога в слове: например, наиболее долгими являются гласные в последнем закрытом слоге. В современном эвенкийском языке носители не различают долгие и краткие гласные и не обозначают их на письме, поэтому мы их в примерах не обозначаем.

¹⁶ У глаголов движения из п. 2 интерпретация не меняется.

¹⁷ Интерпретации примеров (16)–(17) спрашивались у трех носителей. Разногласия вызвала интерпретация (А) примера (17б): два носителя признали ее возможной, а один — невозможной.

- (6) а. *niŋaŋ* *miŋə-wə* ***karaj-ra-n***
 он я.OBL-ACC заботиться-NFUT-3SG
 (А) 'Он меня воспитал'; *(Б) 'Он обо мне заботился'
- (16) *niŋaŋ* *miŋə-wə* ***karaj-ča-n***
 он я.OBL-ACC заботиться-PST-3SG
 (А) 'Он меня воспитал'; (Б) 'Он обо мне заботился'
- (17) а. *niŋaŋ* *miŋə-wə* ***muŋna-ra-n***
 он я.OBL-ACC мучить-NFUT-3SG
 (А) 'Он меня замучил'; *(Б) 'Он меня мучил'
- б. *niŋaŋ* *miŋə-wə* ***muŋna-ča-n***
 он я.OBL-ACC мучить-PTCP.ANT
 ?(А) 'Он меня замучил'; (Б) 'Он меня мучил'

Таким образом, эвенкийский язык, как и нанайский (в котором также богатая глагольная деривация [Оскольская 2015]), нельзя строго причислить к языкам с деривационным видом.

Есть и другие проблемы при соотнесении непроизводной основы с перфективной. Как уже говорилось, «терминативная» интерпретация неприменима к основам, обозначающим постоянные состояния, поскольку такое состояние не может закончиться. Кроме того, эвенкийские пары, состоящие из перфективной и имперфективной основ, часто не соотносятся с русскими видовыми парами. Они соотносятся с перфективной и имперфективной основой в языке со словозменительным видом, например, в карачаево-балкарском (ср. [Лютикова и др. 2006]). Если же учитывать также и дериваты непроизводной основы с другими видовыми показателями (кроме *-dA*), задача классификации их на перфективные и имперфективные сильно усложняется.

Сокращения:

3 — 3-е лицо

ACC — аккумулятив

ABL — аблатив

ANT — (причастие) предшествования

INCH — инхоатив
IPFV — имперфектив
NEG — отрицательное (причастие)
NFUT — небудущее (время)
OBL — косвенная (основа)
PROL — пролатив
PRS — настоящее (время)
PST — прошедшее (время)
PTCP — причастие
SG — единственное число.

Литература

Аркадьев, Шлуинский 2015 — Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии. *Вестник СПбГУ, Серия 9 (Филология. Востоковедение. Журналистика)*, 2015, 3: 4–24.

Болдырев 1994 — Болдырев Б. В. *Русско-эвенкийский словарь*. Новосибирск, 1994.

Болдырев 2007 — Болдырев Б. В. *Морфология эвенкийского языка*. Ред. Роббек В. А. Новосибирск, 2007.

Булатова 1987 — Булатова Н. Я. *Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования*. Ленинград, 1987.

Василевич 1948 — Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Ленинград, 1948.

Горелова 1979 — Горелова Л. М. *Категория вида в эвенкийском языке*. Под ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск, 1979.

Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк А. А., Шмелев А. Д. *Введение в русскую аспектологию*. Москва, 2000.

Казакевич и др. 2023 — Казакевич О. А., Архангельский Т. А., Клячко Е. Л. *Корпус рассказов на эвенкийском языке*. 2023. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>; <http://gisly.net/corpus/>

Калинина 2001 — Калинина Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. Москва, 2001.

Киселева, Татевосов 2022 — Киселева Кс. Л., Татевосов С. Г. Русский делимитатив: линейный порядок или движение к кульминации? *Компьютерная лингвистика и интеллекту-*

альные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022» Москва, 15—18 июня 2022 г. URL: <https://dialogue-conf.org/media/5791/tatevosovsgpluskisselevaxl066.pdf>

Константинова 1964 — Константинова О. А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. Москва, 1964.

Кузнецов 2000 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*, редакция 2000 г. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=про&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=про&mode=slovari&dicts[]=42).

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. Москва, 2006.

Мальчуков 2022 — Мальчуков А. Л. Временное значение эвенского «аориста» и теория синтагматического взаимодействия категорий. *IV Роббековские чтения: сборник материалов международной научно-практической конференции*. Якутск, 2022, 22–35.

Морозова 2021 — Морозова О. Н. *Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков)*. Дисс. на соиск. степени доктора филол. наук, Благовещенск, 2021.

Морозова, Рудницкая 2022 — Морозова О. Н., Рудницкая Е. Л. Аорист в эвенкийском языке. *Малые языки в большой лингвистике*, Вып. 4. Под ред. И. А. Хомченковой. Москва, 2022, 222–240.

Оскольская 2017 — Оскольская С. А. *Аспект в нанайском языке*. Дисс. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2017.

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). *Scando-Slavica*, 2011, 57 (2): 290–310.

Плунгян 2011a — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва, 2011.

Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. *Глагольные классы и типология акциональности*. Москва, 2016.

Цинциус 1949 — Цинциус В. И. *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков*. Ленинград, 1949.

Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*, 2012, VIII (2): 950—996.

Шлуинский 2017 — Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 24—52.

Bulatova, Grenoble 1999 — Bulatova N., Grenoble L. *Evenki*. München, 1999.

Däbritz et al. 2024 — *Däbritz Ch. L., Gusev V., Stoynova N. 2024. INEL Evenki corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages.* <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>

Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. *Evenki*. London; New York, 1997.

Paducheva, Pentus 2008 — Paducheva E. V., Pentus M. Formal and informal semantics of telicity. *Theoretical and cross-linguistic approaches to the semantics of aspect*. Susan Rothstein (ed.). Amsterdam, 2008, 291–315.

References

Arkad'yev P. M., Shluinskiy A. B. Slovoklassifitsiruyushchiye aspektual'nyye sistemy: opyt tipologii [Word-classifying aspectual systems: the experience of typology]. *Vestnik SPbGU, Seriya 9 (Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika)*, 2015, 3, 4–24. (In Russ.)

Boldyrev B. V. *Russko-evenkiyskiy slovar'* [Russian-Evenki dictionary]. Novosibirsk, 1994. (In Russ.)

Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of Evenki]. Red. Robbek V. A. Novosibirsk, 2007. (In Russ.)

Bulatova N. Ya. *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Dialects of the Amur area. Research materials]. Leningrad, 1987.

Bulatova N., Grenoble L. *Evenki*. München, 1999. (In Russ.)

Däbritz Ch. L., Gusev V., Stoyanova N. 2024. *INEL Evenki corpus. Version 2.0*. Publication date 2024-12-31. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>

Gorelova L. M. *Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke* [Category of aspect in Evenki]. Novosibirsk, 1979. (In Russ.)

Kazakevich O. A., Arkhangel'skiy T. A., Klyachko Ye. L. *Korpus rasskazov na evenkiyskom yazyke* [Corpus of stories in Evenki], 2023. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>; <http://gisly.net/corpus/> (In Russ.)

Kalinina Ye. Yu. *Nefinitnyye skazuyemyye v nezavisimom predlozhenii* [Non-finite predicates in matrix clauses]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Kiseleva Ks. L., Tatevosov S. G. Russkiy delimitativ: lineynyy poryadok ili dvizheniye k kul'minatsii? [Russian delimitative: linear order or movement to a culmination?]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2022»*. URL: <https://dialogue-conf.org/media/5791/tatevosovsgpluskisselevax1066.pdf> (In Russ.)

Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki. Phonetics. Morphology]. Moscow, 1964. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory Russian dictionary], 2000. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=pro&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=pro&mode=slovari&dicts[]=42) (In Russ.)

Lyutikova Ye. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskiy A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Mal'chukov A. L. Vremennoe znachenie evenskogo «aorista» i teoriya sintagmатического vzaimodeystviya kategoriy [Tense meaning of the Even “aorist” and the theory of syntagmatic interaction of categories]. // *IV Robbekovskiye chteniya: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [IV Robbek readings: materials of the international scientific-practical conference]. Yakutsk, 2022, 22–35. (In Russ.)

Morozova O. N. *Paradigmatika i sintagmatika zvukovykh sistem tungussskikh yazykov Verkhnego Priamur'ya (na materiale*

evenkiyskogo i orochoonskogo yazykov) [Paradigmatics and syntagmatics of sound systems in Tungus languages of the Upper Amur area (based on the data of Evenki and Orochon)]. Diss. na soisk. stepeni doktora filologicheskikh nauk. Blagoveshchensk, 2021. (In Russ.)

Morozova O. N., Rudnitskaya E. L. Aorist v evenkiyskom yazyke // *Malyye yazyki v bol'shoy lingvistike*. Vyp. 4. Pod red. I. A. Khomchenkovoy. Moskva, 2022, 222–240.

Nedjalkov I. *Evenki*. London; New York, 1997.

Oskol'skaya S. A. *Aspekt v nanayskom yazyke* [Aspect in Nainai]. Diss. kand. filol nauk. Saint-Petersburg, 2017. (In Russ.)

Paducheva E. V., Pentus M. Formal and informal semantics of telicity. *Theoretical and cross-linguistic approaches to the semantics of aspect*. Rothstein S. (ed.), Amsterdam, 2008: 291–315.

Plungyan V. A. Tipologicheskiye aspekty slavyanskoy aspektologii (nekotoryye dopolneniya k teme) [Typological aspects of Slavic aspectology (certain additions to the topic)]. *Scando-Slavica*, 2011, 57 (2): 290–310. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Shluinskiy A. B. Faktativ i smezhnyye kategorii: opyt tipologii [Factitive and adjacent categories]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*, 2012, VIII (2): 950–996. (In Russ.)

Shluinskiy A. B. Vidovaya sistema enetskogo yazyka na fone russkoy: k tipologii slovoklassifitsiruyushchego vida [The aspectual system of Enets against the Russian one: materials for the typology of word-classifying aspect]. *Voprosy yazykoznaniya*, 3, 2017: 24–52. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Glagol'nyye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and the typology of actionality]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of Tungus-Manchu languages]. Leningrad, 1949. (In Russ.)

Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungussko-go) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad, 1948. (In Russ.)

Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. *Vvedeniye v russkuyu aspek-tologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Морфологический каузатив в христианском урмийском: продуктивность и аргументная структура¹

Елена Евгеньевна Шведова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
shvedovalena98@gmail.com*

Статья посвящена морфологическому каузативу с префиксом *т-* в христианском урмийском (< северо-восточные новоарамейские). Исследование проведено на материале полевых данных, собранных у носителей из с. Урмия, г. Крымск и с. Верин-Двин, также использованы данные словаря и корпусов текстов. В статье описывается продуктивность рассматриваемой деривации и аргументная структура каузативных конструкций. Префикс *т-*, традиционно трактуемый как часть корня (III порода), анализируется как отдельный каузативный показатель.

Исследование показывает, что *т*-каузатив характеризуется более высокой реализованной продуктивностью по сравнению с другими средствами каузативизации. При этом данные эликации указывают на ограниченность его использования для образования новых лексем.

В рамках обсуждения аргументной структуры каузативной конструкции показано, что кодирование Каузируемого участника зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола. При каузативизации А-лабильные глаголы ведут себя как непереходные, для экспериенциальных Каузируемых используется предлог непрямого дополнения *ka*, а при каузативизации прототипических переходных глаголов Каузируемый занимает позицию косвенного дополнения (инструментальный предлог *bi*).

В статье впервые приводятся примеры, где в ряде случаев в урмийском возможно варьирование между «дательным» и «инст-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 24-28-01009 «Ареально-типологическое описание новоарамейских идиомов Армении».

рументальным» оформлением Каузируемого при каузативах от А-лабильных и экспериенциальных переходных глаголов. В таких случаях наблюдается типологически ожидаемый семантический контраст: инструментальный предлог *bi* используется в конструкциях, выражающих более дистантную каузацию, где Каузируемый обладает большей волитивностью и контролем, чем при помещении Каузируемого в позицию прямого или непрямого дополнения.

Ключевые слова: морфологический каузатив, северо-восточные новоарамейские языки, аргументная структура

Благодарности: Автор выражает искреннюю признательность ассирийцам с. Урмия, г. Крымск и с. Верин-Двин, без помощи которых исследование не было бы осуществимо.

Для цитирования: Шведова Е. Е. Морфологический каузатив в христианском урмийском: продуктивность и аргументная структура. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 122–168.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-122-168

The morphological causative in Christian Urmi: Productivity and argument structure

Elena Evgenevna Shvedova

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
shvedovalena98@gmail.com*

The present article focuses on the morphological causative marked by the prefix *m-* in Christian Urmi (< North-Eastern Neo-Aramaic). The study is based on field data collected from speakers in the village of Urmiya, the city of Krymsk, and the village of Verin Dvin. Dictionary data and text corpora were also used. The paper describes the productivity of this derivation and the argument structure of causative constructions. The prefix *m-*, traditionally interpreted as part of the root (pattern III), is analyzed here as a separate causative marker.

The study shows that the prefix *m-* displays higher realized productivity compared to other means of causativization. At the same time, elicitation data indicate limitations in its use for forming new lexical items.

In the discussion of argument structure in causative constructions, it is shown that the coding of the causee depends on the semantic and syntactic class of the base verb, as was also described by Khan (2016) for Urmi spoken in Iran. In causativization, A-labile verbs behave like intransitives; experiencer causees are introduced by the dative preposition *ka*, while causativized prototypical transitive verbs assign the causee the position of an oblique object (preposition *bi*). Additionally, it has been discovered that Urmi also allows variation between dative and instrumental coding of the causee in causatives derived from A-labile and transitive experiencer verbs. A typologically expected contrast is observed: the instrumental preposition *bi* occurs in constructions where the causee exhibits more volitionality and control than in constructions where the causee appears in direct or indirect object position.

Keywords: morphological causative, Christian Urmi, North-Eastern Neo-Aramaic, argument structure

For citation: Shvedova E. E. The morphological causative in Christian Urmi: Productivity and argument structure. *Rodnoy Yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 122–168.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-122-168

1. Введение

Настоящая статья посвящена каузативной деривации в христианском урмийском идиоме (одном из северо-восточных новоарамейских языков² семитской семьи), выражаемой формой с начальным согласным *m*-, как в примере (1).

- (1) a. *bet-u* *kəd-lə*
 дом(М)-Р.3М гореть.PST-LS.3М
 ‘Его дом сгорел’.
- b. *dəʒmən-n-u* *m-ukəd-lun* *bet-u*
 враг(М).PL-Р.3М CAUS-гореть.PST-LS.3PL дом(М)-Р.3М
 ‘Враги сожгли его дом’.

² На христианских северо-восточных новоарамейских языках говорят представители этнической группы ассирийцев, поэтому для названия этих языков может использоваться зонтичный термин *ассирийский язык*, объединяющий разные идиомы и диалекты.

В грамматике урмийского [Khan 2016a] глаголы с начальным *m*- относятся к так называемой III породе (см. раздел 3.1 ниже), а *m*- рассматривается как часть корня. Целью настоящей статьи является более детальное описание этих форм на материале урмийских идиомов, на которых говорят носители, живущие в России и Армении. В частности, ставятся следующие исследовательские вопросы:

- насколько релевантно для описания урмийской глагольной морфологии использование традиционного термина «породы»,
- возможно ли альтернативное описание форм с начальным *m*-,
- как в урмийских идиомах России и Армении оформляются аргументы в каузативной конструкции, соотносятся ли это с описанием иранского урмийского [Khan 2016a],
- если существует вариативность в оформлении аргументов каузативного глагола, то какая семантика стоит за каждым из вариантов,
- как урмийские данные соотносятся с типологическими обобщениями.

Исследование основано на данных, собранных автором с помощью метода элицитации в 2023–2025 гг. в рамках полевых экспедиций в с. Урмия, г. Крымск (Краснодарский край) и с. Верин-Двин (Армения). Для опроса носителей урмийского была составлена анкета для проверки возможности образования каузативов от глаголов разных семантико-синтаксических классов и изучения их аргументной структуры. Также в статье используются материалы словаря [Khan 2016c], полевого корпуса устных текстов [Ovsjannikova et al. 2022] и корпуса литературного урмийского [Christian Urmi Corpus]. В примерах, приводимых из полевого корпуса [Ovsjannikova et al. 2022], после перевода в скобках указывается название текста в корпусе. Примеры, в которых источник в скобках не указан, получены в ходе элицитации. В статье используется транскрипция и глоссы, разработанные петербургско-московской группой по изучению северо-

восточных новоарамейских языков³. Знаком «+» перед словом обозначается особая супraseгментная эмфаза (фарингализация) вслед за [Khan 2016a: 50].

Статья организована следующим образом. В разделе 2 дается определение прототипической каузативной конструкции. Раздел 3 содержит описание глагольной системы урмийского (3.1), аргументы в пользу анализа *m*- как отдельной словообразовательной морфемы (3.2), сравнение с другими способами выражения каузативной семантики (3.3), обсуждение продуктивности морфологического каузатива (3.4) и ограничений на его образование (3.5). Раздел 4 посвящен оформлению аргументов каузативных дериватов от глаголов разных классов. В разделе 5 рассматриваются семантические контрасты между различными аргументными рамками в сравнении с типологическими ожиданиями. В разделе 6 приводятся основные выводы исследования.

2. Определение прототипического каузатива

Традиционно каузативная деривация определяется как добавление в ситуацию **нового участника** с семантической ролью Агенса, который занимает приоритетную синтаксическую позицию в предложении [Dixon 2000: 30; Zúñiga, Kittilä 2019: 15]. В ряде работ каузативизация трактуется как добавление не столько нового участника, сколько целого каузирующего **подсобытия** [Недялков, Сильницкий 1969: 6; Shibatani 1976: 1; Pylkkänen 2008: 83]. Одним из важных аргументов в пользу второго определения является то, что при каузативизации обычно меняется не только аргументная структура, но и акциональные характеристики глагола [Татевосов 2015: 254]. В литературе также распространен подход к определению каузативной деривации в терминах **прототипа**. Согласно [Dixon, Aikhenvald 2000: 13; Лютикова и др. 2006: 53] прототипический каузативный дериват должен обладать свойствами, перечисленными в (2). Пери-

³ Отличие этой транскрипции от [Khan 2016a] изложено в [Zabelina et al. 2022].

ферийные случаи должны обладать хотя бы некоторыми из этих свойств.

(2) Свойства каузатива

На уровне семантики:

- добавление Агенса;
- Каузируемый теряет часть агентивных свойств (если они были);

на уровне морфологии:

- есть формальный показатель деривации;

на уровне синтаксиса:

- образование переходной предикации из непереходной;
- Агенси кодируется как синтаксически приоритетная ИГ;
- Каузируемый кодируется как синтаксически неприоритетная ИГ.

Подход в терминах прототипа позволяет охватить большой диапазон значений, регулярно выражаемых каузативной конструкцией в разных языках. Например, от эмотивных предикатов в языках мира с помощью каузативной морфологии обычно образуются такие дериваты, в которых происходит не добавление нового участника или подсобытия, а смена перспективы говорящего, ср. пример (3) из христианского урмийского, а также обсуждение похожих примеров из карачаево-балкарского в [Лютикова и др. 2006: 51], из калмыцкого в [Сай 2009: 422–432] и типологические наблюдения в [Creissels 2024: 538–540].

- (3) a. *Atur crəb-la +al Nineviya*
 Атур злиться.PST-LS.3M на Ниневия
 ‘Атур разозлился на Ниневию’.
- b. *Nineviya m-ucrəb-la ka Atur*
 Ниневия CAUS-злиться.PST-LS.3F к Атур
 ‘Ниневия разозлила Атура’.

Непрототипические значения обычно ограничены узкими лексическими группами глаголов и возможны не во всех языках. В настоящей работе мы сосредоточимся на прототипических употреблениях урмийского каузатива: пример

(1) иллюстрирует, что морфема *m-* может употребляться в конструкциях, полностью соответствующих прототипу (2).

3. Образование морфологического каузатива в урмийском

Как было сказано выше, в грамматике [Khan 2016a] глаголы с начальным *m-* относятся к III породе, а *m-* анализируется как часть корня. Мы полагаем, что семантические и морфологические особенности глаголов III породы позволяют анализировать *m-* как отдельную продуктивную словообразовательную морфему, выражающую каузативное значение. Ниже приводится аргументация этой точки зрения.

3.1. Глагольная система христианского урмийского

Согласно наиболее распространенному в семитологической литературе подходу, в системах, подобных урмийской, лексические и видовременные значения глагола выражаются **прерывистыми морфемами**. Корень глагола состоит из двух, трех или четырех **согласных**. Видовременные значения выражаются с помощью так называемых **моделей**, или **трансфиксов** в терминологии [Мельчук 1963], состоящих из наборов гласных, которые вставляются между согласными корня⁴. Иногда модель также может включать дополнительные согласные и операции над согласными корня. Например, в урмийском корень *p-t-x* значит 'открывать', модель $C_1aC_2əC_3$ (где *C* — согласные корня) используется для образования основы презенса, $C_1C_2iC_3$ — для основы претерита, а $bəC_1C_2aC_3a$ — для основы прогрессива. Следовательно, основа презенса этого глагола звучит как *patax*, претерита — *ptix*, а прогрессива — *bəptaxa*. Лично-числовое согласование кодируется аффиксально.

⁴ Нелинейная морфология не отражается в принятой нами системе глоссирования, основы глагола глоссируются целиком, лексическое и грамматическое значение перечисляются через точку в одной морфеме.

Кроме того, в грамматике урмийского [Khan 2016a: 260–264] выделяется пять глагольных «**пород**», которые по новоарамеистической традиции обозначаются римскими цифрами: I, II, III, QI и QII. С одной стороны, от породы зависит, как выглядят видовременные основы глагола, т. е. породу можно определить как **набор видовременных трансфиксов**, ср. формы глаголов разных пород в Таблице 1 ниже. С другой стороны, некоторые глагольные корни могут иметь формы в разных породах. В таких случаях породы ассоциированы с определенной семантикой. I порода является базовой и не специфицирована по значению, а формы во II и III породах, как правило, являются каузативами от глаголов I породы, то есть эти породы отвечают за кодирование **актантной деривации**. Однако значительная часть глаголов может употребляться только в одной из пород — в таких случаях II или III породу нельзя считать производными. Подробнее продуктивность пород мы обсудим в разделе 3.4. Порода QI (от англ. *quadriliteral*) выделяется исключительно на формальных основаниях — к ней относятся глаголы, имеющие четыре согласных в корне. В грамматике [Khan 2016a: 263] утверждается, что эти глаголы также можно каузативизировать с помощью добавления *m*. Для описания таких каузативов Дж. Кхан выделяет породу QII, ср. *gargəš* QI ‘тащить’ — *mgargəš* QII ‘заставлять тащить’. В словаре [Khan 2016c] зафиксировано всего 22 глагола породы QII, а в грамматике отмечается, что четырехконсонантные глаголы чаще бывают лабильными, чем образуют морфологический каузатив [Khan 2016a: 454]. Носители, с которыми мы работали, не подтвердили возможность каузативизировать четырехсогласные глаголы с помощью префикса *m*-, поэтому далее мы не рассматриваем QII породу, предполагая, что ее не существует в идиомах, с которыми мы работали.

Таблица 1. Фрагмент парадигмы спряжения глаголов разных пород*

Порода	I (базовая)	II (каузатив)	III (каузатив)	QI (4 согласных)
Корень	<i>d-m-x</i> 'спать'	<i>b-s-m</i> 'лечить'	<i>m-d-m-x</i> 'усыплять'	<i>c-n-d-r</i> 'катить'
Прогрессив	<i>bədməxə</i>	<i>basumə</i>	<i>madmıxə</i>	<i>candurə</i>
Претерит-ЗМ	<i>dməx-lə</i>	<i>busəm-lə</i>	<i>mıdməx-lə</i>	<i>cundər-rə</i>

*Полужирным выделены модели, выражающие видовременные значения.

Можно заметить, что в приведенных в Таблице 1 формах наборы вставляемых гласных совпадают во всех породах, кроме I породы. Это касается и других видовременных основ, поэтому на морфологических основаниях в урмийском выделяются только **два глагольных класса**, ср. схожие замечания в других описаниях урмийского [Nöldeke 1868: 207; Церетели 1964: 52; Murre-van den Berg 1999: 202]. В Таблице 2 приведены модели образования форм глаголов двух классов. Нижним подчеркиванием обозначены слоты для корневых согласных, а знаком Ø — отсутствие гласного между двумя согласными.

Таблица 2. Два класса спряжения глагола в христианском урмийском

Морфологический класс	1	2		
Порода по [Khan 2016a]	I	II	III	QI
Корень	C ₁ -C ₂ -C ₃	C ₁ -C ₂ -C ₃ (-C ₄)		
Презенс	_a_ə_			
Претерит	_ø_i_	_u_ə_		
Результатив	_ø_i_a	_u_ø(ə)_a		
Императив	_ø_u_	_a_ə_		

Инфинитив	_ø_a_a	_a_u_ə
Прогрессив	bə_ø_a_a	
Номинализация	_ø_a_ta	_a_a_ta
Активное причастие	_a_ø(_ə)_ana	

Распределение согласных между слотами в классе 2 может быть описано как автоматический процесс. В шаблоне во всех формах есть только три слота для согласных. Если в корне четыре согласных, как в глаголах пород III и QI, то второй и третий согласный образуют кластер, который помещается во второй слот [Khan 2016a: 262–263]. В формах результата и активного причастия в классе 2 между вторым и третьим согласными нет гласного (ø), поэтому в формах III и QI пород образуется кластер из трех согласных. Это приводит к появлению вставного гласного /ə/ и автоматическому удвоению третьего согласного, так как гласный /ə/ возможен только в закрытом слоге, см. (4).

(4) Пример распределения согласных в классе 2 в форме результата

	_u_ø(_ə)_a	Пример
Порода II	C ₁ uC ₂ C ₃ a	<i>busma</i>
Порода III	muC ₁ C ₂ əC ₃ C ₃ a	<i>mutmæxxa</i>
Порода QI	C ₁ uC ₂ C ₃ əC ₄ C ₄ a	<i>jurjəšša</i>

Таким образом, если руководствоваться только морфологическим критерием, то в урмийском выделяется два типа спряжения глаголов. При этом по модели класса 1 могут спрягаться только трехсогласные глаголы, тогда как с шаблонами класса 2 могут сочетаться как трех-, так и четырехсогласные корни. Следовательно, спряжение глаголов II, III и QI пород можно описать с помощью одного набора видо-временных моделей из гласных и слотов для согласных. В III породе слот первого согласного во всех формах занимает *m-*,

далее мы обратимся к обсуждению возможных подходов к анализу этого согласного.

3.2. Морфологический каузатив

При образовании видовременных основ в III породе *m*- ведет себя как первый согласный корня, т. е. занимает первый консонантный слот в шаблоне, а следующие два согласных образуют кластер и занимают второй слот, см. пример (4) выше. Дж. Кхан [Khan 2016a: 262], ссылаясь на работы Г. Гольденберга [Goldenberg 2013: 127], описывает *m*- как некий «аугмент» корня и в конечном счете анализирует его как часть корня, ср. пример (5).

- (5) Описание *m*- как корневого согласного в грамматике [Khan 2016a: 263]

Pattern I	root: <i>b-r-z</i>	‘to dry’
Pattern III	root: <i>m-br-z</i>	‘to cause to dry’

Несмотря на это, в других местах грамматики глаголы III породы описываются как «морфологический каузатив» [Khan 2016a: 411]. Однако если считать, что добавление *m*- в III породе меняет корень глагола, то точнее было бы называть такие глаголы лексическим каузативом. Представляется более экономным для синхронного описания анализировать *m*- как **отдельную словообразовательную морфему**, выражающую каузативную семантику. При присоединении этой морфемы глагол начинает спрягаться по модели класса 2, так как шаблоны класса 1 не могут сочетаться с четырьмя согласными.

Такое описание урмийской системы, во-первых, позволяет учесть формальное тождество основ II, III и QI пород, которое никак не отражается в модели Дж. Кхана. Во-вторых, как будет показано далее в разделе 3.4, большинство глаголов III породы имеют однокоренные корреляты в I породе и могут считаться морфологически и семантически производными. Добавление к глаголу согласного *m*- можно описать как каузативную деривацию, семантика и синтаксис которой соответствуют, в частности, типологическим обобщениям. В-третьих, в системе Дж. Кхана для некото-

рых глаголов невозможно определить, относятся ли они к породе III или QI, не прибегая к их этимологии — это глаголы, начинающиеся с *m-* и не имеющие коррелятов в I породе. Такие глаголы являются непроизводными, и их нельзя описать как каузативы, поэтому логично предположить, что все такие глаголы будут относиться к QI породе. Однако в словаре [Khan 2016c] часть таких глаголов отнесена к QI породе, а часть к III породе. Семантические основания для такого разделения не всегда ясны. В-четвертых, как упоминалось в разделе 3.1, в некоторых разновидностях урмийского зафиксирована возможность добавления *m-* к четырехконсонантным глаголам. Образованные таким образом каузативные глаголы Дж. Хан относит к отдельной породе QII. В нашем описании такие случаи могут быть описаны как прибавление морфемы *m-* к непроизводным глаголам класса 2.

Таким образом, Дж. Хан выделяет в христианском урмийском пять пород на смешанных — формальных, семантических и этимологических — основаниях. Мы полагаем, что с синхронной точки зрения такое описание избыточно, а традиционный термин «порода» не требуется с необходимостью для описания урмийской системы. В отличие от описания в грамматике [Khan 2016a], в нашей модели вместо пяти пород выделяется два морфологических класса. Информация о принадлежности глагола к тому или иному классу содержится в лексиконе. При этом отнесение непроизводных глаголов к одному из двух классов не мотивировано или слабо мотивировано семантикой⁵, поэтому можно сказать, что два класса урмийских глаголов — это словоизменительные типы [Плунгян 2003: 54], также называемые *inflectional classes* [Lieber 2009: 104], *global inflection classes* [Haspelmath 2002: 121] или *conjugation patterns* [Paster 2016: 96]. Также мы выделяем в урмийском отдельный словообразовательный префикс *m-*. Все образованные с помощью этого префикса глаголы относятся к классу 2.

⁵ В рамках этой статьи рассматривается только *m*-каузатив, поэтому мы не будем подробно описывать семантику других пород.

3.3. Другие средства каузативизации

Обобщим, как в урмийском может выражаться прототипическая каузативная семантика (прототипические свойства каузатива были рассмотрены в (2) выше). В Таблице 3 перечисляются основные способы кодирования отношений в каузативных парах глаголов с примерами глаголов на каждый способ (аналитические конструкции не рассматриваются).

Таблица 3. Формальные средства кодирования каузативной оппозиции в урмийском*

Кодирование оппозиции	[Khan 2016a]	Некаузативный глагол	Морфологические изменения	Каузативный глагол
Направленные оппозиции				
Каузативная морфема	III по-рода	<i>brəz-lə</i> 'сохнуть' (класс 1)	+ <i>m-</i> 'CAUS'	<i>m-ubrəz-lə</i> 'сушить' (класс 2)
Ненаправленные оппозиции				
Парадигматическая оппозиция	II по-рода	<i>bšəl-lə</i> 'вариться' (класс 1)	класс 1 → 2	<i>bušəl-lə</i> 'варить' (класс 2)
Супплетивная оппозиция		<i>mət-lə</i> 'умирать' (класс 1)	Другой корень	<i>+kʰəl-lə</i> 'убивать' (класс 1)
Лабильный глагол		<i>ptəx-lə</i> 'открываться' (класс 1)	—	<i>ptəx-lə</i> 'открывать' (класс 1)

*Полужирным выделены каузативные показатели. Глаголы приводятся в форме PST-LS.3М.

Вслед за [Недялков, Сильницкий 1969] мы различаем направленные и ненаправленные формальные оппозиции. В направленных оппозициях один из глаголов формально образован от другого (в случае урмийского с помощью каузативной морфемы). В ненаправленных оппозициях «трактовка того или иного члена как производящего или как производного не является формально очевидной» [Недялков,

Сильницкий 1969: 21]. В урмийском к таким оппозициям мы относим каузатив «II породы», который в нашей системе описывается как морфологическая операция перехода глагола из одного словоизменительного класса в другой (при этом формально класс 2 не является производным от класса 1), а также супплетивные и лабильные глаголы. Отметим, что в урмийском значительная часть глаголов (в словаре нами найдено минимум 159 таких лексем) являются Р-лабильными и могут употребляться и в переходной, и в непереходной конструкциях без изменения морфологической формы, как в примере (6).

- (6) a. *beta* *tləx-lə*
 дом(м) разрушать(ся).PST-LS.3M
 'Дом разрушился'.
 b. *ginavə* *tləx-le* *beta*
 грабители разрушать(ся).PST-LS.3PL дом(м)
 'Грабители разрушили дом'.

Таким образом, прототипическая каузативная семантика в урмийском может выражаться не только с помощью префикса *m-*, но также операцией изменения парадигмы глагола (переход в класс 2) или не иметь морфологического выражения, как в случае с супплетивными и лабильными глаголами. Подробнее о дистрибуции этих средств каузативизации см. [Khan 2015; Шведова 2024a]. Далее мы будем рассматривать только морфологический каузатив с префиксом *m-*, в частности обратимся к обсуждению продуктивности этой деривации.

3.4. Продуктивность морфологического каузатива

3.4.1. Реализованная продуктивность

Согласно [Баауен 2009: 901], одной из мер продуктивности морфологических показателей является реализованная продуктивность (*realized productivity*). Под этим понимается зафиксированное в определенном корпусе количество лексем, образованных по изучаемой морфологической модели (*type frequency*), причем в качестве корпуса могут высту-

пать не только собрания текстов, но и словари [Dal, Namer 2016: 74]. Для исследования реализованной продуктивности морфологического каузатива в урмийском мы создали электронный глагольный словарь [Шведова 2024b], в основу которого легли данные из словаря [Khan 2016c]. Всего в словаре Дж. Кхана было найдено 1797 глаголов. Для каждого из этих глаголов в электронном словаре указаны корень, порода, значения, (не)переходность, примеры и наличие коррелятов в других породах. В словаре [Khan 2016c] не указываются консонантный корень и межпородные связи глаголов, поэтому эта информация была добавлена нами вручную.

По нашим подсчетам, количество глаголов в двух морфологических классах в урмийском практически равно: в словаре зафиксировано 954 глагола, спрягающихся по модели класса 1, и 843 глагола класса 2. Результаты распределения глаголов по пяти породам, выделяемым в традиционном описании, представлены на диаграмме на Рисунке 1. Отдельно (светло-серым) выделены сложные глаголы, которые состоят из легкого глагола и именной части, такие как *šakəl napas* ‘дышать’, букв. ‘брать воздух’, *garəš tuttun* ‘курить’, букв. ‘тянуть табак’.

Рис. 1. Реализованная продуктивность урмийских глагольных пород (по словарю)

Если рассматривать урмийскую систему как состоящую из пяти пород, то большинство урмийских глаголов относятся к не специфицированным по значению I породе (954 глагола) и QI породе (395 глаголов). В I породе встречается сопоставимое число простых (524) и сложных (430) глаголов. Широкое распространение сложных глаголов является ареальной чертой [Khan 2016a: 457] и, вероятно, отражает влияние соседних языков на урмийский. Кроме того, такие конструкции являются основным способом адаптации заимствованных глаголов к урмийской морфологии, ср. пример (7) из корпуса.

(7) *vəd-lan* звонить
 делать.PST-LS.1PL
 ‘Мы позвонили’. (Grabiteli Urmija)

Число глаголов, у которых есть формы в III породе, в 2,5 раза превышает число глаголов во II породе. Как упоминалось выше, семантика II и III пород различается в зависимости от того, имеет ли глагол формы в I породе. Из описания в грамматике неясно, какой процент глаголов II и III пород можно описать как каузативы, производные от глаголов I породы. На Рисунке 2 показано, сколько из зафиксированных в словаре [Khan 2016с] глаголов каждой из пород по нашим подсчетам имеют формы в других породах⁶.

6 Для подсчетов деривационного потенциала мы исключили 22 глагола QII породы и 471 сложный глагол, так как деривационные связи сложных глаголов устроены по-другому и выходят за рамки исследования системы пород.

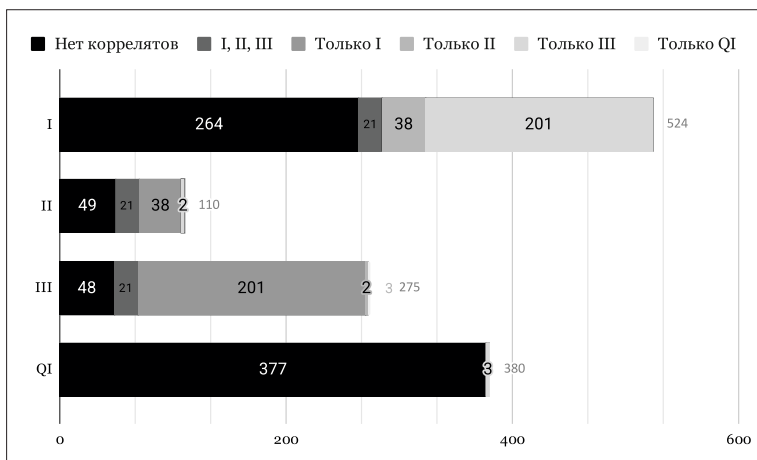

Рис. 2. Наличие коррелятов в других породах у глаголов разных пород

Корреляты в I породе зафиксированы у 81 % (222 из 275) глаголов III породы. Из 222 производных глаголов III породы почти все (196 глаголов) удовлетворяют одному или нескольким свойствам прототипа каузатива (2), что можно считать аргументом в пользу нашей трактовки *m-* как отдельной словообразовательной морфемы. В 26 примерах связь между глаголами I и III пород менее очевидна, ср. пример (8).

- (8) *+pšəṭ-lə* I 'to stretch out' (intr. and tr.)
+mupšəṭ-lə III 'to see off, to guide' [Khan 2016a: 423]

Таким образом, большинство глаголов, которые спрягаются по модели класса 2 и имеют начальный *m-*, имеют однокоренные корреляты в классе 1 и могут быть описаны как каузативные производные глаголы. Семантика непродуцированных глаголов «III породы» требует отдельного изучения, на данный момент мы предлагаем не выделять в таких глаголах префикс *m-* и считать, что это морфологически и семантически непродуцированные глаголы, которые имеют четыре корневых согласных и поэтому спрягаются по модели класса 2.

Выше мы также предполагали, что с синхронной точки зрения нет оснований выделять II породу как отдельный подкласс глаголов. Данные о продуктивности пород можно рассматривать как аргумент в пользу нашей гипотезы. Корреляты в I породе есть у 54 % (59 из 110) глаголов II породы, однако только 36 глаголов II породы удовлетворяют хотя бы одному из свойств каузативного прототипа (2). Для оставшихся 23 корней сложно сформулировать отношения, которые связывают I и II породу — эти формы либо синонимичны, либо значение II породы лексикализировано. Следовательно, большинство глаголов II породы — это трехконсонантные глаголы, которым в лексиконе приписывается спряжение по модели класса 2. Для небольшого числа глаголов (36 глаголов в словаре) каузативизация выражается парадигматически — переходом из класса 1 в класс 2.

3.4.2. Возможность образования новых лексем

Другой мерой продуктивности является возможность показателя использоваться для образования новых глаголов — *expanding productivity* в терминах [Baayen 2009: 901]. Обычно для ее измерения требуется анализ большого корпуса текстов. Сравнивается количество единичных употреблений или гапаксов (*hapax legomena*) каждой из исследуемых моделей, ср. измерения в [Arkadiev, Pakerys 2015: 67] для литовских каузативных показателей. Считается, что число гапаксов коррелирует с продуктивностью, так как в больших корпусах гапаксами часто являются неологизмы и заимствования. Корпус полевых текстов на северо-восточных новоарамейских языках [Ovsjannikova et al. 2022] насчитывает всего около 35000 слов. В Таблице 4 мы приводим частотность глаголов II и III пород в этом корпусе. В нем встретилось 76 лексем III породы, 24 из которых употреблены один раз. Из-за маленького размера корпуса мы не можем с уверенностью утверждать, что это свидетельствует о продуктивности этой деривации, хотя отметим, что гапаксов во II породе (18 %) встретилось меньше, чем в III породе (32 %).

Таблица 4. Частотность двух каузативных пород по корпусу

Порода	Лексемы (<i>type frequency</i>)	Употребления (<i>token frequency</i>)	Гапаксы	% гапаксов
II	45	872	8	18 %
III	76	589	24	32 %

Отметим, что реализованная продуктивность (количество образованных лексем) у III породы выше, чем у II породы и по данным словаря, и по данным корпуса. При этом число употреблений конкретных форм (*token frequency*) в корпусе больше у II породы, что также косвенно подтверждает ее меньшую регулярность и продуктивность. Как отмечается в [Баауен 2009: 904], продуктивные категории характеризуются наличием большого количества низкочастотных форм, в то время как непродуктивные категории, как правило, содержат много высокочастотных нерегулярных форм.

Для адаптации заимствований, как мы упоминали выше, в урмийском обычно используются модели с легкими глаголами, такими как ‘быть’ или ‘делать’. В ходе элицитации мы предлагали нескольким носителям попробовать адаптировать русские глаголы к урмийской морфологии — например, попробовать проспрягать по-урмийски такие глаголы как *жарить* или *лайкать*. Все опрошенные использовали конструкции с легкими глаголами и не одобряли другие варианты. Можно предположить, что ни один из морфологических классов в урмийском не используется для адаптации заимствований, однако для более уверенных утверждений в будущем требуется также проверить, как адаптируются заимствования из языков помимо русского — например, из армянского.

Отметим также, что иногда носители могут образовать от урмийских глаголов *m*-дериват, даже если до этого ни разу не употребляли такой каузативный глагол. Например, оба предложения в (9) были предложены самим носителем

в качестве переводов соответствующих русских стимулов. При этом предложение (9b) сопровождалось следующим комментарием: «Я сам не слышал, чтобы кто-то хоть раз при мне так говорил, но думаю, что так надо сказать. И если я такое услышу, то определенно пойму».

- (9) a. *yala* *sura* +*ğər-rə*
 мальчик(М) маленький писать.PST-LS.3М
 ‘Ребенок пописал’.
- b. *baba* +*m-uğğər-rə* *ka* *brun-u*
 отец(М) CAUS-писать.PST-LS.3М к сын(М)-P.3М
 ‘Папа помог сыну пописать’.

3.5. Ограничения на образование морфологического каузатива

Несмотря на то что *m-* является довольно продуктивным средством каузативизации, нельзя сказать, что от любого глагола в урмийском можно образовать каузатив с помощью префикса *m-*. Такой каузатив может образовываться от пациентивных и агентивных **непереходных** глаголов и от **переходных** глаголов, но не образуется от **дитранзитивных** предикатов, таких как *yavvel* ‘давать’, *hakə* ‘рассказывать’, *atər* ‘говорить’ [Khan 2016a: 522]. Также невозможно **рекурсивное** употребление каузативного показателя *m-*.

Методом опроса носителей мы проверили возможность образования *m*-каузатива от глаголов, входящих в 200-словный список базовой лексики. Было проверено 44 лексемы. От большинства из них (38 лексем) носители одобрили формы морфологического каузатива. Помимо дитранзитивных глаголов, не допускают прибавление префикса *m-* следующие глаголы из списка: *parəx* ‘дуть’, *azəl* / *xəš-lə* ‘идти’ (супплетивные корни для разных видовременных форм), *raɣək* ‘плевать’, *atə* ‘приходить’ (ср. глагол *tauuə* ‘приносить’, который соотносится с этим глаголом диахронически, но не синхронно), *avəd* ‘делать’. Интересно, что в идиомах, с которыми работал Дж. Кхан, каузатив *m-avvəd* ‘заставлять делать’ существует и, более того, используется в аналитических каузативных конструкциях, как в примере (10).

- (10) *bət-m-avvədd-ən* +*šar-ət*
 FUT-CAUS-делать.PRS-SS.1M начинать.PRS-SS.2M
 ‘Я заставлю тебя начать’. [Khan 2016a: 427]

Носители урмийского, с которыми мы работали в России и в Армении, отрицают существование как формы *m-avvəd*, так и перифрастической конструкции с ней. По нашим наблюдениям, в этих идиомах в целом не существует какой-то грамматикализованной аналитической каузативной конструкции или глагола со значением ‘заставлять’, обычно эта семантика передается описательно с помощью нескольких клауз, см. подробнее далее в разделе 4.3.1. Отдельные конструкции выражают пермиссивную семантику, ср. примеры (11)–(12), при этом пермиссивная интерпретация морфологического каузатива, судя по нашим данным, невозможна.

- (11) *lel* *bəšvaka* *ana* +*ṭamm-ən-nə*
 NEG.3M оставить.PROG я пробовать.PRS-SS.1M-LS.3M
 ‘[Это что за змея такая, что] он не разрешает мне ее попробовать’. (Skazka_pro_zlatovlasku)

- (12) *xuš* *peš-a* *hal*
 пусть оставаться.PRS-SS.3F до
ana *at-ən*
 я приходить.PRS-SS.1M
mən *saldaduyta*
 из армия(F)
 ‘Пусть она остается, пока я не приду из армии’.
 (Skazka_o_zhene_princa_i_ee_zlykh_sestrax)

4. Оформление аргументов в урмийской каузативной конструкции

Одной из широко обсуждавшихся в литературе проблем является оформление аргументов в каузативной конструкции. Обычно Каузатор занимает приоритетную синтаксическую позицию, а в выборе синтаксических позиций и средств кодирования остальных аргументов наблюдает-

ся как межъязыковое, так и внутриязыковое варьирование. На выбор способов оформления участников каузативного глагола влияют синтаксические и семантические факторы. Например, согласно [Comrie 1976], в некоторых языках Каузируемый занимает самую высокую незанятую синтаксическую позицию в иерархии синтаксических отношений (13).

(13) Подлежащее > Прямое дополнение >
Непрямое дополнение > Косвенное дополнение

Кроме того, Б. Комри упоминает, что для более точного описания языковых фактов важно учитывать семантические факторы. Гипотеза о решающей роли семантики каузативной ситуации развивается в [Kemmer, Verhagen 1994]. Выбор одного из трех распространенных в языках способов кодирования Каузируемого, перечисленных в (14), определяется не синтаксисом, а степенью контроля и вовлеченности Каузируемого участника в ситуацию.

(14) Инструменталис > Датив > Аккузатив⁷

Предполагается, что аккузативное маркирование используется для неавтономных участников с низким контролем, которые подвергаются сильному воздействию Каузатора. Автономные участники, которые обладают контролем и менее вовлечены в ситуацию, скорее будут кодироваться так же, как Инструмент в некаузативных конструкциях.

4.1. Способы кодирования аргументов глагола в урмийском

В урмийском у имен отсутствует морфологический падеж, для кодирования предикатно-аргументных отношений используются предлоги и вершинное маркирование на глаголе. Для описания позиций аргументов в грамматике [Khan 2016a] используются такие синтаксические термины, как подлежащее (*subject*), прямое дополнение (*direct object*)

⁷ Тут и далее эти термины используются в качестве ярлыков для средств кодирования участников в некаузативных конструкциях с семантическими ролями Инструмента, Реципиента и Пациенса соответственно (например, падежей или предлогов).

и т. д., однако синтаксические признаки этих позиций нигде не обсуждаются, упоминаются только используемые в этих позициях предлоги, согласование с глаголом и семантические роли аргументов. Можно заключить, что в грамматике перечисленные синтаксические позиции отождествляются с моделями управления определенных глаголов, а отдельное исследование синтаксических признаков этих позиций не проводилось. В настоящем исследовании мы вслед за автором грамматики продолжаем пользоваться этими терминами, имея в виду, что такое отождествление синтаксических позиций и способов маркирования семантических ролей в дальнейшем может быть пересмотрено. В Таблице 5 суммируется информация об основных синтаксических позициях в урмийском, которые в следующих разделах будут использоваться для описания аргументов в каузативной конструкции.

Таблица 5. Характеристики основных аргументных позиций в урмийском

Синтаксическая позиция	Семантическая роль	Зависимостное маркирование	Вершинное маркирование
Подлежащее (<i>subject</i>)	Агенс (в переходной конструкции)	Без предлога	Обязательное
Прямое дополнение (<i>direct object</i>)	Пациенс (в переходной конструкции)	Факультативно: предлог <i>ka</i>	Факультативное
Непрямое дополнение (<i>indirect object</i>)	Реципиент, Бенефактив, Адресат	Предлог <i>ka</i>	—
Косвенное дополнение (<i>oblique object</i>)	Инструмент, Агенс (в пассивной конструкции)	Предлог <i>bi</i> (алломорфы <i>b</i> , <i>p</i> , <i>biyu-</i>)	—

Субъектное согласование глагола в урмийском обязательно, а объект факультативно индексируется на глаголе,

ср. примеры (15) и (16). Возможно также дифференцированное зависимостное маркирование объекта с помощью предлога *ka* (17). Подробнее о кодировании прямого дополнения см. [Шувалова 2023; Сай 2020: 662–667].

(15) Прямое дополнение, индексация на глаголе

<i>+avvo</i>	<i>gutta</i>	<i>bədvak-o=l</i>
DEM3.М	мяч(Ф)	схватить.PROG-P.3F=3М

‘Он ловит мяч’. (Skazka_pro_zlatovlasku)

(16) Прямое дополнение, нет маркирования

<i>yasur</i>	<i>tivə=əna</i>
ребенок(М).PL	сидеть.RES.PL=3PL
<i>niunə</i>	<i>bədvak=əna</i>
рыба(Ф).PL	схватить.PROG=3PL

‘Дети сидят, рыбу ловят’. (Zolotoe_kolco)

(17) Прямое дополнение, маркирование предлогом

<i>malca</i>	<i>laxxa</i>	<i>ka</i>	<i>Yosəp</i>	<i>bədvak=əl</i>
царь(М)	здесь	к	Йосип(М)	схватить.PROG=3М

‘Тут царь ловит Йосипа’. (Skazka_pro_zlatovlasku)

Кроме того, в урмийском предлог *ka* используется для маркирования участников с ролью Реципиента (18a), Адресата и Бенефактива (18b). В грамматике [Khan 2016a: 390, 414; 2016b: 261] позиция аргументов с этими семантическими ролями выделяется как отдельная позиция непрямого дополнения. По-видимому, основанием различать не прямое и косвенное дополнение является возможность выражения первого с помощью местоименных глагольных суффиксов, ср. (19), тогда как косвенное дополнение всегда требует предлога.

(18) Непрямое дополнение

a. <i>ka</i>	<i>d-annə</i>	<i>yatuymə</i>	<i>+avva</i>
к	OBL-DEM1.PL	сирота(М).PL	DEM2.М
<i>upra</i>	<i>yavv-ax-xə</i>		
земля(М)	дать.PRS-SS.1PL-LS.3М		

‘Отдадим этим сиротам эту землю’. (Assirijcy)

b. <i>+xarta</i>	<i>telefon</i>	<i>vəd-lə</i>
потом		делать.PST-LS.3М

ka *+alm=ət* *laħħa*
 к люди(М)=REL здесь
 ‘Потом он сделал телефон для местных людей’.
 (Rabe_Inviyya_i_Urmiya)

- (19) *udyu=da* *ħa* *pəlxana*
 сегодня=ADD один работа(М)
b-yavv-ən-nux
 FUT-давать.PRS-SS.1M-LS.2M
 ‘Сегодня я дам тебе еще одно задание’.
 (Skazka_pro_zlatovlasku)

Аргументы в позиции косвенного дополнения маркируются различными предлогами в зависимости от семантики, см. [Сай 2020]. Для описания каузативных конструкций будет актуально только маркирование с помощью предлога *bī*, который имеет множество функций (подробнее о функциях этого предлога см. [Монастырская 2023]), в частности используется для кодирования Инструмента (20) и Агенса в пассивной конструкции (21).

- (20) Косвенное дополнение (Инструмент)

bī *kesa* *partul=ətux*
 с дерево(М) поворачивать.PROG=2PL
a *+busra*
 DEM1.SG meat(М)
 ‘Вы палкой переворачиваете мясо’.
 (Son_pro_zarku_myasa)

- (21) Косвенное дополнение (Агенса в пассивной конструкции)

ka *tu* *pəš-li*
 к что остаться.PST-LS.1SG
+uldiyya *b* *Natan?*
 обмануть.RES.M с Натан
 ‘Почему я был обманут Натаном [твоим сыном]?’
 [Khan 2016b: 265]

В [Khan 2015; 2016a: 412—427] описывается четыре основных стратегии оформления аргументов в каузативной конструкции. Они приводятся в Таблице 6 вместе с указанием класса исходного некаузативного глагола.

Таблица 6. Кодирование аргументов при каузативизации разных классов глаголов

Класс исходного глагола	Каузатор	Каузируемый (исходное подлежащее)	Исходное прямое дополнение
непереходные	подлежащее	прямое дополнение	—
прототипические переходные		косвенное дополнение (предлог <i>bi</i>)	прямое дополнение
переходные экспериенциальные		непрямое дополнение (предлог <i>ka</i>)	прямое дополнение
А-лабильные		прямое дополнение	неядерная позиция

Ниже мы подробнее обсудим каждую из стратегий на материале идиомов, с которыми мы работали, приводя элицированные и корпусные примеры. Мы также перечислим основные глаголы, относящиеся к каждому из семантико-синтаксических классов. Приводимые списки глаголов не исчерпывающие, так как мы не проверяли все глаголы из словаря, тем не менее, данные про некоторые из глаголов впервые вводятся в научный оборот, так как в грамматике и корпусе текстов Дж. Кхана можно найти примеры только на ограниченное число глаголов.

4.2. Каузативизация непереходных глаголов

При каузативизации непереходных глаголов в урмийском Каузируемый смещается с позиции подлежащего в позицию прямого дополнения. Такое перекодирование аргументов типологически распространено и встречается в абсолютном большинстве языков мира, имеющих морфологический каузатив [Dixon 2000: 45; Creissels 2024: 529]. В каузативной конструкции оформление прямого дополнения

подчиняется общим правилам дифференцированного маркирования объекта, ср. примеры (22)–(24).

- (22) *brata* +*m-urdəx-la* *miyu*
 девочка(Ғ) CAUS-кипеть.PST-LS.3Ғ вода(PL)
 ‘Девушка вскипятила воду’.
- (23) *brata* +*m-uṭbiyu-a-la* *isakt-o*
 девочка(Ғ) CAUS-тонуть.PST-SS.3Ғ-LS.3Ғ кольцо(Ғ)-P.3Ғ
 ‘Девушка утопила свое кольцо [в реке]’.
- (24) *ka* +*kaṭuy* +*m-avur=əla* *beta*
 к кошка(Ғ) CAUS-входить.PROG=3Ғ дом(М)
 ‘Она заводит кошку в дом’. (Zolotoe_kolco)

Кодирование остальных аргументов непереходного глагола при каузативизации обычно не меняется. Например, в (25) второй аргумент двухместного непереходного глагола и в исходной, и в каузативной конструкциях оформляется предлогом *+al*.

- (25) а. *+al* *Mat* *Maryam*
 на Святая Мария(Ғ)
bədmay=əva
 быть_похожим.PROG=3.RETR
 ‘Она на Деву Марию была похожа’.
 (Videniye_bogoroditsy)
- б. *m-admu-u=va* +*al xabuša*
 CAUS-быть_похожим.PROG-P.3М=3.RETR на яблоко(М)
 ‘Сделал его похожим на яблоко’. (Dva_brata)

Исключением можно назвать эмотивные глаголы. Выше мы упоминали, что от эмотивных глаголов обычно образуются **непрототипические** каузативы без добавления нового участника, см. пример (3). При образовании **прототипических** каузативов от таких глаголов Каузатор занимает позицию подлежащего, а Сtimул кодируется локативно-инструментальным предлогом *bi* независимо от того, каким предлогом он маркирован в исходной конструкции. В примерах (26) и (27) в исходной конструкции Сtimул кодирует-

ся аблативным предлогом *mən*, а в каузативных предложениях вводится предлогом *bi*.

(26) a. *ginava* +*zdəl-lə* *mən* *calba*
вор(м) бояться.PST-LS.3M от собака(м)
'Вор испугался собаки'.

b. *axnan* +*m-uzdi-lan* *ka* *ginava*
мы CAUS-бояться.PST-LS.1PL к вор(м)
bi (**mən*) *calba*
с от собака(м)
'Мы напугали вора собакой'.

(27) a. *a* *yala* *bənxap=ələ*
DEM1.SG мальчик(м) стесняться.PROG=3M
mən *kom-u*
от рост(м)-P.3M
'Этот парень стесняется своего роста'.

b. *xorvat-u* *m-anxip-u=na*
друг.PL-P.3M CAUS-стесняться.PROG-P.3M=3PL
k *d-a*
к OBL-DEM1.SG
yala *bi* (**mən*) *kom-u*
мальчик(м) с от рост(м)-P.3M
'Друзья стыдят этого парня за его рост'.

По-видимому, в подобных каузативных конструкциях исходный Стимул осмысливается как Инструмент, ср. использование предлога *bi* в инструментальном значении в (20) выше. Похожие случаи в других языках были описаны, например, для калмыцкого в [Сай 2009: 427].

4.3. Каузативизация переходных глаголов

При каузативизации переходных глаголов возможны два основных сценария перекодирования аргументов: либо Каузируемый занимает позицию прямого дополнения, а исходный Пациент сдвигается ниже по иерархии синтаксических ролей, либо наоборот Пациент сохраняет свою позицию прямого дополнения, а Каузируемый понижается до непрямого или косвенного дополнения. В урмийском встре-

чаются оба варианта, выбор зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола.

4.3.1. Прототипические переходные глаголы

При каузативизации прототипических переходных глаголов в урмийском исходное прямое дополнение сохраняет свою позицию, Каузатор занимает позицию подлежащего, а исходное подлежащее (Каузируемый) смещается в позицию **косвенного дополнения** и кодируется предлогом *bi*, см. примеры (28)–(30). Такая стратегия нарушает иерархию Комри, приводимую выше в (13), так как пропускается позиция непрямого дополнения.

- (28) a. *palaxə* *prəm-le* *ərbita*
 рабочие зарезать.PST-LS.3PL овца(F)
 ‘Рабочие зарезали овцу’.
- b. *Aşur* *m-uprəm-a-lə* *ərbita*
 Ашур CAUS-зарезать.PST-SS.3F-LS.3M овца(F)
 b *palaxə*
 с рабочие
 ‘Ашур заставил рабочих зарезать овцу’.
- (29) a. *Edgar* *zvən-lə* *konfet*
 Эдгар покупать.PST-LS.3M конфеты
 ‘Эдгар купил конфеты’.
- b. *bi Edgar* *m-uzvən-li* *konfet*
 с Эдгар CAUS-покупать.PST-LS.1SG конфеты
 ‘Я заставила Эдгара купить конфеты’.
- (30) *id=ət* *+gor-ax*
 рука=REL муж(М)-P.2F
 m-unşək-a-lax *biyy-an*
 CAUS-целовать-SS.3F-LS.2F с-P.1PL

[ЛК: носитель был на крещении племянника в армянской церкви, где нужно целовать руку кума. Он сказал сестре:] ‘Ты заставила нас поцеловать руку твоего мужа’.

Описанным способом оформляются аргументы следующих глаголов из нашей выборки: *m-abşəl* ‘заставлять варить’, *+m-amrəç* ‘заставлять давить’, *m-aprəm* ‘заставлять за-

резать (животное), *m-axṛər* ‘заставлять копать’, *+m-anyəs* ‘заставлять жалить’, *+m-akrəṭ* ‘заставлять кусать’, *m-axṛək* ‘заставлять обнимать’, *m-azvən* ‘заставлять покупать’, *+m-akṭə* ‘заставлять резать’, *m-abnə* ‘заставлять считать’, *+m-akṭəl* ‘заставлять убивать’, *m-anšək* ‘заставлять целовать’.

Судя по комментариям носителей, подобные каузативы используются в речи нечасто, особенно с выраженным Каузируемым. Например, после перевода стимула с глаголом *m-aprət* ‘заставлять зарезать’ один из носителей сделал следующую ремарку: «Очень редко. Не используется такое в речи. Не то что это неправильно, и поэтому не используется, просто есть другой словарный оборот, который чаще используется». Чаще такие значения выражаются не грамматикализированными биклаузальными конструкциями с глаголами ‘сказать (что-то сделать)’ или ‘дать (что-то сделать)’, ср. пример (31), где носительницу в ходе элицитации попросили придумать пример употребления глагола *m-aprət* ‘заставлять резать’. За клаузой с каузативным глаголом сразу же следует пояснение с биклаузальной конструкцией.

- (31) *+hayvan* *m-aprum-u=l* *b* *našə*,
 животное(М) CAUS-резать.PROG-P.3M=3M с люди
gan-u *lel* *prat-u*,
 душа(F)-P.3M NEG.3M резать.PROG-P.3M
yav-u=lə *ka* *našə* *prat-u=na*
 давать.PROG-P.3M=3M к люди резать.PROG-P.3M=3PL
 ‘Он делает так, что люди режут животное, он сам его не режет, отдает людям резать’.

В корпусе полевых текстов встретилось три каузатива от прототипических переходных глаголов: *+m-atrəs* ‘заставлять строить’ (6 раз), *m-aprət* ‘заставлять зарезать’ (6 раз), *+m-akṭəl* ‘заставлять убивать’ (3 раза). Во всех примерах из корпуса Каузируемый не выражен. Опускание или запрет выражения Каузируемого в каузативах от переходных глаголов наблюдается во многих языках [Недялков, Сильницкий 1969: 49; Creissels 2024: 517–518]. Согласно [Kemmer, Verhagen 1994: 135–136], инструментальные показатели ис-

пользуются для маркирования нетопикальных Каузируемых, играющих второстепенную, промежуточную роль в ситуации, поэтому такие участники могут легко оставаться не выраженными.

4.3.2. Экспериенциальные переходные глаголы

При каузативизации переходных экспериенциальных глаголов в урмийском исходное подлежащее обычно оформляется предлогом **непрямого дополнения** *ka* [Khan 2016a: 413], как в примерах (32)–(33). В этот класс попадают следующие глаголы: *xazzə* ‘видеть’ > *m-axzə* ‘показывать’, + *yaṭṭə* ‘знать’ > +*m-addə* ‘информировать’, +*ṛəmtə* ‘понимать’ > +*m-aṛəmt* ‘объяснять’, +*ṭəmmə* ‘пробовать’ > +*m-aṭmə* ‘давать пробовать’, +*ṣəmmə* ‘слышать’ > +*m-aṣmə* ‘рассказывать’.

- (32) a. *bnatə* +*ṭəmy-a-le* *bušala*
 девочки пробовать.PST-SS.3F-LS.3PL бушала(F)
 ‘Девочки попробовали бушалу’.
- b. *ana* +*m-uṭmiyy-a-li* *bušala*
 я CAUS-пробовать.PST-SS.3F-LS.1SG бушала(F)
ka bnatə
 к девочки
 ‘Я дала девочкам попробовать бушалу’.
- (33) a. +*avvo* +*stacan=da* *bəxzay-u=t*
 DEM3.M стакан(M)=ADD видеть.PROG-P.3M=2M
 ‘Вон тот стакан видишь?’ (Skazka_pro_zlatovlasku)
- b. *m-axziyy-ax* *ka suray*
 CAUS-видеть.PRS-SS.1PL к ассирийцы
miḡḡurra +*urusnay* *bəṣṭay=əna* *arak*
 как русские пить.PROG=3PL водка(M)
 ‘Покажем ассирийцам, как русские пьют водку’.
 (Zdorovyj_assiriec)

Вариативность в выборе кодирования Каузируемого между дативным и инструментальным показателями описывалась и для других языков [Kemmer, Verhagen 1994: 131–135]: если в языке есть несколько стратегий кодирования Каузируемого, то датив (т. е. тот же показатель, который используется для маркирования Реципиента при глаголе ‘давать’),

как правило, используется для маркирования экспериенциальных участников. Это связывается со степенью воздействия (*affectedness*) на Каузируемого: при дативном маркировании Каузируемый больше вовлечен в ситуацию, его состояние меняется сильнее, чем в случае с Каузируемым, вводимым инструментальным показателем⁸. Кроме того, отмечается, что каузативами от экспериенциальных глаголов обычно выражается каузация с помощью ментального или словесного, а не физического принуждения [Недялков, Сильницкий 1969: 34–35; Kemmer, Verhagen 1994: 137].

4.3.3. А-лабильные глаголы

Помимо двух перечисленных классов переходных глаголов (прототипические и экспериенциальные), можно выделить еще одну группу предикатов, которые при каузативизации ведут себя особенным образом. В эту группы входят следующие глаголы: *+axəl* ‘есть’, *šatə* ‘пить’, *+mayəs* ‘сосать’, *yalar* ‘учить (что-л.)’, *+karə* ‘изучать’, *lavəš* ‘надевать’, а также глаголы с внутренним объектом, например *zamər zmartə* ‘петь песню’. В исходной, некаузативной форме эти глаголы являются А-лабильными⁹, т. е. могут употребляться как в переходной (34a), (35a), (36a), так и в непереходной (34b), (35b), (36b) конструкциях, где А-участник переходного предложения соответствует подлежащему непереходного.

- (34) a. *mīyua* *garəc* *šat-ət-te*
 вода(PL) надо пить.PRS-SS.2M-LS.3PL
 ‘Ты должен выпить эту воду’. (Brat_brosil_v_rechku_i_drugie_sluchai)

⁸ Ср. релевантные выводы [Kemmer, Verhagen 1994: 135]: “Dative-marked participants ... are those which are affected as humans are affected, viz. experientially. With instrumental participants, on the other hand, the focus is not on the experiencing of an effect by the participant but on nothing more than its intermediary role in accomplishing the effected event. Dative participants are experientially affected, instrumentals are not.”

⁹ Дж. Кхан не упоминает лабильность этих глаголов, но мы полагаем, что это важный факт, так как при каузативизации эти глаголы ведут себя как непереходные.

- b. *cullə* *yuma* +*bixal=əna* *bəštay=əna*
 весь день(М) есть.PROG=3PL пить.PROG=3PL
 ‘Весь день они едят, пьют’. (Svadba)
- (35) a. *Maša* *bəlyap=əla* *lišan* *sura*
 Маша учить.PROG=3F язык(М) ассирийский
 ‘Маша учит ассирийский язык’.
- b. *brun-u=da* *bəlyap=əla*
 сын(М)-Р.3М=ADD учить.PROG=3М
 ‘Его сын учится’. (Zagadka_pro_arbuzy)
- (36) a. *susvay* *xat-i* *cullə*
 лошадь(М).PL сестра(F)-Р.1SG весь
 +*myas-e-va*
 сосать.PROG-Р.3PL-RETR
 ‘Моя сестра высасывала [кровь] всех лошадей’.
 (Sestra_vampir)
- b. *‘ət-məḡḡət=da* +*bar-naša*
 EXI-действительно=ADD человек(М)
 +*xalvanaya*, +*mis=əla*
 млекопитающее(М) сосать.RES.М=3М
 ‘Это правда, что человек — млекопитающее, он сосал’.
 Перевод в источнике: “It is true that man is a mammal,
 he has sucked (milk)”¹⁰ [Khan 2016d: 198].

При каузативизации перечисленные глаголы ведут себя как **непереходные**: исходное подлежащее смещается в позицию прямого дополнения. При этом исходное дополнение тоже может быть выражено — в каузативной конструкции оно выражается именной группой, которая не имеет предложного маркирования и не индексируется на глаголе, как в примерах (37)–(38). Дж. Кхан называет синтаксическую позицию, которую занимает исходный объект, «обстоятельством дополнением» (“adverbial complement rather than

¹⁰ Ранее в контексте не упоминается молоко, поэтому мы предполагаем, что это не конструкция с эллипсисом, однако в будущем требуется собрать больше данных, чтобы подтвердить лабильность этого глагола.

a core argument” [Khan 2016a: 420]), но не описывает синтаксические свойства этой позиции.

(37) *yəmma m-uštiyy-e-la yala surə+xałva*
 мать(F) CAUS-пить.PST-SS(O).3PL-LS.3F дети молоко(M)
 ‘Мать напоила детей молоком’.

(38) *ğulla tazə m-ulviš-é-lun*
 одежда(M).PL новая.PL CAUS-надевать.PST-SS.3PL-LS.3PL
 ‘Их одели в новую одежду’. (Semja_v_Tiflise)

Глаголы поглощения и глаголы со значением ‘учить’ во многих языках ведут себя не так, как прототипические переходные глаголы, в том числе и при каузативизации [Arkadiev, Pakerys 2015: 69]. Например, в языках, в которых морфологический каузатив может образовываться только от непереходных глаголов, переходные глаголы со значениями ‘есть’, ‘пить’ и ‘учить’ составляют исключение и могут каузативизироваться так же, как непереходные глаголы [Creissels 2024: 525]. Как и в случае с экспериенциальными глаголами, этому предлагается семантическое объяснение: Каузируемый вовлечен в ситуацию подобно прототипическому Пациенту.

5. Аргументные рамки и семантические контрасты

Выше было показано, что выбор аргументной рамки каузативного глагола в урмийском зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола. Возможные варианты суммированы в Таблице 7.

Таблица 7. Аргументные рамки каузативных глаголов*

Класс исходного глагола	Аргументная рамка каузатива
Непереходные и А-лабильные	А <i>m-v</i> P (Z) — переходная конструкция
Прототипические переходные	А <i>m-v</i> P <i>bi</i> X — «инструментальное» кодирование

Экспериенциальные переходные	А <i>m-v P ka</i> IO — «дативное» кодирование
---------------------------------	--

*А — агенсоподобный участник переходной конструкции, Р — пациенсоподобный участник переходной конструкции, IO — непря-
мое дополнение, Х — косвенное дополнение, Z — неядерная бес-
предложная позиция, v — глагол.

В грамматике Дж. Кхана не обсуждается, могут ли каузативы от экспериенциальных и А-лабильных глаголов сочетаться с аргументной рамкой, характерной для каузативов от прототипических переходных глаголов, то есть допускают ли они инструментальное маркирование Каузируемого. Одной из задач нашего исследования было проверить это.

Согласно нашим полевым данным, в некоторых контекстах такое маркирование возможно. По крайней мере для некоторых носителей приемлемы такие примеры, как (39b)–(42b). Носители отмечают, что в примерах с предлогом *bi* действие совершается против воли Каузируемого, появляется оттенок значения ‘заставить’. Из контекстов, в которых предлагалось использовать предложения с предлогом *bi*, можно заключить, что инструментальное маркирование ассоциируется с более **дистантной каузацией**, когда Каузатор косвенными действиями или словами воздействует на Каузируемого. При дистантной каузации Каузируемый обладает большими агентивными свойствами, чем в позиции прямого (39a), (41a), (42a) или непрямого (40a) дополнения.

- (39) а. *Žanna Maša m-ulup-o=la*
 Жанна Маша CAUS-учить.PROG-P.3F=3F
lišan sura
 язык(М) ассирийский
 ‘Жанна учит Машу ассирийскому языку’.
- б. *Žanna m-ulup=əla lišan*
 Жанна CAUS-учить.PROG=3F язык(М)
sura bi Maša
 ассирийский с Маша
 ‘Жанна заставляет Машу учить ассирийский язык
 (а та не хочет)’.

- (40) a. *Ašur m-uxziyu-a-lə avtoyu*
 Ашур CAUS-видеть.PST-SS.3F-LS.3M машина(F)-P.3M
 ka Sargon
 к Саргон
 ‘Ашур показал Саргону свою машину’.
- b. *Saša bi Lena m-axzuvv-o=va*
 Саша с Лена CAUS-видеть.PROG-P.3F=3.RETR
+skəṭta ibukra
 мертвый.F мышь(F)
 ‘Саша заставил Лену посмотреть на мертвую мышь’.
- (41) a. *yəmta +m-uxəl-la yala sura xabuša*
 мать(F) CAUS-есть.PST-LS.3F ребенок(М) яблоко(М)
 ‘Мама покормила ребенка яблоком’.
- b. *yəmta +m-uxəl-la xabuša bi yala sura*
 мать(F) CAUS-есть.PST-LS.3F яблоко(М) с ребенок(М)
 ‘Мать сделала так, чтобы ребенок съел яблоко’.
- (42) a. *Ašur +m-uxəl-lə cəlba +bəsra*
 Ашур CAUS-есть.PST-LS.3M собака(М) мясо(М)
 ‘Ашур покормил собаку мясом’.
- b. *Ašur bi cəlba +m-uxəl-lə +bəsra*
 Ашур с собака(М) CAUS-есть.PST-LS.3M мясо(М)
 ‘Ашур оставил мясо для собаки и сказал ей,
 чтобы она пошла и съела’.

Приводимые выше примеры, хотя и были одобрены носителями, по-видимому, не очень частотны. Примеры с инструментальным кодированием Каузируемого при каузативах от экспериенциальных или А-лабильных глаголов не встречаются в корпусе полевых текстов [Ovsjannikova et al. 2022], но находятся в корпусе литературного урмийского [Christian Urmi Corpus] и в текстах, собранных Дж. Кханом у носителей урмийского, родившихся в Иране [Khan 2016d]. В примерах (43)-(45) глагол *m-axzə* ‘показывать’ в сочетании с инструментальным маркированием Экспериенцера приобретает значение ‘проучить’, ср. русское *Я тебе покажу!* Прямое дополнение в подобных примерах выражается

либо местоименным суффиксом на глаголе (43), (45), либо именной группой (44).

- (43) Литературный урмийский (сохранена транскрипция, используемая в корпусе)

Ənə vit t-əxz-in-nə в *Şvaərin*
я FUT CAUS-видеть.PRS-SS.1M-LS.3F с Швабрин
'Я проучу Швабрина'. (Puşqin Brətə d qaritan)

- (44) Литературный урмийский

Ənə vit t-əxz-in-nun *viŋ-ux*
я FUT CAUS-видеть.PRS-SS.1M-LS.3PL с-Р.2М
puqəqi *prəjʃ*
ноздри рваный.PL

[Старик отворотился и проворчал слова: «рваные
ноздри!»... «Что ты там шепчешь, старый хрыч?» —
закричал Хлопуша.] — 'Я тебе дам рваные ноздри'.
(Puşqin Brətə d qaritan)

- (45) Иранский урмийский

bət-m-əxz-ən-na *biyy-ux*
FUT-CAUS-видеть.PRS-SS.1M-LS.3F с-Р.2М
'Я тебя проучу' [Khan 2016с: 217]. Перевод в источнике:
"I shall show you the consequences of your actions".

В примере (46) у глагола *+m-axlə* 'кормить' в сочетании с инструментальным маркированием появляется значение 'надоедать', ср. английское *to be fed up*.

- (46) Иранский урмийский

xa *+raba* *+m-uxəlt=əla* *biyy-i*
один много CAUS-есть.RES.F=3F с-Р.1SG

[ЛК: надоедливую женщину бросили в колодец. Из
колодца вылетает дракон и жалуется на эту женщину:]
'Она мне так надоела, [ты даже не представляешь]'.
Перевод в источнике: "She has made me so fed up, that you
cannot understand" [Khan 2016d: 144].

Итак, во всех рассмотренных в этом разделе примерах наблюдается следующий семантический контраст: если каузативный глагол может сочетаться с несколькими аргу-

ментными рамками, то маркирование Каузируемого инструментарным предлогом *bi* выражает более дистантную каузацию, при которой Каузируемый обладает большим контролем и большей волитивностью, чем в тех предложениях, когда он занимает позицию прямого или непрямого дополнения. Это согласуется с типологической гипотезой [Kemmer, Verhagen 1994: 137–138], которая предсказывает¹¹, что при существовании в языке нескольких способов кодирования Каузируемого инструментарные показатели будут использоваться с наиболее автономными участниками, обладающими наибольшим контролем и подвергающимся наименьшему воздействию ситуации.

6. Заключение

Согласно рассматриваемой в настоящей статье гипотезе, с синхронной точки зрения в христианском урмийском выделяется два словоизменительных типа глаголов (класс 1 и класс 2), а также каузативная словообразовательная морфема *m-*, прибавление которой сопровождается автоматическим переходом глагола из морфологического класса 1 в класс 2. В статье было показано, что каузатив с префиксом *m-* является довольно продуктивной деривацией: в словаре зафиксировано минимум 196 глаголов с начальным *m-*, которые могут считаться каузативными производными от глаголов класса 1. И в словаре, и в корпусе полевых текстов *m*-каузатив (III порода в описании [Khan 2016a]) охватыва-

¹¹ “Our claim is that case-marked participants in general differ in degree of conceptual integration in the clausal event, with accusative most integrated, dative less integrated, and instrumental and/or agentive least integrated, where high degree of integration correlates with high degree of affectedness and topicality and low degree of autonomy of the causee. We predict that, if a language allows causees with different case marking in a given causative construction (IC or TC), those causee participants will be semantically distinguished in terms of degree of integration following the generalizations summarized in the preceding sentence.” [Kemmer, Verhagen 1994: 137–138].

ет большее количество глагольных лексем, чем другой способ каузативизации — переход глагола из класса 1 в класс 2 (II порода), то есть обладает большей реализованной продуктивностью. Однако возможность *m*-каузатива использоваться для образования новых слов и адаптации заимствований в современном языке скорее не подтверждается, хотя и требует дальнейшего изучения.

Выбор стратегии кодирования аргументов в конструкции с морфологическим каузативом в урмийском зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола. Данные урмийских идиомов, распространенных в России и Армении, в целом соответствуют картине в иранском урмийском, описанной в [Khan 2015]. В каузативах от **непереходных** и **A-лабильных** глаголов Каузируемый оформляется как прямое дополнение, в каузативах от **экспериенциальных** — как не прямое (с предлогом *ka*). При каузативизации **прототипических переходных** глаголов в урмийском нарушаются типологические предсказания иерархии синтаксических отношений Б. Комри — Каузируемый смещается в позицию косвенного дополнения (оформляемого предлогом *bi*), минуя позицию непрямого дополнения. Такая дистрибуция стратегий кодирования соответствует типологическим наблюдениям [Kemmer, Verhagen 1994] о первостепенной важности семантических, а не формальных факторов.

Согласно нашим полевым данным, в ряде случаев в урмийском при каузативах от A-лабильных и экспериенциальных переходных глаголов Каузируемый может занимать не только позицию прямого и непрямого дополнения, но и помещаться в позицию косвенного дополнения и маркироваться инструментальным предлогом *bi*. Такие случаи ранее не были описаны в литературе, посвященной урмийскому. Наблюдается следующий семантический контраст: конструкции с инструментальным предлогом *bi* выражают более дистантную каузацию, при которой Каузируемый обладает большим контролем и волитивностью, чем в конструкциях, где Каузируемый занимает позицию прямого

или непрямого дополнения. Эти данные согласуются с типологическими ожиданиями, согласно которым инструментальное маркирование связано с большей автономностью участника.

Условные сокращения

- 1, 2, 3 — лица
- I, II, III, QI, QII — породы глагола
- ADD — аддитивная частица
- CAUS — каузатив
- DEM1 — 1-я серия демонстративов
- DEM2 — 2-я серия демонстративов
- DEM3 — 3-я серия демонстративов
- EXI — экзистенциальная связка
- F — женский род
- FUT — будущее время
- LS — L-суффиксы (в форме PST обозначают субъект,
в PRS — объект)
- M — мужской род
- NEG — отрицание
- OBL — косвенная форма местоимений
- P — посессивный суффикс
- PL — множественное число
- PROG — прогрессив
- PRS — настоящее время
- PST — претерит
- REL — релятор
- RES — результатив
- RETR — прошедшее время
- SG — единственное число
- SS — S-суффиксы (в форме PST обозначают объект,
в PRS — субъект)

Литература

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. Москва, 2006.

Мельчук 1963 — Мельчук И. А. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках. *Вопросы языкознания*, 1963, XII(4): 27–40.

Монастырская 2023 — Монастырская А. Г. Полисемия комитативной конструкции в урмийском новоарамейском. Забелина Е. А., Заика Н. М. (ред.). *Двадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.)*. Санкт-Петербург, 2023, 133–135.

Недялков, Сильницкий 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов. Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив*. Ленинград, 1969, 20–50.

Плунгян 2003 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное*. Москва, 2003.

Сай 2009 — Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2009, V(2): 387–464.

Сай 2020 — Сай С. С. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2020, 16(2): 654–689.

Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. Москва, 2015.

Церетели 1964 — Церетели К. Г. *Современный ассирийский язык*. Москва, 1964.

Шведова 2024a — Шведова Е. Е. Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском. *Вестник РГГУ*.

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2024, 5: 110–140.

Шведова 2024b — Шведова Е. Е. Проект словаря новоарамейских глаголов. *Вопросы лексикографии*, 2024, 34: 42–61.

Шувалова 2023 — Шувалова В. П. Стратегии маркирования объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 19(3), 2023: 611–633.

Arkadiev, Pakerys 2015 — Arkadiev P. M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study. Holvoet A., Nau N. (eds.). *Voice and Argument Structure in Baltic*. Amsterdam, 2015, 39–97.

Baayen 2009 — Baayen R. Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. Lüdeling A., Kytö M. (eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook, Volume 2*. Berlin; New York, 2009, 899–919.

Christian Urmi Corpus — Lyavdansky A. et al. *Christian Urmi Corpus*. URL: https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search (accessed: 11.06.2025).

Comrie 1976 — Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergencies. Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976, 261–312.

Creissels 2024 — Creissels D. *Transitivity, Valency, and Voice*. Oxford, 2024.

Dal, Namer 2016 — Dal G., Namer F. Productivity. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 70–90.

Dixon 2000 — Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 30–83.

Dixon, Aikhenvald 2000 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Introduction. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 1–29.

Goldenberg 2013 — Goldenberg G. *Semitic Languages. Features, Structures, Relations, Processes*. Oxford, 2013.

Haspelmath 2002 — Haspelmath M. *Understanding Morphology*. London; New York, 2002.

Kemmer, Verhagen 1994 — Kemmer S., Verhagen A. The grammar of causatives and the conceptual structure of events. *Cognitive Linguistics*, 1994, 5(2): 115–156.

Khan 2015 — Khan G. Causative Constructions in Neo-Aramaic (Christian Urmi Dialect). Lutz E. (ed.). *Arabic and Semitic Linguistics Contextualized: A Festschrift for Jan Retsö*. Wiesbaden, 2015, 506–530.

Khan 2016a — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 1. Grammar: phonology and morphology*. Leiden; Boston, 2016.

Khan 2016b — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 2. Grammar: syntax*. Leiden; Boston, 2016.

Khan 2016c — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 3. Lexical studies and dictionary*. Leiden; Boston, 2016.

Khan 2016d — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 4. Texts*. Leiden; Boston, 2016.

Lieber 2009 — Lieber R. *Introducing Morphology*. Cambridge, 2009.

Murre-van den Berg 1999 — Murre-van den Berg H. L. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden, 1999.

Nöldeke 1868 — Nöldeke Th. *Grammatik Der Neusyrischen Sprache Am Urmia-See Und in Kurdistan*. Leipzig, 1868.

Ovsjannikova et al. 2022 — Ovsjannikova M., Kozhanov K., Logvinova N., Lyavdansky A., Russkikh A., Say S., Shuvalova V., Shvedova E., Zabelina E. *Corpus of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nena-dict.ru/corpus> Дата обращения: 10.06.2025.

Paster 2016 — Paster M. Alternations: Stems and Allomorphy. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 93–116.

Pylkkänen 2008 — Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge (MA), London, 2008.

Shibatani 1976 — Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976.

Zabelina et al. 2022 — Zabelina E., Ovsjannikova M., Say S. *Sound dictionary of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nena-dict.ru/dictionary> (accessed: 30.08.2025).

Zúñiga, Kittilä 2019 — Zúñiga F., Kittilä S. *Grammatical voice*. Cambridge, 2019.

References

Arkadiev P. M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study. Holvoet A., Nau N. (eds.). *Voice and Argument Structure in Baltic*. Amsterdam, 2015: 39–97.

Baayen R. Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. Lüdeling A., Kytö M. (eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook, Volume 2*. Berlin; New York, 2009, 899–919.

Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergencies. Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976, 261–312.

Creissels D. *Transitivity, Valency, and Voice*. Oxford, 2024.

Dal G., Namer F. Productivity. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 70–90.

Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 30–83.

Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Introduction. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 1–29.

Goldenberg G. *Semitic Languages. Features, Structures, Relations, Processes*. Oxford, 2013.

Haspelmath M. *Understanding Morphology*. London; New York, 2002.

Kemmer S., Verhagen A. The grammar of causatives and the conceptual structure of events. *Cognitive Linguistics*, 1994, 5(2): 115–156.

Khan G. Causative Constructions in Neo-Aramaic (Christian Urmi Dialect). Lutz E. (ed.). *Arabic and Semitic Linguistics Contextualized: A Festschrift for Jan Retsö*. Wiesbaden, 2015, 506–530.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 1. Grammar: phonology and morphology*. Leiden; Boston, 2016.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 2. Grammar: syntax*. Leiden; Boston, 2016.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 3. Lexical studies and dictionary*. Leiden; Boston, 2016.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 4. Texts*. Leiden; Boston, 2016.

Lieber R. *Introducing Morphology*. Cambridge, 2009.

Lyavdanskyy A. et al. *Christian Urmi Corpus*. URL: https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search (accessed: 11.06.2025).

Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskiy A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Mel'čuk I. A. O «vnutrennej fleksii» v indoevropejskikh i semitskikh yazykah [The «inner inflection» in Indo-European and Semitic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1963, XII(4): 27–40. (In Russ.)

Monastyr'skaya A. G. Polisemiya komitativnoy konstrukt-sii v urmiyskom novoaramayskom [Polysemy of the comitative construction in Urmi Neo-Aramaic]. Zabelina E. A., Zaika N. M. (eds.). *Dvadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 23–25 noyabrya 2023 g.)*. Sankt-Peterburg, 2023, 133–135. (In Russ.)

Murre-van den Berg H. L. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden, 1999.

Nedyalkov V. P., Sil'nitskiy G. G. Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov [The typology of morphological and lexical causatives]. Kholodovich A. A. (ed.). *Tipologiya kauzativnykh konstruktсий: Morfologicheskii kauzativ*. Leningrad, 1969, 20–50. (In Russ.)

Nöldeke Th. *Grammatik Der Neusyrischen Sprache Am Urmia-See Und in Kurdistan*. Leipzig, 1868.

Ovsjannikova M., Kozhanov K., Logvinova N., Lyavdansky A., Russkikh A., Say S., Shuvalova V., Shvedova E., Zabelina E. *Corpus of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nenadict.ru/corpus>

Paster M. Alternations: Stems and Allomorphy. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 93–116.

Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispravlennoe* [General morphology: An introduction. 2nd edition]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge (MA), London, 2008.

Say S. S. Argumentnaya struktura kalmytskikh kauzativnykh konstruksiy [Argument structure of Kalmyk causative constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2009, V(2): 387–464. (In Russ.)

Say S. S. Markirovanie aktantov dvuhmestnykh predikatov v novoaramayskikh idiomah sela Urmiya [Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2020, 16(2): 654–689. (In Russ.)

Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976.

Shuvalova V. P. Strategii markirovaniya ob"ekta v hristianskom urmiskom idiomah sela Urmiya [Object marking in the Christian Urmi of the village Urmiya, Russia]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2023, 19(3): 611–633. (In Russ.)

Shvedova E. E. Kauzativnyye oppozitsii v khristianskom urmiskom novoaramayskom [Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye»*, 2024, 5: 110–140. (In Russ.)

Shvedova E. E. Proekt slovarya novoaramayskikh glagolov [The project of a lexicon of Neo-Aramaic verbs]. *Voprosy leksikografii*, 2024, 34: 42–61. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and the event structure]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Tsereteli K. G. *Sovremennyj assirijskij yazyk* [Modern Assyrian language]. Moskva, 1964. (In Russ.)

Zabelina E., Ovsjannikova M., Say S. *Sound dictionary of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nena-dict.ru/dictionary> (accessed: 30.08.2025).

Zúñiga F., Kittilä S. *Grammatical voice*. Cambridge, 2019.

Anaphoric uses of demonstratives in Kina Rutul and Mehweb Dargwa

Timofey Mukhin

*National Research University Higher School of Economics,
University of Liège
Moscow, Russia
tmukhin@hse.ru*

This study presents the first systematic comparison of anaphoric uses of demonstratives in two East Caucasian languages, Kina Rutul (Lezgif) and Mehweb Dargwa (Dargic). Both languages lack dedicated third-person pronouns and employ demonstratives anaphorically in both pronominal and adnominal positions. Data from thirteen Kina Rutul and nine Mehweb Dargwa Pear Stories show that the default demonstrative (in terms of frequency) differs in the two languages: it is the proximal in Kina Rutul and the distal in Mehweb Dargwa. Demonstratives are found to differ with respect to the discourse prominence of the referent and the number of its previous mentions — that is, whether a demonstrative is used for the second or a subsequent mention of the referent in the text [Kibrik 2011: 363]. The proximal in both languages more often refers to more prominent referents than the medial and the distal. Drawing on Ariel's [1990] accessibility theory, the study tests whether proximal, medial, and distal demonstratives differ iconically, according to their exophoric semantics, in terms of anaphoric distance [Givón 1983] and referent accessibility. In both languages, the distal demonstrative in adnominal uses, often used for referent reactivation [Kibrik 2011: 413], occurs at greater average anaphoric distances than other demonstratives, supporting an iconic link between its exophoric meaning and anaphoric distance. Pronominal uses, by contrast, show no such correlation. The medial demonstrative, in both its adnominal and pronominal uses, displays similar or even shorter average anaphoric distances than the proximal in both languages, therefore arguing against the hypothesized iconicity link between its exophoric and anaphoric uses.

Keywords: demonstratives, anaphora, anaphoric distance, accessibility theory, East Caucasian

Acknowledgements: I am grateful to Saida Magomedova, Patimat Musaeva and Saadi Suleimanov for their help with transcribing the Pear Stories, which serve as the main data source for this study, as well as to the other residents of the villages of Kina and Mehweb. I also thank Michael Daniel, Timur Maisak, and Polina Nasledskova for their input on the study, and the two anonymous referees for their valuable questions and comments, which helped improve the clarity and precision of the paper.

For citation: Mukhin T. Anaphoric uses of demonstratives in Kina Rutul and Mehweb Dargwa. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 169–193.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-169-193

Анафорические употребления демонстративов в кининском рутульском и мегебском даргинском

Тимофей Мухин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Льезский университет
Москва, Россия
tmukhin@hse.ru*

В данной статье представлено первое систематическое сравнение анафорических употреблений демонстративов (указательных местоимений) в двух нахско-дагестанских языках — кининском рутульском (лезгинская группа) и мегебском даргинском (даргинская группа). В обоих языках отсутствуют местоимения третьего лица, и демонстративы используются анафорически как в местоименной, так и в приименной позициях. Данные тринадцати кининских и девяти мегебских историй о грушах показывают, что дефолтный демонстратив (с точки зрения частотности) различается в этих двух языках: ближний демонстратив доминирует в кининском, дальний — в мегебском. Демонстративы в текстах различаются с точки зрения дискурсивной значимости референта и количества его предыдущих упоминаний, а именно используется ли демонстратив для второго или для последующего упоминания референта в тексте [Kibrik 2011: 363]. В обоих языках ближний

демонстратив чаще реферирует к более значимым референтам, чем средний и дальний. Опираясь на теорию доступности Ариэль [Ariel 1990], в работе проверяется, различаются ли демонстративы с точки зрения анафорической дистанции [Givón 1983] и доступности референта иконично в соответствии с их экзофорической семантикой. В обоих языках дальний демонстратив в приименных употреблениях, часто используемый для реактивации референта [Kibrik 2011: 413], в среднем встречается на большей анафорической дистанции, чем другие демонстративы, что поддерживает гипотезу об иконичной связи между его экзофорическим значением и анафорической дистанцией. Напротив, местоименные употребления не демонстрируют такой корреляции. В обоих языках, средний демонстратив, как в приименных, так и в местоименных употреблениях, в среднем показывает сходные или даже меньшие значения анафорической дистанции, чем ближний демонстратив, что говорит против предполагаемой иконичной связи между его экзофорическими и анафорическими употреблениями.

Ключевые слова: указательные местоимения, анафора, анафорическая дистанция, теория доступности, нахско-дагестанские языки

Для цитирования: Мухин Т. Анафорические употребления демонстративов в кининском рутульском и мегебском даргинском. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 169–193.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-169-193

1. Introduction

This study examines the anaphoric uses of demonstrative pronouns in two East Caucasian languages, Kina Rutul (Lezgian) and Mehweb Dargwa (Dargic). Demonstratives in Kina Rutul and Mehweb Dargwa, as in many other languages, serve a variety of functions, including EXOPHORIC – when a demonstrative refers to non-linguistic entities in the surrounding situation – as in (1a) from Kina Rutul, where the demonstratives *mi* (*mi χala* ‘this house’) and *ti* (*ti χala* ‘that house’) refer to physical buildings. In contrast, in ENDOPHORIC use the demonstrative refers to a textual entity, for example to a noun phrase in the preceding discourse, as in the case of the ANAPHORIC function [Diessel 1999: 6–7], central to this study. An example of anaphoric use is

given in (1b) from Kina Rutul, where the demonstrative *ha* (*ha-nowa* ‘she’) refers to an NP in the preceding clause (*babaj* ‘grandmother’). Kina Rutul and Mehweb Dargwa lack a dedicated third-person pronoun and use the same demonstrative stems in both pronominal and adnominal position, as in (1b), where the same demonstrative *ha* is used anaphorically as a noun modifier (*had* *χinimer* ‘these children’), referring to an NP in the preceding clause (*juq’di* *jetimak^{wan}* ‘four orphans’).

(1) Kina Rutul

- a. [*mi* *χal-a*] *zi* *ješemiš* *ruʔu-r=a*,
 this **house-IN** I live 1.become.IPFV-CVB=be
 [*ti* *χal-a*] *babaj*
 that(DIST) **house-IN** grandmother
 ‘[Pointing to the house.] I live in **this house**, my grandmother lives in **that house**.’ [Mukhin & Nasledskova 2025: 2]
- b. *babaj* *a-r-gi-r* *mu^og^w-a*
 grandmother IN-2-stay.PFV-CVB village-IN
juq’di *jetim-a-k^{wan}*. [*ha-now-a*]
 four-ATTR orphan-OBL-COM **that(MED)-OBL.H-ERG**
giš-e-k^{wan} *miq’-i-k^{wan}* *haa-sa=kal*
 hunger-OBL-COM cold-OBL-COM that-MNR=SIMIL
q’ix-e *d-iʔi-r* [*ha-d* *χini-mer*]
 big-ADJ HPL-do.PFV-CVB **that(MED)-ATTR** **child-PL**
 ‘The grandmother remained in the village with four orphans. **She** raised **those children** with difficulty, through hunger and cold.’ (kna_2018_03_nzle_1963)

Kina Rutul and Mehweb Dargwa, like many other East Caucasian languages, have elaborate demonstrative systems consisting of three or more pronouns, all of which can appear in anaphoric function. However, in Kina Rutul and Mehweb, as well as in many other languages of the family, the mechanisms determining the choice of different demonstratives have not been studied in detail independently of their exophoric uses. While a few corpus-based studies exist for individual (mostly Lezgi) languages – such as Agul [Ganenkov et al. 2009], Udi [Schulze 2008], Tsakhur [Toldova 1999] and Bagvalal [Ljutikova 2001] –

there are no typologically oriented studies dedicated to the anaphoric uses of demonstrative pronouns. This study addresses this gap by applying a comparable cognitive approach, drawing on Ariel's [1990] ACCESSIBILITY THEORY, to reference-tracking mechanisms in two distantly related East Caucasian languages.

Accessibility theory models mechanisms of reference tracking, defining the function of REFERENCE-TRACKING DEVICES – such as zero anaphora, (demonstrative) pronouns, and full NPs – as signaling to the addressee the ease with which a mental representation can be retrieved from memory, that is, its degree of accessibility [Ariel 1990: 16]. The more accessible this representation is, the less informative the device that is used to track it needs to be. Accessibility is represented as a combination of factors [Ariel 1990: 28–29, 31], the most indicative of which is ANAPHORIC (or referential) DISTANCE [Givón 1983: 13, 18] defined as the distance in clauses between the previous occurrence in the discourse of a referent and its current occurrence in a clause. This study investigates Ariel's [1990: 55] claim that the choice of demonstrative reflects the cognitive status of the referent, iconically linking their exophoric and endophoric uses: distal demonstratives signal lower accessibility and therefore tend to occur at greater anaphoric distances than proximal ones. The correlation between the accessibility and the choice of demonstrative is exemplified with (2) from English which illustrates a discourse-deictic use of demonstratives. Unlike in their anaphoric use in (1), demonstratives in (2) refer not to a noun phrase but to a proposition in the preceding discourse [Diessel 1999: 93]. In (2a) both statements are produced by the same speaker, and the first statement can be referred to from the second using either a proximal or distal demonstrative. Proximal demonstratives, however, cannot be used in (2b), as the first statement is produced by a different person and is less accessible to speaker B. Note that the demonstratives in (2a) and (2b) show the same degree of accessibility in terms of anaphoric distance (one clause), but they differ with respect to another parameter, unity, which investigates whether the referent is within the same frame/point of view/segment or paragraph as the anaphor [Ariel 1990: 29].

- (2) English ([Lakoff 1974:74] cited in Ariel [1990: 55])
- a. A: *Dick says that the Republicans may have credibility problems. **This/that** is an understatement.*
 - b. A: *Dick says that the Republicans may have credibility problems.*
 B: ****This/that** is an understatement.*

Providing evidence in favor of the correlation between the primary meaning of demonstratives and their endophoric uses, Ariel [1990] focuses on languages with dedicated third-person pronouns (e. g. English *he, she*) and two-term monocentric (or distance-oriented) demonstrative systems (e. g. English *this, that*), leaving unaddressed languages such as Kina Rutul and Mehweb Dargwa, which lack dedicated anaphoric pronouns and have more complex polycentric (or person-oriented) systems – those with medial demonstratives anchored to the addressee and not to the speaker [Anderson & Keenan 1985; Schulze 2003: 297]. While in Ariel's data, there is evidence for a correlation between the distance contrast expressed and the degree of accessibility for proximal and distal demonstratives, it is unclear how this applies to medial demonstratives. The present study tests the hypothesis that the choice of a specific demonstrative as a reference-tracking device in Kina Rutul and Mehweb Dargwa varies iconically with anaphoric distance, with the medial demonstrative associated with an intermediate anaphoric distance, since in its exophoric uses it typically refers to a greater distance than the proximal demonstrative but a shorter one than the distal.

In addition to anaphoric distance, I consider other parameters commonly assumed to affect referential choice (see Section 3), discussed within Kibrik's [2011: 363] cognitive multifactorial framework – another cognitive approach to reference tracking, which assumes that referential choice is motivated by the cognitive activation of a referent in working memory, calculated based on a set of parameters. Although Kibrik's work addresses different types of reference-tracking devices (including demonstratives), unlike Ariel [1990], he does not discuss possible correlations between the type of demonstrative (e. g. proximal vs. distal) and referential choice. For this reason, while

the present paper does draw on some of Kibrik's [2011] findings, it does not fully adopt his methodology and instead focuses on testing Ariel's [1990] claim.

The structure of the paper is as follows: Section 2 provides a brief introduction to the grammatical features of Kina Rutul and Mehweb Dargwa; Section 3 describes the annotation method and the data used in the study; Section 4 presents a general overview of the distribution of demonstratives in anaphoric uses; Section 5 reports calculated anaphoric distances and discusses them from the perspective of accessibility theory; Section 6 summarizes the results and contextualizes them within a broader typological perspective by comparing them with findings from similar studies. Finally, Section 7 wraps up the analysis and offers conclusions.

2. Relevant grammatical features

Both languages are mainly spoken by residents of only one village each. Mehweb Dargwa is spoken in the village of Mehweb (Gunibsky district, Daghestan, Russia) and has around 600–700 speakers [Dobrushina 2019: 1]; Kina Rutul, which is a dialect of Rutul, is spoken in the Kina village (Rutulsky district, Daghestan, Russia) and has approximately 600 speakers [Dobrushina in prep.]. All speakers are mostly multilingual and typically fluent in Russian, as well as in some other languages of the family [Dobrushina et al. 2017].

Both languages are left-branching with ergative case marking and gender agreement encoded on the verb. The verb distinguishes between four genders (Kina Rutul) or three genders (Mehweb Dargwa) in the singular and two genders in the plural. In Kina Rutul Gender 1 denotes males, Gender 2 denotes females, while Gender 3 and Gender 4 are mixed and denote various non-human referents. In Mehweb Dargwa there are masculine, feminine and neutral genders (but see more on the complexities with feminine and mass nouns in Magometov [1982: 16, 38]). In the plural, both languages offer only two options: human and non-human [Magometov 1982: 16, 38; Maxmudova

2002: 20–21, 40, 81]. In Mehweb Dargwa, besides gender agreement some verb forms also agree in person (egophoric agreement) [Ganenkov 2019: 201]. In both languages nominals inflect for case and number.

Kina Rutul, as well as Mehweb Dargwa, has a polycentric demonstrative system with triple distance contrast [Mukhin & Nasledskova 2025: 470; Magometov 1982: 55] which consists of the proximal demonstrative ‘close to the speaker’ (*mi* in Kina Rutul; *iš* in Mehweb Dargwa), the medial ‘close to the addressee’ (*ha* in Kina Rutul; *il* in Mehweb Dargwa), and the distal ‘far from both the speaker and addressee’ (*ti* in Kina Rutul; *it* in Mehweb Dargwa). Mehweb Dargwa additionally has two elevational demonstratives: the inferior *iχ* ‘below’ and the superior *ič* ‘above’. The same demonstrative forms are used both in the pronominal and adnominal position, as in (1b) from Kina Rutul in Section 1. In both languages, demonstratives inflect for case, number and gender in pronominal positions. When used adnominally, demonstratives in Mehweb Dargwa inflect for number, whereas in Kina Rutul they are uninflected. As typical of East Caucasian, both languages lack dedicated anaphoric third person pronouns and use demonstratives instead. As an alternative to demonstratives, Kina Rutul also uses the ‘self’ pronoun anaphorically.¹

3. Method and data

The data used for this study are recordings of Pear Stories [Chafe 1980]. These include thirteen texts for Kina Rutul and nine texts for Mehweb Dargwa. The texts were recorded under settings standard for this type of elicitation: the speaker was requested to describe the plot of the movie to an interlocutor who had not watched it (or, in some cases, did not reveal their knowledge of the story). The speaker watched the movie only

¹ In some East Caucasian languages, the reflexive ‘self’ pronoun can be used as a third person anaphor bounded by the antecedent located outside the local domain. See the discussion in [Testelet & Toldova 1998] and [Daniel 2015].

once. All the texts were transcribed by native consultants, time-aligned and annotated in Praat [Boersma & Weenink 2023].

All anaphoric uses of demonstratives are annotated according to a predefined set of parameters, often taken to affect referential choice. In addition to the TYPE OF DEMONSTRATIVE (proximal, medial, distal, superior, inferior) and its REFERENT (e. g. *the boy who steals the pears*), I annotated the DISCOURSE PROMINENCE of the referent in the original plot, cf. Kibrik's [2011: 413] "protagonisthood". Here, I used the basic distinction based on overall screen time, dividing characters into more central ones (the boy with the bike, the man collecting pears and the boys) and secondary characters (all others).² Other parameters include the SYNTACTIC POSITION of the demonstrative (adnominal or pronominal) and the NUMBER OF PREVIOUS MENTIONS, which concerns the relative position of a reference with a demonstrative within the sequence of explicit mentions of the same referent. I only distinguish between the second mention that establishes a referent as a new topic, or one of subsequent mentions, cf. Diessel's [1999: 98] "second mentions" and Kibrik's [2011: 441] "introductory antecedent". Note that these parameters are not the only ones which might correlate with the referential choice (see discussion by Kibrik [2011: 402–406]) — I chose them for their relative ease of implementation.

Finally, to calculate anaphoric distance, for each anaphoric use of a demonstrative I annotate the previous overt (e. g. with a noun phrase) or covert reference (e. g. with an anaphoric zero) to the same referent and count the number of finite clauses

² I include the boys together with the protagonists (the boy with the bike and the man collecting pears) as central because they are the most-screened animate referents (and most referred to with demonstratives): the boy and the man each appear for approximately three minutes, while the boys appear for approximately two minutes in total (cf. all other referents that are referred to with a demonstrative at least once, each screened for less than half a minute). Note that, unlike the man and the boy who are present in most of the scenes, the boys appear only episodically in the final scenes. As secondary characters, I include both animate, e. g. 'girl', and inanimate referents, e. g. 'hat'.

between these two references. I use a minimal distance value of zero, rather than one as in Givón’s [1983: 13] approach, in cases where the previous mention of the same referent appears in a non-finite clause preceding the demonstrative. For example, in (3) the medial demonstrative *habišda* ‘they’ refers to the noun phrase *ti χinimer* ‘those boys’ in the preceding non-finite clause denoted by the attributive form *dī?id* ‘go’; thus, the distance value for this occurrence of the medial demonstrative is zero. I exclude anaphoric uses in meta comments and indirect speech from the analysis but count these types of clauses when calculating anaphoric distance.

- (3) Kina Rutul (kna_pears_vdm_3)
- haj-a:*
there(MED)-EL
ʒig-ij
place-OBL(SUP)
a-gi-r
PV-4.find.PFV-CVB

ti
that(DIST)
riʕ-a
road-IN
*[ha-biš-da]*_{boys}
that(MED)-OBL.HPL-APUD

χini-mer
child-PL
šlapa
hat[R]
that(MED)-OBL.HPL-APUD

d-iʔi-d
HPL-go.IPFV-ATTR
- ‘On the road, where (lit. on the place where) the boys went from there, **they** found a hat.’

4. Distribution of demonstratives in anaphoric uses

In both Kina Rutul and Mehweb Dargwa, all demonstratives are attested in an anaphoric function. Table 1 presents the distribution of demonstratives in Pear Stories in each language depending on the syntactic position.

Table 1. Frequency of demonstratives in Pear Stories

	Kina Rutul (n = 181)		Mehweb Dargwa (n = 295)	
	adnominal	pronominal	adnominal	pronominal
proximal	37% (30)	57% (58)	6% (6)	11% (23)
medial	25% (19)	34% (34)	18% (17)	20% (41)
distal	38% (31)	9% (9)	68% (64)	62% (125)

inferior	NA		7% (7)	4% (9)
superior	—		1% (3)	
total	100% (80)	100% (101)	100% (94)	100% (201)

The default anaphoric means (in terms of frequency) varies across languages. In Kina Rutul, the most frequent demonstrative is the proximal (48%, $n = 88/181$), while in Mehweb Dargwa the most frequent is the distal (64%, $n = 189/295$). The least frequent demonstrative in Kina Rutul is the distal (22%, $n = 40/181$), whereas in Mehweb Dargwa the least frequent (non-elevational) demonstrative is the proximal (10%, $n = 29/295$). The proportion of the medial demonstratives is comparable across the two languages: it is the second most frequent non-elevational demonstrative (30%, $n = 53/181$ in Kina Rutul; 20%, $n = 58/295$ in Mehweb Dargwa).

Considering the syntactic position, except for the distal demonstrative in Kina Rutul, overall demonstratives are more frequently used pronominally than adnominally (see Section 5 for a discussion of the predominance of adnominal uses of the distal). In Kina Rutul, unlike Mehweb Dargwa, the choice of demonstrative correlates with the syntactic position:³ in Kina Rutul the proximal is the most frequent demonstrative in pronominal uses, while in adnominal uses it is the distal. This skewed distribution of demonstratives by syntactic position in Kina Rutul – but not in Mehweb Dargwa – may be caused by the availability of an alternative ‘self’-pronoun (not analyzed in this study; see Section 2), which is restricted to pronominal uses and might fulfill functions otherwise performed by demonstratives in this position (as in Mehweb Dargwa).

In terms of discourse prominence, all demonstratives in Kina Rutul and Mehweb Dargwa are used to refer to both central and secondary characters; see Table 2 for their distribution.

³ Chi-square tests showed that the correlation between demonstrative type and syntactic position is significant in Kina Rutul ($\chi^2(2) = 23.13$, $p < 0.001$) but not in Mehweb Dargwa ($\chi^2(4) = 4.63$, $p = 0.33$).

Table 2. Discourse prominence of demonstrative referents in Pear Stories

	Kina Rutul (n=181)		Mehweb Dargwa (n=295)	
	central characters	secondary characters	central characters	secondary characters
proximal	53% (82)	23% (6)	13% (28)	1% (1)
medial	25% (38)	58% (15)	17% (37)	26% (21)
distal	22% (35)	19% (5)	63% (135)	67% (54)
inferior	NA		5% (11)	6% (5)
superior			—	
total	100% (155)	100% (26)	100% (214)	100% (81)

In both languages the choice of demonstratives depends on the discourse prominence of the referent.⁴ In Kina Rutul, central characters are most frequently referred to with the proximal, as *mi χinχi* ‘this boy’ in (4), whereas secondary characters are predominantly referred to with the medial demonstrative, as *ha šapkaxa* ‘this hat’ in the same example. In Mehweb Dargwa, the distal is the most frequent demonstrative regardless of discourse prominence. However, similar to Kina Rutul, the proximal in Mehweb Dargwa almost exclusively refers to central characters (93%, n = 82/88 in Kina Rutul; 97%, n = 28/29 in Mehweb Dargwa). Example (5) from Mehweb Dargwa illustrates the proximal demonstrative referring to the boy after he takes the basket from the man.

⁴ Chi-square tests show that the correlation between demonstrative type and discourse prominence is significant in both Kina Rutul ($\chi^2(2) = 12.56$, $p = 0.0019$) and in Mehweb Dargwa ($\chi^2(4) = 11.99$, $p = 0.017$). Discourse prominence significantly affects the Kina Rutul proximal ($\chi^2(1)=6.78$, $p=0.0092$) and medial ($\chi^2(1)=10.29$, $p=0.0013$) and the Mehweb Dargwa proximal ($\chi^2(1)=8.02$, $p = 0.0046$).

- (4) Kina Rutul (kna_pears_ldm_04)
[*ha* *šapk'a=xa*]_{hat} *qi-wilc'a-r=a*
that(MED) **hat[R]=ADD** RE-3.give.IPFV-CVB=be
[*mi χinχ-i*]_{boy} *u.*
this child-OBL(SUP) above
'(They) give **that hat** to **this boy**.'
- (5) Mehweb Dargwa (mhb_pears_ptm_8)
ca *zamaj-ze-r* *hune-če*
one time-INTER-F(ESS) road-SUP(LAT)
d-ik-ib [*iši-s*]_{boy} *lisibit'i-če-r*
F-fall.PFV-AOR **this-DAT** bike-SUP-F(ESS)
ca *dursi.*
one girl
'At some moment, on the road, **he** met a girl on a bicycle.'

Finally, Table 3 presents the distribution of demonstratives with respect to the number of previous mentions: whether they are used in second or subsequent mentions.

Table 3. Number of previous mentions of the referent

	Kina Rutul (n=181)		Mehweb Dargwa (n=295)	
	second mention	>second mention	second mention	>second mention
proximal	25% (9)	54% (79)	5% (2)	11% (27)
medial	56% (19)	23% (34)	45% (17)	16% (41)
distal	19% (7)	23% (33)	45% (17)	67% (172)
inferior	NA		5% (2)	5% (14)
superior	—		1% (3)	
total	100% (35)	100% (146)	100% (38)	100% (257)

In both languages, the medial demonstrative is (one of) the most common demonstratives in second mentions. By contrast, in subsequent mentions the proximal dominates in Kina Rutul,

whereas the distal dominates in Mehweb Dargwa.⁵ An example of the medial demonstrative referring to the once-mentioned referent is given in (6) from Kina Rutul, where the boy is first introduced with a noun phrase (*χiniχ* ‘boy’), then referred to with the medial demonstrative (*had χinχira* ‘that boy’) which then changes to the proximal (*mid* ‘he’). In the parallel example (7) from Mehweb Dargwa, the medial demonstrative refers to the boy (*hel urši* ‘that boy’) after its first introduction (*ca urši* ‘one boy’) and then switches to the distal (*itini* ‘he’).

(6) Kina Rutul (kna_pears_ldm_4)

<i>tin'-a:</i>	<i>mi-?</i>	<i>ru?u-r=a</i>	
there(DIST)-EL	this-LAT	1.go.IPFV-CVB=be	
<i>χiniχ,</i>	<i>weliseped-a</i>	<i>ba-na.</i>	
child	bike-OBL(SUP)	SUP.be-CVB	
<i>ji<r>q'i-r,</i>	[ha-d	χinχ-i-ra] _{boy}	
<1>come.PFV-CVB	that(MED)-ATTR	child-OBL-ERG	
<i>mi-?</i>	<i>l-agi-r</i>	<i>ti-?</i>	
this-LAT	UP-1.look.PFV-CVB	that(DIST)-LAT	
<i>l-agi-r,</i>	<i>l-eč'u-r=a</i>	<i>χi'r</i>	
UP-1.look.PFV-CVB	PV-<IPFV>4.take-CVB=be	pear	
<i>a-d</i>	<i>t'ak</i>	<i>ž'u-di</i>	
be-ATTR	basket	self.OBL.NF-ATTR	
<i>weliseped-a</i>	<i>u:</i>	<i>li-l-xe-r=a.</i>	
bike-OBL(SUP)	above	UP-IPFV-4.put.IPFV-CVB=be	
<i>u:</i>	<i>l-ixi-r</i>	[mi-d=xa] _{boy}	
above	UP-4.put.PFV-CVB	this-ATTR=ADD	
<i>u:</i>	<i>le-q-eč'u-r</i>		
above	UP-RE-1.move.PFV-CVB		
‘A boy rides up, on a bicycle. That boy came up (to where the man was on the tree), looked here, looked there, takes a bas-			

⁵ Chi-square tests show that the correlation between demonstrative type and the number of previous mentions is significant in both languages: in Kina Rutul ($\chi^2(2) = 14.03$, $p < 0.001$) and in Mehweb Dargwa ($\chi^2(4) = 17.87$, $p = 0.0013$). The number of previous mentions significantly affects the Kina Rutul proximal ($\chi^2(1)=8.01$, $p=0.0046$) and medial ($\chi^2(1)=11.65$, $p=0.0006$) and the Mehweb Dargwa medial ($\chi^2(1)=15.59$, $p < 0.001$) and distal ($\chi^2(1)=6.15$, $p = 0.013$).

ket of pears and puts it on his bike. **He** put it on (the bicycle) and climbed in himself.'

- (7) Mehweb Dargwa (mhb_pears_ptm_8)
- ʔaʳaxa* *ca* *zamaj-ze-w* *w-ak'-ib*
then one time-INTER-M(ESS) M-come.PFV-AOR
lisibit'i-če-w *ca* *urši.* [*hel* *urši*]_{boy}
bike-SUP-M(ESS) one boy **that(MED)** **boy**
lisibit'i-če-la *če-w=ra* *w-arc-ul-le,*
bike-SUP-EL down-M=ADD M-get.PFV-AOR-CVB
lisibit'=ra *musse* *b-ix-i-le.*
bike=ADD on.the.ground(LAT) N-put.PFV-AOR-CVB
hačam [*it-ini*]_{boy} *ca-k'wi-jal* *qʷaʳ?*
first **that(DIST)-ERG** one-two-ORD pear
as-iša *ile* *le-w-re*
take.PFV-FUT.EGO COMP AUX-M-PST
'Then at one point a boy came on a bicycle. **That boy** got off his bicycle, put it down on the ground. At first, **he** thought he would take one or two pears.'

5. Anaphoric distance

This section analyzes the anaphoric use of demonstratives in terms of anaphoric distance and tests whether the choice of the demonstrative depends iconically on the calculated distances (see Section 1 for the hypothesis). Table 4 presents the average anaphoric distances (measured in clauses) for each type of demonstrative, calculated separately for their adnominal and pronominal uses. Standard deviations (also in clauses) are given in brackets.

Table 4. Average anaphoric distances of demonstratives (in clauses) in *Pear Stories*

	Kina Rutul		Mehweb Dargwa	
	adnominal	pronominal	adnominal	pronominal
proximal	1.8 (1.4)	1.5 (1.2)	2.7 (2.9)	2 (1.5)
medial	1.4 (1)	1.2 (1.1)	2.8 (2.8)	1.2 (0.9)

distal	6.7 (8.4)	1 (1.2)	7.7 (9.6)	1.6 (1.8)
inferior	NA		3.3 (3.1)	2.4 (1.3)
superior	—		7.7 (0.6)	
total average distance	3.6 (5.8)	1.3 (1.2)	6.2 (8.4)	1.7 (1.8)

In terms of anaphoric distance, demonstratives used as noun modifiers show a greater average distance (>3 clauses) than in their pronominal uses (1–2 clauses) in both languages.⁶ These results are in line with the accessibility theory, as definite noun phrases in general mark lower accessibility of the referent than independent anaphoric pronouns and are therefore expected to be used at greater distances [Ariel 1990: 73].

In both languages, in adnominal uses, distal demonstratives show the greatest average distance (>6 clauses) compared to other non-elevational demonstratives (1–3 clauses), whereas in pronominal uses the average distances for all non-elevational demonstratives are similar (1–2 clauses). In both languages, the distance for the medial demonstrative is the smallest (though still close to that of the proximal), except in its adnominal uses in Mehweb Dargwa, where it is slightly higher than that of the proximal.⁷ Thus, while the medial demonstrative in its exo-

⁶ A Mann–Whitney U tests conducted for each language show that in both Kina Rutul (KR) and Mehweb Dargwa (MD), adnominal demonstratives occur at significantly greater distances than pronominal ones (KR: $U = 20468$, $p < .001$; MD: $U = 13642.5$, $p < .001$).

⁷ A Kruskal–Wallis test was conducted on all demonstratives within each syntactic position, and Mann–Whitney U tests were used for pairwise comparisons of demonstratives within the same positions. In Kina Rutul, adnominal demonstratives show significant differences in anaphoric distances ($H = 13.33$, $p = 0.0013$), with the distal occurring at greater distances than the proximal ($U = 1310$, Holm $p = 0.0078$) and the medial ($U = 748$, Holm $p = 0.0054$). Pronominal demonstratives in Kina Rutul do not differ significantly in anaphoric distances ($H = 4.70$, $p = 0.095$). In Mehweb Dargwa, adnominal demonstratives also differ significantly

phoric meaning is usually associated with greater distance from the speaker than the proximal, this primary meaning is not reflected in its endophoric uses: based on the obtained distance values, it signals almost equal (or even higher) accessibility than the proximal in both languages. By contrast, the distal, showing the greatest average anaphoric distance in its adnominal uses, signals the lowest accessibility of the referent compared to other demonstratives, iconically reflecting its exophoric semantics.

The high anaphoric distance of the distal in its adnominal uses arises because it typically reactivates (in terms of Kibrik [2011: 413]) characters who have already been introduced and established in the story but were not active in the immediately preceding context. A typical context for the distal demonstrative is the episode where the children return to the tree, and the man (who was last mentioned at the beginning of the story) discovers the theft of the basket. In both languages, all speakers who retell this scene using a demonstrative to refer to the man employ the distal one (eight speakers in Kina Rutul; six speakers in Mehweb Dargwa), as in (8) and (9); the others use an NP without a demonstrative. Predominance of reactivating uses also explains the higher frequency of adnominal than pronominal uses of the distal in Kina Rutul (see Table 1 in Section 4), since reactivation typically requires the use of a noun phrase [Næss et al. 2020: 10].

(8) Kina Rutul (kna_pears_sai_9)

<i>ma:da</i>	[<i>ti</i>	<i>χiʳ-bir</i>
again	that(DIST)	pear-PL
<i>kʲa-ʁ-aʔa-d</i>		<i>edemi</i>] _{manʹ}
CONT-OUT-NPL.do.IPFV-ATTR		man

($H = 8.73$, $p = 0.0127$), with the distal occurring at greater distances than the medial ($U = 319.5$, Holm $p = 0.0252$), while pronominal demonstratives show marginal differences ($H = 7.05$, $p = 0.029$), with the proximal occurring at greater distances than the medial ($U = 648$, Holm $p = 0.0204$). Other pairwise comparisons are not significant.

<i>ha</i>	<i>wayt-ind-e</i>	<i>u:-la</i>	<i>sa-ʔ</i>
that(MED)	time-OBL-IN	above-EL	down-LAT
<i>sa^f-q-a^fɣu-r=a,</i>		<i>mi</i>	<i>χini-mer</i>
DOWN-RE-<IPFV>1.move.IPFV-CVB=be		this	boy-PL
<i>ti-ʔ</i>	<i>qi-d-iʔi-d</i>		<i>wayt-ind-e.</i>
that(DIST)-LAT	RE-HPL-go.IPFV-ATTR		time-OBL-IN

‘Again, **that man who plucks pears**, at this time, comes down from above while the boys pass by.’

(9) Mehweb Dargwa (mhbw_pears_ptm_8)

<i>hanna</i>	<i>hel-di</i>	<i>urš-be</i>	<i>b-ikʼ-ib</i>
now	that(MED)-PL	boys-PL	HPL-come.IPFV-AOR
<i>[it</i>	<i>q^waʳʔ-be</i>	<i>d-irʔ-uwe</i>	
that(DIST)	pears-PL	NPL-gather.IPFV-CVB.IPFV	
<i>uʔ-ub-i</i>		<i>adami-li-šu</i> _{man}	
M.be.PFV-AOR-ATTR		man-OBL-APUD(LAT)	
<i>ite</i>	<i>ɤwetʼ-i-šu.</i>		
there	tree-OBL-APUD(LAT)		

‘Now these boys got to **that man who was picking pears**, to that tree.’

6. Anaphoric uses of demonstratives beyond Kina Rutul and Mehweb Dargwa

This final section summarizes the tendencies observed in the anaphoric uses of Kina Rutul and Mehweb Dargwa demonstratives and compares them with those in other languages, mainly East Caucasian, for which studies of anaphoric demonstratives have been conducted. Table 5 provides a summary of the statistically significant tendencies and average anaphoric distances discussed in Sections 4 and 5. Tendencies suggesting a low level of referent activation, in Kibrik’s [2011: 363] terms, are highlighted in light grey and those suggesting a high level of activation are highlighted in dark grey.

Table 5. Characteristics of demonstratives in anaphoric uses

		Discourse prominence	Number of mentions	Anaphoric distance (adnominal)
proximal	Kina Rutul	cent. ch.	>second	low (1–2 clauses)
	Mehweb Dargwa	cent. ch.	no pref.	low (2–3 clauses)
medial	Kina Rutul	sec. ch.	second	low (1–2 clauses)
	Mehweb Dargwa	no pref.	second	low (2–3 clauses)
distal	Kina Rutul	no pref.	no pref.	high (6–7 clauses)
	Mehweb Dargwa	no pref.	>second	high (7–8 clauses)

The proximal demonstrative in both languages is used when the referent exhibits a high level of activation, typically occurring beyond the second mention (in Kina Rutul), with central characters and at a short anaphoric distance (in both languages). The medial and the distal signal a lower level of referent activation than the proximal, displaying mixed properties with respect to the parameters considered. The medial in both languages is generally used at a short distance, most commonly as the second mention of the referent after its introduction. In Kina Rutul, the medial typically refers to secondary characters. In both languages, the distal is often used to reactivate a referent at a relatively long anaphoric distance from its previous mention. In Mehweb Dargwa, the distal typically occurs beyond the second mention.

In a broader perspective, similar mapping between types of demonstratives (here referred to as proximal, medial, and distal, irrespective of the orientation of the system) and discourse

parameters are attested in other East Caucasian languages for which such data are available (mostly within the Lezgian branch). For example, in Agul [Ganenkova et al. 2009: 17–23], Tsakhur [Toldova 1999: 670–674], Udi [Schulze 2008: 263] and Bagvalal [Ljutikova 2001: 615–680], as in Kina Rutul and Mehweb Dargwa, the proximal is associated with a higher level of referent activation and more frequently refers to more prominent characters comparing to the distal, which frequently appears in contrastive uses. Unlike in Kina Rutul and Mehweb Dargwa, where the medial is typically used for second mentions, in Agul – for which this parameter is discussed – such uses are fulfilled by the elevational demonstrative ‘below’ [Ganenkova et al. 2009: 20]. Outside East Caucasian, the association of the medial demonstrative with information less familiar to the addressee (secondary characters or recently introduced referents) is attested, for example, in Blackfoot (Algonquian; [Næss et al. 2020: 9]).

With respect to the default demonstrative in anaphoric uses, even closely related languages show considerable variation, which constitutes a potential topic for further investigation. In Tsakhur, the closest relative of Kina Rutul, the medial is the most frequent anaphoric demonstrative [Sosenskaja 1999: 131], unlike in both Kina Rutul and Mehweb Dargwa where it is the proximal and the distal, respectively. In Agul, as in Kina Rutul, the proximal is the most frequent demonstrative in narrative texts [Ganenkova et al. 2009: 16–17]. Kina Rutul and Mehweb Dargwa (as well as Agul) therefore diverge from the general tendency in three-term systems to recruit the medial demonstrative (rather than the proximal or distal) as the default anaphoric means [Diessel 1999: 39].

7. Conclusion

The present study offers the first comparison of anaphoric uses of demonstratives in two distantly related East Caucasian languages – a topic not previously addressed in research on these languages. Analysis of the distribution of demonstratives

in Pear Stories showed that the default demonstrative in terms of frequency differs across the languages: in Kina Rutul, the most frequent demonstrative is the proximal, while in Mehweb Dargwa it is the distal.

The demonstratives show different tendencies in terms of discourse prominence of the referent and number of its previous mentions. The proximal is often used referring to central characters (both languages) after second mentions (Kina Rutul). The medial typically refers to secondary characters (Kina Rutul) at second mentions (both languages). The distal often appears in mentions beyond the second (Mehweb Dargwa).

In terms of anaphoric distance, adnominal demonstratives tend to be used at greater distances from the previous mention of the same referent than pronominal demonstratives, which supports Givón's [1983: 17, 30] and Ariel's [1990: 73] findings that noun phrases used for reference tracking signal lower accessibility of the referent and therefore occur at greater distances than anaphoric pronouns.

Finally, I tested Ariel's [1990: 55] claim that proximal and distal demonstratives differ iconically in anaphoric distance and, consequently, in the accessibility of their referents, against data from Mehweb Dargwa and Kina Rutul, whose demonstrative systems are organized differently from those of the languages on which the claim was originally based. Building on Ariel's claim, I proposed a hypothesis, according to which the medial demonstrative is expected to occupy an intermediate position relative to the proximal and distal in terms of encoded degree of accessibility. While the iconic link between proximal and distal demonstratives and accessibility is supported for their adnominal uses – in both languages, the distal demonstrative, often used for referent reactivation, shows a greater average anaphoric distance as compared to one to two clauses for the proximal – no difference was found in their pronominal uses, where the anaphoric distance is similar for all demonstratives. The medial demonstrative does not pattern according to its exophoric semantics in terms of anaphoric distance. In both languages, the anaphoric distances associated with the

medial and proximal demonstratives are similar (regardless of the syntactic position), with the distance for the former often being even smaller than that for the latter.

One way to strengthen the results of the study would be to test the hypothesis on data from a language with a three-term monocentric system (as in Spanish [Diessel 1999: 39]). Demonstratives in monocentric systems might behave differently in their anaphoric uses, since their exophoric meanings are more strictly distance-based and can therefore be mapped more directly onto anaphoric distance than those in the polycentric systems examined here.

Abbreviations

1	Gender 1
2	Gender 2
3	Gender 3
4	Gender 4
ADD	additive
ADJ	(co)predicative adjective
AOR	aorist
APUD	spatial domain near the landmark
ATTR	attributive
AUX	auxiliary
COM	comitative
COMP	complementizer
CONT	spatial domain on the surface of the landmark
CVB	converb
DAT	dative
DIST	distal demonstrative
DOWN	direction downwards
EGO	egophoric
ERG	ergative
ESS	essive, static location in a spatial domain
EL	elative, motion from a spatial domain
F	feminine
FUT	future

H	human
HPL	human plural
IPFV	imperfective
IN	spatial domain inside a (hollow) landmark
INTER	spatial domain between multiple landmarks
LAT	lative, motion into a spatial domain
M	masculine
MED	medial demonstrative
MNR	manner
N	neuter
NF	non-feminine
NPL	non-human plural
OBL	oblique
ORD	ordinal numeral
OUT	motion from inside the landmark
PFV	perfective
PL	plural
PST	past
PV	preverb
R	borrowing from Russian
RE	refactive
SIMIL	similative
SUP	spatial domain on the horizontal surface of the landmark
UP	direction upwards

References

Anderson & Keenan 1985 — Anderson S. R., Keenan E. L. *Language Typology and Syntactic Description, vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon*. Deixis. Shopen T. (ed.). Cambridge, 1985, 259–308.

Ariel 1990 — Ariel M. *Accessing Noun-Phrase Antecedents*. London, 1990.

Boersma & Weenink 2023 — Boersma P., Weenink D. *Praat: Doing Phonetics by Computer* [computer program]. Version 6.4.58, 2023. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>

Chafe 1980 — Chafe W. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, NJ: Ablex, 1980.

Daniel 2015 — Daniel M. Logophoric reference in Archi. *Journal of Pragmatics*, 88, 2015: 202–219.

Diessel 1999 — Diessel H. *Demonstratives: Form, Function, and Grammaticalization*. Amsterdam, 1999.

Dobrushina 2019 — Dobrushina N. The language and people of Mehweb. *The Mehweb Language: Essays on Phonology, Morphology and Syntax*. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). Berlin, 2019, 39–72.

Dobrushina et al. 2017 — Dobrushina N., Staferova D., Belokon A. (eds.). *Atlas of Multilingualism in Dagestan Online*. Linguistic Convergence Laboratory, HSE, 2017. URL: <https://multidagestan.com>

Ganenkov 2019 — Ganenkov D. Case and agreement in Mehweb. *The Mehweb Language: Essays on Phonology, Morphology and Syntax*. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). Berlin, 2019, 189–234.

Ganenkov et al. 2009 — Ganenkov D., Maisak T., Merdanova S. Diskursivnaja anafora v agul'skom jazyke [Discourse anaphora in Agul]. *NeFestschrift: Statji v podarok (k jubileju A. Ye. Kibrika)*, 2009. URL: http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Ganenkov_etal.pdf (In Russ.)

Givón 1983 — Givón T. *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam, 1983.

Kibrik 2011 — Kibrik A. A. *Reference in Discourse*. Oxford, 2011.

Lakoff 1974 — Lakoff R. Remarks on this and that. *Berkeley Studies in Syntax and Semantics*. Fillmore C. J., Lakoff G., Lakoff R. (eds.). Berkeley, 1974.

Ljutikova 2001 — Ljutikova E. A. Anaphoricheskie sredstva [Anaphoric means]. *Bagvalinskij jazyk [Bagvalal language]*. Kibrik A. E. (ed.). Moscow, 2001, 615–702. (In Russ.)

Magometov 1982 — Magometov A. A. *Megebskij dialekt darginskogo jazyka: Issledovanie i teksty* [The Mehweb dialect of Dargwa: Study and texts]. Tbilisi, 1982. (In Russ.)

Maxmudova 2002 — Maxmudova S. M. *Grammaticheskiye klassy slov i grammaticheskije kategorii rutul'skogo jazyka* [Grammatical Word Classes and Grammatical Categories of the Rutul Language]. Makhachkala, 2002. (In Russ.)

Mukhin & Nasledskova 2025 — Mukhin T., Nasledskova P. Demonstrative pronouns in Kina Rutul. *Studies in Language*, 2025, 49(2): 456–477.

Næss et al. 2020 — Næss Å., Margetts A., Treis Y. Introduction: Demonstratives in discourse. *Demonstratives in Discourse (Topics at the Grammar-Discourse Interface 6)*. Næss Å., Margetts A., Treis Y. (eds.). Berlin, 2020, 1–21.

Schulze 2003 — Schulze W. The Diachrony of Demonstrative Pronouns in East Caucasian. *Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics*. Holisky D. A., Tuite K. (eds.). Amsterdam, 2003, 291–348.

Schulze 2008 — Schulze W. Deictic Strategies in Udi. *Udin'skiy sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka* [Udi Collection: Grammar, Lexicon, History of the Language]. Alekseev M. E., Maisak T. A. (eds.). Moscow, 2008, 241–310.

Sosenskaja 1999 — Sosenskaja T. B. Mestoimenija [Pronouns]. *Elementy tsakhurskogo jazyka v tipologicheskom osveschenii* [Elements of the Tsakhur language in typological perspective], Kibrik A. E. (ed.). Moscow, 1999, 129–152. (In Russ.)

Testeleets & Toldova 1998 — Testeleets Ya. G., Toldova S. Yu. Refleksivnyje mestoimenija v dagestanskih jazykah i tipologiya refleksiva [Reflexive pronouns in Dagestani languages and reflexive typology]. *Voprosy jazykoznanija*, 1998, 4: 35–57. (In Russ.)

Toldova 1999 — Toldova S. Yu. Mestoimjonnyje sredstva podderzhanija referentsyji [Pronominal means of maintaining reference]. *Elementy tsakhurskogo jazyka v tipologicheskom osveschenii* [Elements of the Tsakhur language in typological perspective], Kibrik A. E. (ed.). Moscow, 1999, 629–673. (In Russ.)

Тюркизмы в русском языке. Статистические данные по этимологии, употребительности и семантике¹

Олег Алексеевич Мудрак

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

omudrak@yahoo.com

В данной статье приводятся статистические результаты исследования, проведенного на базе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера. Предметом рассмотрения являлась тюркская лексика, а также иноязычная лексика, проникшая через посредство тюркских языков. В результате исследования удалось определить количественную характеристику заимствований, попавших в русский язык, из каждой из тюркских языковых подгрупп, основываясь на исторической фонетике и современных словарных данных.

Общее число нейтральных освоенных заимствований, проникших в русский язык чуть более 330, что составляет значительное количество лексики и характеризует интенсивность контактов между славянскими и тюркскими народами на протяжении столетий. Основными источниками тюркизмов являлись огузские и кыпчакские языки, и именно турецкий и татарский язык. Через тюркское посредство в русском осваивались ориентализмы, т. е. заимствования из арабского и персидского языков. Почти половина огузских заимствований этимологически является ориентализмами. Аттестация языка-посредника видна по фонетическому облику слов и значениям, проникшим в русский язык. Через кыпчакские и тюркские языки Сибири в русский язык проник поток монголизмов.

Из общего числа тюркизмов, которое на базе словаря оценивается как 1027, словами, имеющими ограниченное ареальное распространение, являются около половины. Из общего числа ориентализмов (269) ареальными являются около 40 %.

¹ Исследование поддержано проектом FMNE-2025-0003, выполняемом в Институте языкознания РАН.

При исследовании все заимствования снабжались семантическими пометами. Их апробированный список присутствует в статье. Наибольшее количество заимствований обнаруживается в семантических полях, связанных с человеком и обществом, с тканями и покрытиями, включая одежду, с названиями инструментов и приспособлений. Учитывая употребительность и распространенность заимствований, удается выделить поля, в которых присутствует наибольший процент усваиваемости лексики. И эти поля связаны с цветообозначениями, с коневодством и с товарно-денежными обозначениями. Наибольшее количество устаревшей лексики фиксируется для семантического поля, куда входит военная и охотничья лексика.

Ключевые слова: этимология, заимствования, семантические поля, тюркский, русский, турецкий, татарский, монгольский, арабский, персидский

Для цитирования: Мудрак О. А. Тюркизмы в русском языке. Статистические данные по этимологии, употребительности и семантике. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 194–229. DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-194-229

Turkic loanwords in the Russian language: Statistical data on etymology, usage and semantics

Oleg Alekseyevich Mudrak

*Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
omudrak@iling-ran.ru*

This article presents the statistical results of a study conducted using M. Vasmer's "Etymological Dictionary of the Russian Language." The subject of study was Turkic borrowings, as well as lexemes from other languages that entered Russian via Turkic languages. The study allowed us to quantify the number of loanwords from each Turkic language subgroup that entered Russian, based on historical phonetics and modern dictionary data.

The total number of neutral borrowings that entered Russian is just over 330, representing a significant amount of vocabulary and characterizing the intensity of contacts between the Slavic and Tur-

tic peoples over the centuries. The main sources of Turkic borrowings were Oghuz and Kipchak languages, specifically Turkish and Tatar. Orientalisms (i. e. borrowings from Arabic and Persian), were also adopted into Russian via Turkic languages. Almost half of the Oghuz loanwords are etymologically Orientalisms. The attestation of an intermediary language is evident in the phonetic form of words and meanings that have penetrated into Russian. Mongolian loanwords entered Russian via the Kipchak and Siberian Turkic languages.

Of the total number of Turkic borrowings, estimated at 1,027 based on Vasmer's dictionary, approximately half have a limited geographical distribution. Of the total number of Orientalisms (269), approximately 40% are geographically limited.

In our research all borrowings were provided with semantic tags. A verified list of these is included in the article. The greatest number of borrowings are found in semantic fields related to humans and society, fabrics and coverings (including clothing), and the names of tools and equipment. Considering the frequency and prevalence of the loanwords, it is possible to identify fields with the highest percentage of lexical borrowing. These fields are associated with color designations, horse breeding, and commodity and monetary designations. The largest number of obsolete words is found in the semantic field that includes military and hunting lexemes.

Keywords: etymology, borrowings, semantic domains, Turkic, Russian, Turkish, Tatar, Mongolian, Arabic, Persian

For citation: Mudrak O. A. Turkic loanwords in the Russian language: Statistical data on etymology, usage and semantics. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 194–229.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-194-229

В лексике любого языка кроме исконных слов, тех которые связаны регулярными фонетическими соответствиями с генетически родственными языками, обнаруживается определенное количество слов, проникших из другого языка. Такие слова часто характеризуются особым фонетическим обликом, присущим для языка-источника, невозможностью морфологического деления на корень и аффиксы, а также значениями, которые отмечены для языка, откуда попало это слово. В них не соблюдаются исторические фонетические соответствия, характерные для генетического родства.

Исторические контакты между восточными славянами и тюрками насчитывают более 1000 лет, и абсолютно естественно, что при этих контактах проникала и осваивалась чуждая по происхождению лексика, которая сохранилась до современности. Выявление и классификация этой лексики представляет довольно большой научный интерес.

Комплексная работа по выявлению тюркизмов в русском языке уже проводилась ранее. Отдельно было изучено нашумевшее электронное издание «2000 тюркских слов в русском языке». Оно сделано на базе книги Е. Н. Шиповой «Словарь тюркизмов в русском языке» [Шипова 1976]. Как оговорено в предисловии, текст не до конца распознан, и при цитации части параллелей нужно обращаться к первоисточнику или словарям. Это — решаемая проблема. Но более важным является анализ приводимых сравнений и тюркских этимологий.

В предисловии к электронному изданию приводится выборка (543 слова) наиболее распространенных и показательных тюркизмов из этого словаря, которые должны быть знакомы неподготовленному русскому читателю. Данный список стоит в разделе «Адденда» и назван издателями: «Тюркские слова в базисном русском лексиконе» [2000 тюркских слов: 26]. В результате анализа перечня показательных тюркизмов были получены результаты, описанные ниже.

В списке довольно часто обнаруживаются повторы, например, *калым* (164), *калым* (165), *малый* (280), *малый* (281), *мальчик* (282), *суровый* (382), *суровый* (383) и др. Таких повторов обнаружено, как минимум, 13, и, соответственно, список тюркизмов имеет не 543, а $530+6=536$ реальных вхождений. Цифра 6 отражает одиночные лексемы вместо повторов.

Из оставшегося краткого списка тюркизмов в русском языке (536) не являются (даже опосредованными) тюркизмами, как минимум, 208 слов. Ниже в алфавитном порядке приводятся эти слова, а в скобках даются их ближайшие этимологии или источники заимствований. Эти слова они составляют 39 % показательного списка тюркизмов, т. е. немногим меньше половины вхождений.

Адам (евр. через греч.); Алан (греч., лат.); амин = аминь (евр. через греч.); анаша (тадж.); артачиться (слав.); артель (итал.); атлас — ткань (через нем. или польск.);

багульник (от слав. 'болото'); балаган (монг.); балалайка (кавк.); баламут (монг.); балда в значении 'топор' (нет такого); баран (кавк.); барбарис (ср.-лат.); баю-бай (слав.); баян (слав.); безалаберный (лат. слово со слав. оформлением); бекрень (голл.); бергамот (франц.); бирка (герм.); богарный (неясн.); болван (неясн., венг.?); бормотать (слав.); буюрак (монг.); бурка (кавк.); бурлак (осет.); бурт (герм. через польск.); бусы (неясн.); бутуз (кавк.); бухты-барахты (неясн.); буян (слав.); бык (слав.); варлыжить (неясн.); взбалмошный рус. дериват от баламут (монг.); вишня (слав.); влага (слав.); власть (слав.); вол (слав.); волость (слав.); впросак (слав.); вурдалак (слав.);

газель (европ.); гайдук (венг.); гак (герм.); гашиш (европ.); гоголь (балт.-слав.); гурт (герм. через польск.); гурьба (герм. через польск.);

драгоман (франц.); дрохва = дрофа (слав.); дуга (слав.); дуда, дудка (слав.);

ендова — сосуд (балт.); ермолка (кавк.); Ессендуки (кавк.); жасмин (европ.); жупан (итал.);

зотор (слав.); зипун (итал.);

казакин (франц.); калач (слав.); калика (ср.-греч.); капа? (неясн.); караван (европ.); карась (слав.); карий (осет.); карман (из рус. в соседние тюрк.); кастить = костить (или слав., или лат.); каторга (ср.-греч.); каяк (эск.); кент (кавк.); кепка (англ.); киоск (франц.); кисет (неясн.); кичка (слав.); кишмиш (кавк.); клячить (нет такого); кобель (осет.); ковш (балт.-слав.); коза (слав.); колбаса (слав. или евр.); колган (нет такого); колика (греч., лат.); колон (нет такого); колонок (тунг.); колтун (слав.); кольчуга (слав.); кондачок (греч.); корчага (кавк.?); косяк (слав.); кочерга (кавк.); кошма (неясн.); кремль (слав.); крюк (герм.); кукушка (слав.); кулак (кавк.); культя (слав., греч.); кума, кум (слав.); курабье (франц.); курага (кавк.); курень (монг.); лаваш (кавк.);

лагман (кит.); лагуна (лат. через нем.); латка (кавк.); лебеда (слав.); леший (слав.); лимон (через греч.); луфарь (греч.);

мазут (рус. при араб. контаминации); *мал* ‘скот’ (нет такого); *малахай* (монг.); *малый* (слав.); *мальчик* (слав.); *манты* (кит.); *марал* (монг.); *маяк* (слав.); *мезга* (слав.); *мех* (слав.); *мишура* (неясн., заим. в тат.); *могила* (слав.); *мусор* (греч.);

набалдашник — дериват от *балда*; *наргиле* ‘кальян’ (нет такого); *науськать* (кавк.);

огульно (польск., балт.-слав.); *одалиска* (греч.); *олух* (слав.?); *опара* (слав.); *осина* (слав.); *осот* (слав.); *отсуживать* (слав.);

палач (кавк.); *палаш* (венг.); *пахмурный* (слав.); *пиала* (греч.); *пурга* (фин.-угор.); *пустельга* (слав.);

разгильдй (слав.);

сабля (венг.); *сани* (слав.); *сель* (кавк.); *сечь, засечь* (слав.); *слон* (осет.); *смакать* (балт.); *собака* (иран.); *сор* (балт.-слав.); *стакан* (слав.); *Судак* (город, осет.); *сумбур* (неясн.); *суровый* (слав.);

табанить (фин.-угор.); *таз* (европ., кавк.); *тайга* (монг.); *таракан* (вост.-слав., не тюрк.); *таран* (нем., итал.); *тарань* (неясн., северное); *тафта* (итал.); *тебеневать* (монг.); *теленки, теля* (слав.); *терем* (греч.); *топаз* (греч.); *тормоз* (греч.); *тормошить* (слав.); *туесок* (фин.-угор.); *тумак* (балт.-слав.); *тучный* (слав.); *туша* (слав.); *тюрьма* (европ.); *тюря* (балт.?); *тюрячить* (нет такого); *тяпка* (слав.);

уйма (слав.); *упырь* (слав.); *ура* (монг.); *ураган* (франц.); *Урал* (фин.-угор., манси); *урон* (слав.); *ушкуйник* (фин.-угор.);

ханжа (неясн., араб.?); *хапать* (слав.); *хашиш* (европ.); *хоругвь* (монг.);

чан (слав.); *черемша* (балт.-слав.); *чинара* (кавк.); *чирикать* (балт.-слав.); *чувяки* (неясн.); *чумазый* (слав.?); *чучело* (кавк.);

шакал (европ.); *шаль* (франц.); *шаровары* (кавк.); *шатер* (венг.); *шафран* (европ.); *шашлык* (кавк., сомнительно тюрк.); *шерешир* (неясн.); *шериф* (англ.); *шершавый* (слав.); *шишак* (венг.); *шишка* (слав.); *шурга* (монг.); *шурум-бурум* (неясн.);

щи (герм.);

яга ‘старуха’ (кавк.); *яр* ‘сакральное’ (?) (слав.); *ярый* (слав.); *яхонт* (нем. через польск.); *ящик* (герм. через польск.).

Авторами показательного списка тюркизмов предполагается, что эти слова известны «культурно российскому человеку», и даже, что «это — эквивалент 19-ого века словарного запаса 9-тиклассника» [2000 тюркских слов: 26]. Однако в списке диалектные и узкоспециальные слова, (т. е. стилистически и терминологически маркированная лексика) составляют 178 примеров из 326 тюркизмов или ориентализмов, допускающих тюркское посредство. И это равно 54 % к общему количеству тюркизмов. С уверенностью можно заключить, что в более чем половине показательных примеров представлена периферийная, а не общеупотребительная лексика.

Если предполагать, что показательный список отражает распределение остальной части словаря тюркизмов, то максимальное количество тюркизмов (прямых и опосредованных) вырисовывается в объеме 1220 слов. Однако в реальности процентное соотношение «настоящих» тюркизмов может быть ниже по сравнению с выборкой показательной лексики. Соответственно и число тюркизмов уменьшится.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о значительно завышенном числе тюркизмов в монографии Е. П. Шиповой, а также о ее непредставительности для научного пользования.

Для того чтобы попробовать решить проблему тюркских заимствований, проникших в русский язык, был проведен анализ всей лексики «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера, где им привлекались тюркские сравнения. Для этого, кроме исторической интерпретации места и времени контакта, необходимо знать историческую фонетику тюркских языков и конкретно основных подгрупп тюркской языковой группы. Основные положения тюркской реконструкции изложены в 2-х томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [Региональные реконструкции 2002; Пратюркский язык-основа 2006]. С опорой на знания межъязыковых тюркских соответствий в большинстве случаев по фонетическому облику можно определить предполагаемый источник за-

имствований. Разумеется, кроме фонетических критериев, также должен работать семантический, и значение в языке-источнике в лучшем случае должно или прямо соответствовать значению в русском языке, или демонстрировать типичный семантический переход.

Этимологический словарь М. Фасмера был выбран как объект исследования по нескольким причинам. Данный словарь был закончен к середине XX века. К этому времени еще активно сохранились традиционные элементы хозяйствования, сложившиеся в предыдущие века. В сельских местностях техника еще не заменила коневодство, сохранялись приусадебное животноводство, семейное возделывание земли (пашен, садов, огородов), первичная обработка урожая, домашнее ткачество, строительство и кустарное изготовление посуды и инструментов. Лексика, сопутствующая этим занятиям, была актуальной и широко известной. К середине XX в. тюркология уже сложилась как область языкознания, и были опубликованы сравнительные словари тюркских наречий, словари тюркских памятников. В результате создания новых письменностей для тюркских народов Советского Союза появились переводные словари многих тюркских языков, и объем тюркской лексики существенно увеличился для исследований. М. Фасмер получил образование как славист и индоевропеист и на очень высоком уровне владел методологией компаративистических сравнений, и в большинстве случаев его оценка внешних этимологий не вызывает нареканий даже на современном уровне развития тюркологии. В этимологическом словаре М. Фасмера присутствует более 18200 лексических вхождений, и его материал позволяет довольно точно оценить уровень влияния тюркских народов и их языков на русскую лексику.

При анализе тюркизмов, попавших в русский язык, была использована электронная этимологическая база (мультифункциональной лингвистической системы Starling), сделанная на основе 2-го издания «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера в 4-х томах [Фасмер 1986–1987]. Текст печатного варианта книги был отсканирован и распо-

знан М. А. Даниэлем и А. Н. Головастиковым и переведен в базу данных С. А. Старостиным на рубеже 2000 г.

В данной словарной базе был проведен анализ всей лексики, где привлекались тюркские сравнения. В соответствии с поставленной задачей были проверены все этимологии, где упоминались следующие названия тюркских языков и диалектов [в списке ниже их подача в большей степени соотнесена с генетическими подгруппами тюркских языков]:

азерб.	азербайджанский,
тур.	турецкий,
туркм.	туркменский — ОГУЗСКИЕ ЯЗЫКИ;
балкар.	балкарский,
бараб.	барабинско-татарский,
башк.	башкирский,
казах.	казахский,
караим.	караимский,
карач.	карачаевский,
кирг.	киргизский,
крым.-тат.	крымско-татарский,
куман.	половецкий (средневековый),
кыпч.	кыпчакский (средневековый),
тат.	татарский,
тоб.	тобольско-татарский — КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ;
тар.	таранчи, совр. уйгурский,
турфанск.	турфанско-уйгурский,
уйг.	уйгурский,
чагат.	чагатайский — КАРЛУКСКИЕ ЯЗЫКИ;
алт.	алтайский,
койб.	койбальско-хакасский,
леб.	лебединско-алтайский,
саг.	сагайско-хакасский,
тел.	телеутско-алтайский,
тувинск.	тувинский,
шор.	шорский,

якутск.	якутский — СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ , точнее — не являющиеся кыпчакскими тюркские языки Сибири;
булг.	булгарский,
чув.	чувашский — БУЛГАРСКИЕ ЯЗЫКИ .

Данное распределение языков по группам дальше используется при анализе материала. В большом количестве случаев были уточнены и добавлены новые этимологические схождения (около 130 этимологий).

Модификация структуры этимологической базы. Поле ЕТУ

В структуре базы словаря М. Фасмера было создано поле ЕТУ, куда была внесена информация о предположительном источнике слова. Для этого поля применяется нотация: Т — тюркские, О — огузские (О* — именно *турецкий*), Q — кыпчакские (Q* — именно *татарский*), U — карлукские, S — тюркские языки Сибири, В — булгарские (В* — современный *чувашский*). В случае неоднозначной этимологической трактовки могут быть последовательные сочетания QO (кыпчакское или огузское), OU (огузское или карлукское), QU (кыпчакское или карлукское) и т. д. Это касается случаев с этимологиями 1-го порядка, т. е. когда заимствование отражает тюркское исконное слово, как правило, имеющее алтайскую этимологию.

Также были учтены заимствования 2-го порядка — ориентализмы (арабо-персидские заимствования), иранские, монгольские слова, а также слова из других языковых групп, которые предполагали тюркское посредство при проникновении в русский язык. Обоснование учета заимствований 2-го порядка и сопутствующие проблемы этимологизации хорошо изложены в работе [Сухова 2018]. Для существующих заимствований 2-го порядка в данном поле применяется следующая нотация этимологических источников проникновения: А — арабский, Р — персидский,

М — монгольские, G — греческий, С — кавказские языки (не-тюркские, неиранские языки Северного и Южного Кавказа), I — иранские (не литературный персидский, за редкими исключениями, — осетинский). Как и в предыдущих примерах, допускаются буквенные сочетания в случае неуверенного определения первоисточника заимствования, например, AP (арабский или персидский).

Как уже упоминалось, на основе новых тюркских словарных материалов была проведена работа по уточнениям и дополнениям предполагавшихся тюркских заимствований, присутствовавших в словаре М. Фасмера. Последующий анализ выявленных тюркских источников заимствований дал следующие результаты.

Из более чем 18200 лексических вхождений словаря М. Фасмера прямыми тюркизмами или заимствованиями, проникшими через тюркское посредство, являются 1027 слов. И это довольно существенное количество.

Из этой суммы надежными огузскими заимствованиями являются 327 слов (32 % тюркизмов), из них именно турецкими по происхождению — 285 слов, т. е. 87 % огузских заимствований попадали через турецкий язык.

Объем надежных кыпчакских заимствований составляет практически совпадающую цифру — 322 слова (31 % тюркизмов), из них именно татарских — 198 слов, и это — 61 % кыпчакских заимствований, т. е. более половины всех случаев.

Разительно отличается количество карлукских слов — 41 случай (4 % тюркизмов).

С ним соизмеримо количество заимствований из тюркских языков Сибири — 35 слов (3 % тюркизмов).

Количество булгарских заимствований уже значительно больше — 116 случаев (11 % тюркизмов), из них заимствовано из современного чувашского языка — 61 слово, что составляет 53 % булгарских заимствований. Таким образом, появление половины булгаризмов соотносится с ранней исторической эпохой существования контактов с дунайскими и волжскими булгарами.

Довольно большое количество примеров составляют тюркизмы, для которых невозможно однозначно определить источник заимствования по фонетическим критериям: группа огузских или кыпчакских заимствований состоит из 145 слов (14 % тюркизмов), группа кыпчакских или карлукских заимствований — из 23 слов (2 % тюркизмов), и это — самые многочисленные группы таких случаев. Остальные возможные комбинации из тюркских языковых подгрупп исчисляются единичными примерами.

Крайне интересной информацией является анализ тюркизмов 2-го порядка, т. е. случаев, когда заимствования из третьих языков попадали через тюркское посредство. Далее даются количественные характеристики опосредованных иноязычных заимствований, включая их соотношение с общим количеством тюркизмов.

Ориентализмы (арабо-персизмы), проникшие через тюркские языки, составляют 269 примеров (26 % от общего числа тюркизмов). При этом через огузское посредство попали 148 слов (45 % — почти половина надежных огузских заимствований). Через кыпчакское посредство попали 52 слова (всего лишь 16 % надежных кыпчакских заимствований). В группе, где возможно как огузское, так и кыпчакское посредство, отмечено 36 слов (25 % от всех неясных огузо-кыпчакских случаев). Через карлукские языки проникло 12 слов (29 % надежных карлукских заимствований). А для болгарских промежуточных заимствований — 16 случаев (14 % от всех болгаризмов). По максимуму, заимствования, прошедшие через огузские языки, составляют $148+36=184$ случая, что составляет 68 % (или две трети) всех ориентализмов, проникших в русский язык. Судя по болгарским данным, контактная арабо-персидская лексика начала проникать в тюркские языки до повсеместного распространения ислама еще в эпоху славянско-болгарских языковых контактов.

Монголизмы, проникшие через тюркское посредство, составляют 86 случаев (8 % от общего числа тюркизмов). Через огузские языки попали 8 слов (2 % надежных огузских заимствований). Через кыпчакское посредство прошли 43 слова

(13 % надежных кыпчакских заимствований). В группе, где возможны огузское и кыпчакское посредство, отмечено 6 слов (4 % от всех огузо-кыпчакских случаев). Через карлукские языки проникло 5 слов (12 % карлукских заимствований). Через тюркские языки Сибири попало 17 слов (49 % всех сибирских тюркизмов). Через болгарские языки прошло 2 слова (2 % всех болгаризмов). Активное проникновение монголизмов в тюркские и русский языки начинается в ордынскую эпоху, что обусловлено политическим доминированием монголов. Поздняя контактная лексика из тюркских языков Сибири отражает в половине всех случаев культурную монгольскую составляющую.

Кавказизмы, проникшие через тюркское посредство, представляют 52 случая (5 % от общего числа тюркизмов). Через огузские языки проникли 30 слов (9 % надежных огузских случаев). Через кыпчакское посредство попало 5 слов (2 % кыпчакизмов). Для огузо-кыпчакского неидентифицированного посредства отмечено присутствие 7 слов (5 % неясных случаев). Через болгарское посредство попало 6 слов (5 % болгаризмов). Основная масса кавказизмов осваивается через огузские языки. Любопытно, что в своем соотношении количество промежуточных болгаризмов соотносимо с количеством промежуточных кыпчакизмов, и это некой мере отражает историческое нахождение болгар в Предкавказском ареале.

Осетинские и другие иранские слова (за исключением персизмов), проникшие через тюркское посредство, составляют 30 случаев (3 % тюркизмов). Через огузское посредство попали 7 слов (2 % огузских случаев). Через кыпчакское — также 7 слов (2 % кыпчакских случаев). Через огузское или кыпчакское — 5 слов (3 % неясных случаев). Через болгарское — 8 слов (7 % болгаризмов). Удивляет равномерное распределение осетинских слов, проникших через огузские, кыпчакские и болгарские языки.

Грецизмы, проникшие через тюркское посредство, представляют 19 слов (2 % тюркизмов). Из них через огузское посредство попали 16 слов (5 % огузизмов). Через кыпчак-

ское — 2 слова (менее 1 % кыпчакизмов), а через неясное огузское или кыпчакское посредство еще 1 случай. Таким образом, поздние греческие заимствования проникали через турецкий язык (огузские языки).

Модификация структуры этимологической базы. Поле STYLE

Кроме упомянутого выше поля ЕТУ, в структуре компьютерной базы этимологического словаря М. Фасмера было создано поле STYLE. В этом поле промаркированы стилистические характеристики и употребительность русских тюркизмов. Используются следующие значимые маркеры:

АР	ареальное, диалектное слово, не имеющее общего распространения,
ОН	общераспространенное нейтральное слово,
РАЗГ	разговорное слово, редко допустимо в письменной речи,
УСТ	устаревшее слово.

Как и в ситуации с полем ЕТУ, в данном поле допустимы сочетания помет. Как правило их бывает не более двух, очень редко встречаются три пометы.

В целом, среди русских тюркизмов количество общеупотребительных слов (имеющих помету ОН) составляет 333 примера, т. е. чуть больше трети выявленных тюркских заимствований. Количество слов с пометой АР, распространенных в конкретном ареале, значительно больше — 491 случай, и это — практически половина обнаруженных тюркизмов. Количество устаревшей лексики (с пометой УСТ) — 261 слово, причем часто нет возможности понять его узко местный или всеобщий характер. Стилистически связанные с разговорной речью слова (с пометой РАЗГ) образуют довольно узкую группу, насчитывающую 69 вхождений.

Интересно проследить соотношение указанных помет с конкретными группами заимствований по их источникам. Ниже дается таблица, в которой показано распреде-

ление помет по исходным языкам и подгруппам. В ней в последнем столбце «сумма» указано общее количество заимствований из данной подгруппы или языка. В ячейках кроме цифрового обозначения встречаемостей дается процентное соотношение к общему числу заимствований из этого источника. *Превышение* процентной нормы *по отношению к полю «тюрк.»* сопровождается заливкой ячейки. Для случаев, где меньше 100 примеров всех заимствований из конкретного источника, проценты даются в угловых скобках, как в некоторой степени сомнительные.

Таб. 1. Распределение тюркизмов по их употребительности

	ОН	АР	УСТ	РАЗГ	сумма
тюрк.	333 32 %	491 48 %	261 25 %	69 7 %	1027
тур.	75 26 %	138 48 %	97 34 %	14 5 %	285
огуз.	95 29 %	152 46 %	106 32 %	18 6 %	327
огуз. или кыпч.	60 41 %	62 43 %	29 20 %	12 8 %	145
тат.	69 35 %	104 53 %	29 15 %	15 8 %	198
кыпч.	105 33 %	165 51 %	54 17 %	25 8 %	322
чув.	13 <21 %>	43 <70 %>	9 <15 %>	4 <7 %>	61
булг.	39 34 %	52 45 %	32 28 %	8 7 %	116
карл.	12 <29 %>	17 <41 %>	18 <44 %>	2 <5 %>	41
сиб.	7 <20 %>	26 <74 %>	3 <9 %>	0	35

Что показывают данные этой таблицы? Слова, проникшие из кыпчакского и болгарского источника, в большей степени имеют склонность сохраняться как русские общеупотребительные слова с нейтральным значением (столбец

ОН). Это касается также и современного татарского языка как источника заимствований в последние столетия. Эта ситуация отличается от случая с современным чувашским языком, из которого прижилось довольно мало слов в отличие от ранних болгарских заимствований. Столбцы АР и УСТ фактически распределены. Они отражают периферийную лексику, разнесенную с нормой по месту (АР) и по времени (УСТ). В тех случаях, когда контакт продолжается, заимствование сохраняется хотя бы в ограниченном географическом ареале, а когда активный контакт утерян, слово еще какое-то время сохраняет статус «устаревшего» с последующим вероятным исчезновением. Утеря слова может происходить не только в результате прекращения физических контактов носителей, но и при смене хозяйственного уклада, технологий, государственного устройства и т. д. Любопытно, но обращает на себя внимание то, что слова со стилистической пометой «разговорное» имеют тот же самый процент во всех случаях, независимо от языка-источника заимствований. Это требует особой интерпретации. Особое замечание можно сделать для группы слов с неясным огузским или кыпчакским источником: большой процент заимствований в столбце ОН, скорее, указывает на предпочтительную трактовку основной массы таких случаев как заимствования из кыпчакских языков.

Интересно проследить распределение помет в поле STYLE для больших групп опосредованных заимствований (т. е. заимствований 2-го порядка) — ориентализмов и монголизмов. Ниже сначала рассматривается аналогичная по устройству таблица арабо-персидских заимствований, в которой заливкой выделяются ячейки с большими процентами, чем в общетюркском поле. В таблице ориентализмов, в отличие от предыдущей, отсутствуют поля для конкретных языков в силу малочисленности в них количества рассматриваемых слов, а также отсутствует поле сибирских языков в силу естественно-исторических причин. Статистически сомнительные процентные соотношения даются в угловых скобках.

Таб. 2. Освоение ориентализмов по их употребительности

	ОН	АР	УСТ	РАЗГ	сумма
тюрк.	95 35 %	106 39 %	91 34 %	21 8 %	269
огуз.	52 35 %	58 39 %	51 34 %	11 7 %	148
огуз. или кыпч.	15 42 %	15 42 %	9 25 %	2 6 %	36
кыпч.	19 37 %	22 42 %	18 35 %	5 10 %	52
булг.	6 <38 %>	6 <38 %>	5 <31 %>	2 <13 %>	16
карл.	3 <25 %>	5 <42 %>	7 <58 %>	1 <8 %>	12

Как и в предыдущей таблице, *превышение* процентной нормы по отношению к полю «тюрк.» сопровождается заливкой ячейки. В этой таблице присутствуют показательные процентные соотношения: фактически «в лоб» совпадают проценты в общетюркском и огузском полях. Это легко объяснимо тем, что в процентном соотношении через огузские языки прошло $148/269=55\%$ арабо-персидских заимствований. Процентное распределение по пометам для 55 % всех случаев по своей структуре совпадает и для 100 %. Как и в предыдущей таблице, группа неясных огузо-кыпчакских слов, скорее, отражает кыпчакскую ситуацию за исключением устаревших слов. Ввиду ограниченного числа лексики «подскок» процентов в столбце РАЗГ для кыпчакских и болгарских языков не превышает статистической погрешности: при кыпч. 4-х словах будут ожидаемые 8 %, а при булг. 1-м слове — 6 %. Карлукские данные отличаются своей периферийностью (АР, УСТ) и немногочисленностью.

Таблица монгольских заимствований, попавших через тюркские языки, устроена аналогично предыдущей таб. 2. И в ней также заливкой выделены бóльшие проценты, чем в общетюркском поле, а статистически сомнительные процентные соотношения помечены угловыми скобками.

Таб. 3. Освоение монголизмов по их употребительности

	ОН	АР	УСТ	РАЗГ	сумма
тюрк.	31 36 %	36 42 %	23 27 %	4 5 %	86
огуз.	3 <43 %>	1 <14 %>	3 <43 %>	0	7
огуз. или кыпч.	3 <50 %>	2 <33 %>	2 <33 %>	0	6
кыпч.	17 47 %	19 53 %	8 22 %	4 11 %	36
булг.	0	0	2 <100 %>	0	2
карл.	1 <20 %>	1 <20 %>	4 <80 %>	0	5
сиб.	3 18 %	12 71 %	3 18 %	0	17

Довольно высокий процент в столбце ОН в тюркском поле связан с тем, что там присутствует определенное количество параллелей, в которых, наоборот, само монгольское соответствие может быть заимствовано из тюркских языков, это слова *богатырь*, *бурхан*, *каган*, *телёга*. Анализ данных этой таблицы показывают, что основная масса общеупотребительных русских монголизмов была заимствована через кыпчакские языки. Обилие ареальной лексики, проникшей через кыпчакские языки и тюркские языки Сибири, также находит объяснение в том, что в зонах кыпчакского и сибирского ареалов проходил непосредственный контакт с монгольским населением. Большие процентные соотношения в столбце УСТ для огузских, огузо-кыпчакских, болгарских и карлукских языков, похоже, фиктивны и опосредованно отражают лишь ограниченное количество заимствований, попавших через эти языки.

Модификация структуры этимологической базы. Поле SEM

Кроме рассмотренных выше полей ETY и STYLE в структуре компьютерной базы этимологического словаря М. Фасмера было создано еще одно поле под названием SEM. В него была введена лексико-грамматическая информация для каждого конкретного русского слова, являющегося тюркским заимствованием. Эта информация была разбита по нижеследующим значимым семантическим (и грамматическим) полям. Применение такого типа разбивки было апробировано и применялось в авторском цикле статей [Мудрак 2014, 2016, 2017, 2018] — для заимствований в осетинском языке, [Мудрак 2022] — для заимствований в финно-угорских языках, [Мудрак 2023] — для заимствований в тюркских языках.

В базе присутствуют следующие сокращения полей (они упорядочены по латинскому алфавиту):

ABS	абстрактное, отвлеченное понятие
ADJ	прилагательные, наречия
AIR	воздух, погода
ARCH	строения, домашняя, сельскохозяйственная утварь
BEAST	звери, дикие животные
BIRD	птицы
BODY	тело
BODY-A	руки, верхняя часть тела
BODY-H	голова
CLOTH	ткани, покрытия
CLOTH-A	покрытия на верхнюю часть тела
CLOTH-H	покрытие головы
CLOTH-L	покрытие ног, нижней части тела
CLOTH-R	веревки
(COLOR)	цвет
DA	домашние животные
DA-F	самка домашних животных
DA-M	самец домашних животных

DA-N	детеныш домашних животных
DOC	письмо, знаки
DP	домашние (сельскохозяйственные) растения
DPC	злаки
FOOD	пища
(FIRE)	огонь
(FRUIT)	фрукты, ягоды, плоды
GROUND	почва
(HS)	лошади, верблюды и другие
	тягловые животные
(HS*)	только лошади
LAND	земля, рельеф
LIQ	жидкости, мази
(MES)	мера, число; кванторное слово
MET	металлы
(MON)	деньги, торговля
(MOVE)	движение
MYTH	мифологическое, религиозное
PLANT	растения
(POP)	народы
PP	части растений
(PRED)	хищник
(QUIT)	смерть, болезнь
(RUM)	жвачные
SOC	общество, человек
SOC-F	женщины
SOC-M	мужчины
STONE	камни
(TOOL)	инструменты, устройства, приспособления
TREE	дерево, кустарник
VERB	глаголы
VESS	емкости
(WAR)	война, охота
WORD	слова, речь, звуки
WORD*	личные имена
WORM	черви, насекомые, пресмыкающиеся, рыбы
WORM*	червь, насекомые, пресмыкающиеся.

В словарных вхождениях могут присутствовать как одно, так и несколько сокращений, но как правило, обычно бывает 1-2 и не больше 4-х. В круглых скобках даны сокращения, которые не выступают изолированно, а только в сочетании с другим нейтральным сокращением. Со смещением вправо даны композитные пометы, которые являются производными от нейтральных помет. Обычно используются добавочные символы H, A, L, F, M... и постпозитивная звездочка *. Кроме того в поле SEM могут присутствовать добавочные обозначения «+» и «=». Первое обозначает ярко выраженные положительные коннотации слова, его связи с более высоким статусом и его употребление в позитивных контекстах, второе — отрицательные коннотации, связи с пониженным статусом и предпочтительное употребление в негативных контекстах.

Ниже дается таблица, в которой представлен условный вес каждого семантического поля по общему уровню встречаемости в русской лексике из материалов этимологического словаря М. Фасмера. Подмножества полей набраны уменьшенным кеглем — это касается обозначений CLOTH-A, CLOTH-H, CLOTH-L, CLOTH-R и CLOTH' (= «чистый» CLOTH без помет внутри базы), а также HS* (лошади) как подмножество поля HS (тягловые животные), DPC (злаки) как подмножество DP (домашние растения). В таблице в столбце «сумма» дается общее количество встречаемостей с конкретным семантическим полем. В ней приведены поля, где сумма слов не меньше 20, т. е. «представительные» семантические поля. В двойной рамке таблицы находятся многочисленные поля с числом вхождений более 50-ти. В столбце «композит.» отражено общее количество сочетаний с другими семантическими пометами и его процентное соотношение к общему количеству помет данного семантического поля. Для наглядности восприятия заштрихованы ячейки, где проценты сочетаний семантических помет меньше 50-ти.

Сразу стоит отметить, что помет со знаком «=», выражающим отрицательные коннотации, встретилось 105, а помет со знаком «+», выражающим положительные коннотации, —

96. Таким образом, их, примерно, равное количество и расхожее мнение о том, что тюркизмы заимствовались для передачи экспрессивно окрашенной негативной лексики, не имеет под собой оснований.

Таб. 4. Условный вес семантических полей по встречаемости

поле	сумма	композит.
SOC	231	164 71 %
CLOTH	193	95 49 %
(TOOL)	125	125 100 %
LIQ	114	109 96 %
ABS	88	72 82 %
CLOTH`	85	59 69 %
FOOD	84	76 90 %
VESS	73	70 96 %
ARCH	72	69 96 %
(WAR)	69	69 100 %
DP	62	46 74 %
(HS)	54	54 100 %
MYTH	44	38 86 %
(MES)	43	43 100 %
CLOTH-A	39	11 28 %
DA	39	28 72 %
WORD	39	38 97 %
LAND	38	30 79 %
BEAST	35	20 57 %
TREE	33	25 76 %
PLANT	32	15 47 %
(HS*)	31	31 100 %
WORM	31	28 90 %
(MON)	29	29 100 %
CLOTH-H	27	7 26 %
BODY	25	18 72 %
DPC	25	20 80 %
CLOTH-L	23	3 13 %

(COLOR)	23	23 100 %
BIRD	20	7 35 %
CLOTH-R	20	16 80 %

Интересно проследить закономерности появления заштрихованных ячеек в последнем столбце, т. е. таких случаев, где преобладают *одинокые семантические пометы*. Необходимо оговорить, что поле CLOTH является объединением собственно CLOTH` (в узком смысле — без уточняющих помет), CLOTH-A, CLOTH-H, CLOTH-L и CLOTH-R. Эти маркированные поля по своей частотности довольно многочисленны и также фигурируют в настоящей таблице. Даже общее поле CLOTH с 49 % фактически находится на пограничной отметке, отражая общую тенденцию, а поля CLOTH-A, CLOTH-H, CLOTH-L, CLOTH-R уже сами по себе являются композитными и означают соответственно некое «покрытие, ткани» на верхнюю часть тела, на голову, на нижнюю часть тела и веревки. Таким образом, их «серость» отражает фактическое наличие композитов с 3-м значением, т.е. композитов 2-го порядка. Остаются лишь поля PLANT и BIRD — в них в поле PLANT присутствуют названия (травянистых) растений в отличие от TREE (деревья, кусты) и это — фактические композиты от названий нейтральных растений, а поле BIRD — для названий птиц — также можно объяснить как композитное сложение BEAST и AIR. Исходя из возможности трактовки указанных полей как композитов, «серость» ячеек снимается, и ее можно считать незначимой информацией.

Ниже дается модификация таблицы семантических полей (таб. 4), но уже упорядоченная по процентам общеупотребительных нейтральных слов (ОН) по отношению ко всем вхождениям данного семантического поля. Помета ОН в компьютерной базе словаря М. Фасмера находится в поле STYLE. Вне двойной рамки присутствуют семантические поля, где процент общеупотребительных слов меньше 30-ти, а выделенные рамкой семантические поля для наглядности помечены заливкой.

Таб. 5. Частотные семантические поля по уровню общего освоения их лексики

поле	сумма	ОН
(COLOR)	23	12 52 %
(HS*)	31	14 45 %
(MON)	29	13 45 %
ARCH	72	32 44 %
CLOTH-H	27	12 44 %
BODY	25	11 44 %
ABS	88	36 41 %
(HS)	54	22 41 %
MYTH	44	18 41 %
DP	62	24 39 %
TREE	33	13 39 %
BEAST	35	13 37 %
DA	39	13 33 %
SOC	231	75 32 %
CLOTH	193	57 30 %
(TOOL)	125	37 30 %
CLOTH-L	23	07 30 %
CLOTH-R	20	06 30 %
FOOD	84	24 29 %
WORD	39	11 28 %
LAND	38	10 26 %
BIRD	20	05 25 %
LIQ	114	25 22 %
(WAR)	69	15 22 %
PLANT	32	07 22 %
CLOTH-A	39	08 21 %
DPC	25	05 20 %
VESS	73	14 19 %
WORM	31	05 16 %
(MES)	43	06 14 %

Чуть больше половины слов, связанных с обозначениями цвета (COLOR), вошли в современный русский язык как общераспространенная лексика. Из материалов таблицы видно, что следующий наибольший процент освоенной тюркской лексики приходится на поля HS* (коневодство) и MON (товарно-денежные отношения). Для второго случая стоит отметить расхожее мнение, что русская коневодческая лексика заимствована из тюркских языков. В действительности — основная масса коневодческой лексики в русском языке является исконной, а тюркскими по происхождению являются лишь 14 общеупотребительных слов этого семантического поля. Однако вне всяких сомнений, тюркская коневодческая лексика была востребована и вошла в фонд современного русского языка вместе с культурными достижениями тюркских народов. Любопытно, что 4 одинаковых слова фигурируют как в 1-ой, так и 2-ой строчке, и это — названия окрасов (мастей) лошади. Неожиданным является большой процент усвоенных тюркских слов из поля MON, а это показывает немаловажную роль торгового фактора при контакте народов. Близки по процентному соотношению освоенных слов поля ARCH (строения, домашняя утварь), CLOTH-H (покрытия головы) и BODY (части тела). Любопытно, что все три верхних поля являются композитными и встречаются лишь в связке с другим семантическим полем.

В выделенной части таблицы заслуживает внимание присутствие полей HS (общего поля тягловых домашних животных), DP (домашних растений), TREE (деревьев и кустарников), BEAST (зверей, диких животных), DA (домашних животных), а также CLOTH-L (покрытия нижней части тела) и CLOTH-R (веревки), в отличие от CLOTH-A (покрытия верхней части тела). Первая группа указывает на всесторонний охват лексики, связанной с растениями и животными, который не зависел от чисто кочевого способа хозяйствования. Вторая — вместе с CLOTH-H — на степень влияния тюркской манеры одеваться.

Далее представлена аналогичная таблица частотных семантических полей, упорядоченная по процентам устаревших слов (УСТ) по отношению ко всем вхождениям данного семантического поля. Помета УСТ также присутствует в базе в поле STYLE. Но здесь в отличие от предыдущей таблицы, вне двойной рамки даются семантические поля, где процент устаревших слов меньше 20-ти. В первом столбце заливкой ячеек обозначены семантические поля, которые находятся внутри двойной рамки в таб. 5.

Таб. 6. Частотные семантические поля по уровню устаревания их лексики

	сумма	УСТ
(WAR)	69	46 67 %
CLOTH-A	39	19 49 %
WORD	39	16/9 41 %
SOC	231	87 38 %
CLOTH-H	27	10 37 %
CLOTH	193	70 36 %
(COLOR)	23	08 35 %
(MON)	29	10 34 %
ABS	88	26 30 %
(HS*)	31	09 29 %
(HS)	54	15 28 %
MYTH	44	12 27 %
VESS	73	18 25 %
CLOTH-R	20	05 25 %
(TOOL)	125	29 23 %
(MES)	43	09 21 %
PLANT	32	06 19 %
ARCH	72	13 18 %
CLOTH-L	23	04 17 %
LIQ	114	17 15 %
TREE	33	05 15 %
BIRD	20	03 15 %
FOOD	84	10 12 %

DPC	25	03 12 %
DP	62	06 10 %
DA	39	03 08 %
LAND	38	03 08 %
BODY	25	02 08 %
BEAST	35	02 06 %
WORM	31	01 03 %

Необходимо отметить, что в данной таблице первые 3 строчки занимают поля, которые не фигурировали в выделенном фрагменте таб. 5, отражающей проценты освоенной нейтральной лексики. Тот факт, что возглавляет эту таблицу поле WAR (война, охота), является вполне естественным в связи с изменениями способов ведения войны и утратой значения охотного промысла. Любопытно, что здесь вторую строчку занимает поле CLOTH-A (покрытия на верхнюю часть тела), в отличие от полей CLOTH-H (покрытия головы), CLOTH (ткани, покрытия), CLOTH-L (покрытия нижней части тела), CLOTH-R (веревки), которые фигурировали в выделенной части предыдущей таблицы. Явно, изменение моды убранства коснулось прежде всего одежды выше пояса. Присутствие поля WORD (слова, речь, звуки) в данном месте таблицы непоказательно: среди 16 устаревших слов этого поля преобладающую долю — 9 случаев — занимают слова с пометой WORD*, т. е. личные имена (встречающиеся в фольклоре), разобранные М. Фасмером. Также в выделенной части таблицы не помечены заливкой поля VESS (емкости) и MES (мера, число). Эти случаи указывают на изменения, произошедшие в торговой традиции, с преобладающей ныне ролью складов и магазинов вместо базаров, а также на изменения метрических систем. Любопытно, что чуть менее половины (7 из 18-ти) устаревших слов поля VESS связаны с названиями емкостей для жидкостей и имеют добавочную помету LIQ.

В заключение стоит отметить несколько важных моментов, выявленных при исследовании по материалам Этимологического словаря русского языка М. Фасмера. Об-

щее количество выявленных тюркизмов довольно велико, чуть более 1000 слов, что составляет около 6 % от всей проэтимологизированной лексики русского языка. Однако полностью освоенными и общераспространенными из них являются чуть менее трети. Проникновение заимствований началось более тысячелетия назад с появлением в Восточной Европе первой волны тюркских народов — болгар. От них к настоящему времени сохранилось около 40 слов. Основные потоки тюркизмов шли из огузских и кыпчакских языков — их количество практически равно и составляет около трети всех тюркских заимствований для каждой из этих подгрупп. Главными источниками заимствований были турецкий и татарский языки. Через тюркское посредство заимствовались не только исконные слова, но и большое количество арабо-персидской и монгольской лексики. Арабо-персидская составляющая представляет собой около четверти выявленных тюркизмов, причем для огузских заимствований их доля составляет 45 %. Семантический анализ заимствований показывает, что контакты были разноплановыми и не ограничивались «кочевой» лексикой. Наибольшее количество заимствований связано с обществом и человеком, ткаными изделиями и различного вида приспособлениями и инструментами. Коневодство занимает последнее место из наиболее представленных семантических полей и уступает полю домашних растений. Однако в наборе сохранившейся общеупотребительной лексики оно является одним из первых наряду со словами, связанными с товарно-денежными отношениями и названиями строений и домашней, сельскохозяйственной утвари. К настоящему времени потеряла актуальность лексика, имеющая отношение к воинскому делу и охоте, а также названия одежды выше пояса. И это связано с историческими причинами. В целом, контакты русского языка с тюркскими языками были разноплановыми и включали весь спектр человеческой деятельности и социальных отношений.

Ниже в табличном виде приводится образец выборки по полю HS, включающем лошадей и тягловых животных. Алфавитное упорядочивание проведено по первому полю SEM.

поле SEM	поле STYLE	слово и толкование	поле ETY	страницы издания
ARCH, CLOTH 1; TOOL, HS 2	УСТ; ОН, РАЗГ	колимóг, колымáга "шатёр" (др.-русс.); "вид повозки"	ТВ?	[Фасм. II, 291]
ARCH, MON 1; TOOL, HS, ABS 2	УСТ, AP	балчúк "рынок, рыбный рынок"; "задняя часть тарантаса"	TQO	[Фасм. I, 118–119]
ARCH, SOC, HS	УСТ	ям "почтовая станция"	MTQO	[Фасм. IV, 555]
BEAST, HS	AP	кулáн "дикий осел"	MTQ	[Фасм. II, 409]
BEAST, HS	AP	таpпáн "дикая лошадь"	TQ	[Фасм. IV, 24]
BEAST, HS	ОН	сайгá "вид антилопы"	TQ*	[Фасм. III, 545]
BODY, CLOTH, HS; CLOTH	ОН	во́йлок "чепрак" (др.-русс.); "войлок"	МТО*	[Фасм. I, 335]
BODY, CLOTH, HS	ОН	чапpáк, чепpáк	TQO	[Фасм. IV, 315]
BODY, CLOTH, HS* 1, CLOTH-A 2	AP	ягá "шкура жеребенка"; "шуба мехом наружу"	TQ*; TS	[Фасм. IV, 543]
CLOTH, HS*	УСТ	аркалýк "чересседельник"	TQO	[Фасм. I, 86]
CLOTH, HS*	AP	кичúм "кожаный потник, чепрак, подстилка под седло"	ТО*	[Фасм. II, 241]
CLOTH, HS*	AP	савpý "кожаные подколенники у седла"	TQ	[Фасм. III, 542]

поле SEM	поле STYLE	слово и толкование	поле ETY	страницы издания
CLOTH, HS*	ОН	<i>хомұт</i>	ТВ? или герм.	[Фасм. IV, 259–260]
CLOTH, HS*, MET	УСТ	<i>решма</i> "привесное украшение из бляшек на конской узде"	РТО*	[Фасм. III, 480]
CLOTH, HS*, WOOD	УСТ	<i>арча́к</i> "лука, деревянный остов седла"	TQ*	[Фасм. I, 92]
CLOTH, HS*, WOOD	УСТ	<i>тебенёк</i> "лопасть седла"	TQ*	[Фасм. IV, 35]
CLOTH-L, WAR, HS*	УСТ	<i>чикчи́ры</i> "кавалерийские штаны"	ТО*	[Фасм. IV, 361]
ADJ, COLOR, HS*	ОН	<i>игре́ний</i> "светло-рыжий"	МТО*	[Фасм. II, 116–117]
ADJ, COLOR, HS*	УСТ	<i>кара́ковый</i> "темно- коричневый с бледными подпалинами"	TQ	[Фасм. II, 191–192]
ADJ, COLOR, HS*	ОН	<i>кау́рый</i> "светло-гнедой"	ТО*	[Фасм. II, 211]
ADJ, COLOR, HS*	АР	<i>чагра́вый</i> "темно- серый, бурый"	ТВ*U	[Фасм. IV, 310]
ADJ, COLOR, HS*	ОН	<i>ча́лый</i> "серый, с сероватым оттенком"	TQO	[Фасм. IV, 313]
ADJ, COLOR, HS*	ОН	<i>чуба́рый</i> "пестрый, рябой"	TQ*	[Фасм. IV, 375]
DA, HS	ОН	<i>иша́к</i> "осел, мул"	TQ*	[Фасм. II, 146]
DA, HS	УСТ, АР	<i>ка́тер</i> "мул"	ТО*	[Фасм. II, 210]
DA, HS	АР	<i>нар</i> "одногорбый верблюд"	PTU	[Фасм. III, 43]

поле SEM	поле STYLE	слово и толкование	поле ETY	страницы издания
DA, HS	AP	<i>ти́бя</i> "двугорбый верблюд"	TQ*	[Фасм. IV, 139]
DA, HS*	OH	<i>аргама́к</i> "лучшая порода лошадей в Средней Азии"	MTQ*	[Фасм. I, 84]
DA, HS*	OH	<i>битю́г, битю́к</i> "ломовая лошадь"	TU	[Фасм. I, 169]
DA, HS*	OH	<i>ло́шадь</i>	CTB	[Фасм. II, 525–526]
DA, HS*	УСТ, AP	<i>орь</i> "конь"	TB	[Фасм. III, 155]
DA-F, HS	AP	<i>бура́</i> "верблюдица"	MTQ	[Фасм. I, 242]
DA, SOC, HS	AP	<i>арга́иш, аргы́иш</i> "олений обоз"	TS	[Фасм. I, 84]
DA, SOC, HS*	OH	<i>табу́н</i>	TQ*	[Фасм. IV, 7]
SOC, HS*	OH	<i>ями́цк</i>	MTQ*	[Фасм. IV, 557]
SOC, WAR, HS*	OH	<i>ула́н</i>	TQ	[Фасм. IV, 158]
TOOL, CLOTH-R, HS	УСТ	<i>бурундук</i> "поводок верблюда"	TU	[Фасм. I, 249]
TOOL, CLOTH-R, HS	AP	<i>мурунды́к</i> "повод, вдеваемый в нос верблюда"	TQ	[Фасм. III, 14]
TOOL, CLOTH-R, HS*	AP	<i>апа́йка</i> "казацья плетть"	TQB*	[Фасм. I, 80]
TOOL, CLOTH-R, HS*	OH	<i>арка́н</i>	TQ*	[Фасм. I, 86]
TOOL, CLOTH-R, HS*	AP	<i>камчу́к, камча́</i> "казацья плетть"	TQO	[Фасм. II, 176]
TOOL, CLOTH-R, HS*	УСТ, AP	<i>карба́ч</i> "плетть"	TO*	[Фасм. II, 195]
TOOL, CLOTH-R, HS*	OH	<i>нага́йка</i>	MTQ	[Фасм. III, 35]

поле SEM	поле STYLE	слово и толкование	поле ETY	страницы издания
TOOL, CLOTH-R, HS*	AP	<i>táсma</i> "тесменная подпруга в оленьей упряжи"	TQ*	[Фасм. IV, 26]
TOOL, CLOTH-R, HS*	ОН	<i>укрю́к</i> "петля на легком шесте для поймки пасущихся лошадей"	MTQU	[Фасм. IV, 157]
TOOL, CLOTH-R, HS*	УСТ	<i>чембур</i> "поводок лошади"	MTS	[Фасм. IV, 331]
TOOL, CLOTH-R, HS*	AP	<i>чизгýны</i> "поводья"	TQU	[Фасм. IV, 360]
TOOL, HS	ОН, AP	<i>арба́</i> "четырёхколесная телега", "двухколесная повозка"	ATQ*	[Фасм. I, 83]
TOOL, HS	AP	<i>мажára, маджára</i> "большая тат. арба; телега"	TQ*	[Фасм. II, 557]
TOOL, HS	AP	<i>можára</i> "большая тат. телега"	TQ*	[Фасм. II, 637]
TOOL, HS	ОН	<i>телéга</i>	M?T	[Фасм. IV, 37–38]
TOOL, HS; TOOL, WORM	УСТ, AP	<i>кибитá, кибítка</i> "дугοобразный обруч верши"; "дугοобразно покрытая телега, повозка, дорожные сани"	ITQ*	[Фасм. II, 227–228]
TOOL, (HS), VESS	ОН	<i>кúзов</i> "берестяная корзинка; корпус повозки, корабля"	TQ*	[Фасм. II, 402]
TOOL, WOOD, HS	AP	<i>сýни</i> "полозья, деревянные коньки"	ТВ*	[Фасм. III, 803]

Сокращения названий языков

англ.	английский
араб.	арабский
балт.	балтийские
балт.-слав.	балто-славянские
венг.	венгерский
герм.	германские
голл.	голландский
греч.	греческий
евр.	еврейский
европ.	интернационализмы во франц., нем., англ. и т. д.
иран.	иранские
итал.	итальянский
кавказ.	кавказские
кит.	китайский
лат.	латинский
монг.	монгольские
нем.	немецкий
осет.	осетинский
польск.	польский
рус.	русский
слав.	славянские
ср.-греч.	средне-греческий
ср.-лат.	средневеково-латинский
тадж.	таджикский
тунг.	тунгусские
фин.-угор.	финно-угорские
франц.	французский
эск.	эскимосский

Литература

2000 Тюркских слов — 2000 Тюркских слов в русском языке. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Шипова_Словарь%20тюркизмов%20в%20русском%20языке%201976.pdf

Мудрак 2014 — Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля). *Родной язык. Лингвистический журнал*. 2014, 1 (2): 77–129.

Мудрак 2016 — Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «конеководство»). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2016, 5: 53–86.

Мудрак 2017 — Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «оружие», «горы и горнорудный промысел», «ткани, одежда»). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2017, 1 (6): 90–142.

Мудрак 2018 — Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «тело», «люди»). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2018, 1 (8): 109–153.

Мудрак 2022 — Мудрак О. А. Осетинский след в Приуралье. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2022, 2: 109–153.

Мудрак 2023 — Мудрак О. А. Слои заимствований в карачаево-балкарской культурной лексике. *Oriental Studies*, 2023, 16, 6.

Пратюркский язык-основа 2006 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка)*. Москва, 2006.

Региональные реконструкции 2002 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Региональные реконструкции)*. Отв. ред. Э. Р. Тенишев. Москва, 2002.

Сухова 2018 — Сухова Е. Ф. Арабо-тюркские заимствования в толковом словаре Владимира Даля, М. Фасмера и Академическом словаре русского языка 1988 года. *Казанский вестник молодых ученых. Исторические науки. Сопоставительное изучение языков*, 2018, 2, 4 (7).

Фасмер 1986–1987 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. 2-е изд. Москва, 1986–1987.

Шипова — Шипова Е. Н. *Словарь тюркизмов в русском языке*. Алма-Ата, 1976.

Vasmer.dbf компьютерная база данных словаря М. Фасмера. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=morpho&basename=morpho%2fvasmer%2fvasmer>

References

2000 *Tyurkskikh slov v russkom yazyke* [2000 Turkic words in Russian]. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Шипова_Словарь%20тырктизмов%20в%20русском%20языке%201976.pdf (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (foneticheskaya adaptatsiya, razbor semanticheskogo polya) [Caucasianisms in the Ossetic language (phonetic adaptation, semantic field)]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*, 2014, 1 (2): 77–129. (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei «skot», «konevodstvo») [Caucasianisms in the Ossetic language (analysis of the semantic fields “cattle”, “horse breeding”)]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*, 2016, 5: 53–86. (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei «oruzhie», «gory i gornorudnyi promysel», «tkani, odezhda») [Caucasianisms in the Ossetic language (analysis of the semantic fields “weapons”, “mountains and mining”, “fabrics, clothes”)]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*, 2017, 1 (6): 90–142. (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei «telo», «lyudi») [Caucasianisms in the Ossetic language (analysis of the semantic fields “body”, “people”)]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*, 2018, 1 (8): 109–153. (In Russ.)

Mudrak O. A. Osetinskii sled v Priural'e [Traces of Ossetic in Finno-Ugric languages of the Ural region]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*, 2022, 2: 109–153. (In Russ.)

Mudrak O. A. *Sloi zaimstvovaniy v karachaevo-balkarskoi kul'turnoi leksike* [Layers of borrowings in the Karachay-Balkar cultural vocabulary]. *Oriental Studies*, 2023, 16, 6. (In Russ.)

Shipova E. N. *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkic words in Russian]. Alma-Ata, 1976. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov (Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka) [Comparative-historical grammar of the

Turkic languages (Proto-Turkic language as the basis. The world-view of the Proto-Turkic ethnic group based on language data)]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov (Regional'nye rekonstruktsii) [Comparative-historical grammar of Turkic languages (Regional reconstructions)]. Otv. red. E. R. Tenishev. Moskva, 2002. (In Russ.)

Sukhova E. F. Arabo-tyurkskie zaimstvovaniya v tolkovom slove Vladimira Dalya, M. Fasmera i Akademicheskome slove russkogo yazyka 1988 goda [Arabic-Turkic borrowings in the explanatory dictionary of Vladimir Dahl, M. Vasmer and the Academic Dictionary of the Russian Language of 1988]. *Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. Istoricheskie nauki. Sopostavitel'noe izuchenie yazykov*, 2018, 2, 4 (7). (In Russ.)

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2-e izd. Moskva, 1986–1987. (In Russ.)

Vasmer.dbf. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=morpho&basename=morpho%2fvasmer%2fvasmer>

Народные названия растений ориентального происхождения в диалектах башкирского языка (по материалам «Мифологического словаря» Ф. Г. Хисамитдиновой)¹

Зарема Назировна Экба

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
zaremaekba@iling-ran.ru*

Посвящаю светлой памяти
Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой,
всю свою жизнь посвятившей изучению,
сохранению и продвижению башкирского языка
(1950–2023)

В статье рассматриваются диалектные названия терминов растительного мира, заимствованные из арабского и персидского языков в башкирский язык. В башкирских диалектах и говорах распространено достаточно большое количество слов данной лексико-тематической группы ориентального происхождения, содержащих заимствованный компонент, и не употребляющихся в литературном языке. В статье даются этимологии диалектных названий растений и проводится связь этих наименований с персонажами ранней тюркской мифологии и исламскими святыми. На основании этимологических разборов делается вывод о том, что этот пласт лексики не всегда связан только с распространением ислама среди башкир и других тюркских народов, как это традиционно принято считать. Народные названия растений, большую часть которых составляют цветы и травы, отражают последовательное наложение различных видов религиозных верований, через которые проходили носители башкирского языка

¹ Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0003 «Лингвогеография и история уральских и алтайских языков», поддержанного Министерством образования и науки РФ.

на протяжении многих столетий. В них обнаруживается синкретизм библейских персонажей и исламских пророков, вера в целительные силы святых духов и мифических персонажей. Подобную контаминацию диалектные данные отражают лучше, чем литературный язык, т. к. именно в народных наименованиях сохранились наиболее древние представления людей об окружающем мире.

Ключевые слова: башкирский язык, диалектная лексика, этимология, арабо-персидские заимствования, названия растений, этимологический анализ, ориентальная лексика, религиозные верования.

Для цитирования: Экба Н. З. Народные названия растений ориентального происхождения в диалектах башкирского языка (по материалам «Мифологического словаря» Ф. Г. Хисамитдиновой). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 230–248.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-230-248

Popular names of plants of Arabic and Persian origin in Bashkir dialects (based on the Dictionary of Bashkir Mythology by F. G. Khisamitdinova)

Zarema Nazirovna Ekba

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
zaremaekba@iling-ran.ru*

Dedicated to the memory of
Firdaus Gilmitdinovna Khisamitdinova (1950–2023),
who devoted her entire life to the study,
preservation and promotion of the Bashkir language.

The present article discusses the dialectal names of plant terms borrowed from Arabic and Persian into the Bashkir language. In Bashkir dialects and sub-dialects, there is a significant number of words from this lexical and thematic group of Middle Eastern origin that contain a borrowed component and are not used in the literary language.

The article provides etymologies of dialectal plant names and their connection to names associated with characters from early Turkic mythology and Islamic saints. Based on etymological analyses, it is concluded that this layer of vocabulary is not always associated with the spread of Islam among the Bashkirs and other Turkic peoples, as has been traditionally believed. The folk names of plants, mostly flowers and herbs, reflect the successive layers of different types of religious beliefs that Bashkir speakers have experienced over many centuries. They reveal the syncretism of biblical characters and Islamic prophets, as well as the belief in the healing powers of holy spirits and mythical figures. Dialectal data reflects such contamination better than the literary language, as it is in folk names that the most ancient ideas about the world around us are preserved.

Keywords: Bashkir language, dialectal vocabulary, etymology, Arabic and Persian borrowings, plant names, etymological analysis, Middle Eastern vocabulary, religious beliefs

For citation: Ekba Z. N. Popular names of plants of Arabic and Persian origin in Bashkir dialects (based on the Dictionary of Bashkir Mythology by F. G. Khisamitdinova). *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 230–248.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-230-248

Введение

Современная башкирская лингвистическая наука обладает богатой коллекцией словарей различного типа. Среди них достойное место занимает «Мифологический словарь» Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 2010], в котором представлены около 5000 слов и словосочетаний, связанных с башкирской мифологией. К ним отнесены мифологизированные персонажи, места и предметы, явления живой и неживой природы, а также народные праздники и обрядовые ритуалы, связанные как с шаманскими обрядами и язычеством, так и с мусульманской традицией. В народном творчестве башкир имеются многочисленные примеры контаминации различных наименований, оставшихся от языческого периода, с названиями, имеющими отношение к исламской религии: это имена и эпитеты мифических и мифологизированных персонажей, названия явлений при-

роды и ландшафта, растений и животных, предметов домашнего обихода, обычаев, обрядов и ритуальных действий.

Ранее в проведенном нами исследовании [Хисамитдинова, Экба 2020] отмечалось значительное внедрение исламской религии в мифологию башкир на примере анализа названий духов-хозяев в башкирской мифологии: часть мусульманских святых постепенно перенимает функции духов-покровителей в народном сознании, что находит отражение как в языке, так и в духовной культуре. Подобное явление, как будет показано в настоящей статье, характерно и для диалектных названий растений.

В диалектах и говорах распространено достаточное количество слов, относящихся к названиям растений, которые содержат как минимум один заимствованный компонент. Среди народных наименований растений таковыми являются в основном названия трав и цветов, произрастающих в местах исконного проживания башкир, и практически не встречаются названия деревьев. Это объясняется тем, что основная часть названий экзотических для носителей башкирского языка деревьев заимствованы через письменные источники и употребляются в основном в литературном языке. Народные названия растений арабо-персидского происхождения, большинство из которых функционируют именно в диалектах, показывают сохраняющуюся в языке контаминацию терминов, отражающих существование различных видов религиозных воззрений, через которые проходили носители башкирского языка на протяжении многих столетий. На основании этимологического анализа слов и словосочетаний мы покажем, что этот пласт лексики не всегда связан с распространением ислама среди башкир и других тюркских народов, как это традиционно принято считать. Последовательное наложение различных религиозных верований нашло отражение в фитонимической лексике и является свидетельством того, что как в языке, так и в истории развития народа — его носителя — ничего не исчезает бесследно.

Источники и методы исследования

Основными *источниками* для сбора материала стал «Мифологический словарь» Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 2010] (*далее* — МС), к работе привлекался также «Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке» [ИТС 2015]. Кроме того, были использованы данные словарей «Башкорт теленең академик һүзлеге» (Академический словарь башкирского языка) в 10 томах [АСБЯ 2011–2018] и «Башкорт теленең диалекттары һүзлеге» (Диалектологический словарь башкирского языка) [ДСБЯ 2002], к работе привлекались полевые материалы автора, собранные в Ишимбайском районе республики Башкортостан [ПМА 2023] и поселке Богазкент в районе Белек в Турции [ПМА 2024].

Объектом нашего исследования послужили диалектные названия растений, которые в основном представляют собой композитные сочетания, содержащие в своем составе компонент арабского или персидского происхождения. Из общего числа таких наименований для настоящей статьи были выбраны только те, которые содержат в своем названии мифологемы, приведенные в МС, в качестве компонента сложного слова или изафетной конструкции. В целях этимологического анализа за отсутствием специального словаря для башкирского языка использован «Этимологический словарь татарского языка» Р. Г. Ахметьянова [Ахметьянов 2015].

При любом системном описании в первую очередь возникает вопрос о классификации исследуемых понятий. В нашем случае разделить диалектные названия на самостоятельные лексико-семантические подгруппы не представляется возможным, т. к. один и тот же заимствованный компонент может употребляться в составе названий разных видов растений: ср., напр., *средн. алкагөл* ‘фуксия’, *средн., дем. алкалы гөл* ‘фуксия’(цветок), *алка үләне* ‘повилика’ (трава); *караид. шайтан ағасы* ‘бузина’ (кустарник или небольшое деревце), *дем. шайтан арбағы* ‘перекати-поле’ (травянистое растение), *ай. шайтан мәшкәге* ‘мухомор’

(гриб). В связи с этим пришлось отказаться от попытки разделения названий растений по ботаническим признакам и выделить ряд самостоятельных групп диалектных названий, объединив их на основании общего заимствованного компонента, который приводится здесь в качестве заглавного слова для группы названий.

Источник происхождения лексем и их арабо-персидское написание приводятся в соответствии с [АСБЯ 2011–2018], транслитерация — в соответствии с общепринятой системой академика И. Ю. Крачковского, т. е. на латинской графике с добавлением диакритических знаков.

Результаты и обсуждение

Алка (араб. *ḥālq*) ‘серьги’. В МС *алка* ‘серьга’ — это мифологизированный предмет, охраняет от злых сил, духов, болезней, дурного глаза, а также способствует плодovitости и благополучию, счастью в семейной жизни [МС 2010: 23]. Самостоятельно это слово является общеупотребительным, а в диалектах входит в состав нескольких названий растений: средн. *алкагөл* ‘фуксия’, средн., дем. *алкалы гөл* ‘фуксия’ (араб. *ḥālq* ‘серьги’ + перс. گل *gül* ‘цветок’) — литературное соответствие *тамсы гөл* (баш. *тамсы* ‘капля’ + перс. گل *gül* ‘цветок’) ‘фуксия’; караид. *алка үләне* (араб. *ḥālq* ‘серьги’ + баш. үлән ‘трава’) ‘повилика’ — литературное соответствие *кесерткән ебәге*. Р. Г. Ахметьянов приводит соответствие для татарского языка *алка* ‘серьга; кольцо, шайба; круг (вокруг Луны)’, диал. ‘крендель’² [Ахметьянов 2015, I: 57]. Все вышеприведенные названия растений в башкирских диалектах явно образованы на основе метафорического переноса — в основе такой номинации лежит сравнение цветка с серьгой, как по внешнему виду (длинная капля на тонкой ножке), так, вероятно, и по функции — покачивание (вспомним, что в состав традиционного национального костюма баш-

² Здесь и далее перевод словарных статей с башкирского и татарского, а также буквальные переводы названий растений наш.

кирских женщин непременно входят длинные серьги, которые покачиваются при ходьбе).

Заметим, что в башкирских диалектах компонент *алка* образует и другие сочетания, не свойственные литературному языку: ср. напр. миас. *алка йаузык* ‘большой двойной платок, украшенный монетами’ (не имеет соответствий в литературном яз.), дем., средн., ик-сакм. *йозак алкаһы* ‘замочная дужка’ (литературное *йозак дуғаһы*), кызыл. *алкалык* ‘мочка уха’ (литературное *йәрпесәк*) и др. [ДСБЯ 2002: 20].

Бәйғәмбәр (перс. *پيغمبر*, *peyğember*) ‘пророк’. Слово имеет соответствия в ряде языков Поволжья: чув. *пихампар*, *пихемпер*, мараб. *пиамбар*, *пиамбер* ‘пророк; божество-помощник верховного бога’; в чув. ‘повелитель волков’; по сведениям Р. Г. Ахметьянова, «слово восходит к иранскому *пайда*, *пейда* ‘появившийся’» [Ахметьянов 2015, II: 104]. В башкирской народной традиции это слово является компонентом названия дня недели — понедельника, который считается днем пророка, называется *пәйғәмбәр көнө* (букв. ‘день пророка’) и, согласно поверьям, является удачным днем для любых начинаний или отправления в дорогу [МС 2010: 252]. В диалектах БЯ данное слово является главным компонентом изафетных конструкций в названиях следующих видов растений: вост. диал. *бәйғәмбәр тырнағы* (букв. ‘ногти пророка’) ‘ноготки, календула’ и *бәйғәмбәр төкөрөгө* (букв. ‘слюна пророка’) ‘тысячелистник’. Оба растения являются целебными и используются в народной медицине, вероятно именно по этой причине в их названиях упоминается мусульманский пророк. Календула имеет и описательное название *һары сәскәле гөл* (букв. ‘растение с желтыми цветками’), а также используется в фонетическом варианте *пәйғәмбәр тырнағы* с глухим губным согласным в анлауте [ДСБЯ 2002: 69].

ҒатиҒа/ҒәтиҒә (араб. *عاطفة* ‘*ātifāt*) ‘ТатиҒа’. В гайн. говоре *ҒатиҒа жим* (букв. ‘пища ГатиҒы’) ‘просвирник’ — в литературном языке ему соответствует *бесәй табаны* (букв. ‘кошачьи лапки’) ‘просвирник приземистый’ [ДСБЯ 2002: 76]. Персонаж с именем *ҒатиҒа/ҒәтиҒә* предположительно может иметь отношение к суфийским легендам, од-

нако точных указаний на это нам обнаружить не удалось. В МС есть упоминание, что трава с таким названием используется для заговаривания болезней [МС 2010: 60, 81]. Мы полагаем, что *Ғатифа* — это имя либо некой мусульманской святой, либо персонажа ранней тюркской мифологии, обладающей определенной целительной силой, что и дало название растению.

Ғәйшә (араб. عائشة *‘aishāt*) ‘Гайша’. В средн.-урал. говоре гәйшә сәйе (букв. ‘чай Гайши’) переводится как ‘чай луговой’ (или ‘вербейник монетный’) — в литературном языке это калька с русского *болон сәйе* (букв. ‘чай луговой’). Растение является лекарственным и используется в народной медицине. Как видим, его диалектное название представляет собой конструкцию с использованием антропонима *Ғәйшә* — имени одной из жен мусульманского пророка Мухаммеда. В исламской традиции *Гайша (Аиша) и Фатима* — жена и дочь пророка — считаются святыми, покровительницами женщин, больных и детей, о чем упоминается в [МС: 82]. По представлениям башкир и других тюрков, принявших ислам, руки Гайши и Фатимы способны исцелять недуги и болезни своим прикосновением, с именами этих женщин связано много заговоров, которые произносят знахари, бакши и другие «знающие люди» при проведении обрядов излечения. Однако в текстах многих заговоров, приведенных в МС, функционируют как доисламские духи, так и связанные с исламом реальные персонажи, что свидетельствуют о синкретизме, имеющем место в верованиях башкир и других мусульманских народов.

Зөһрә (араб. زهرة *zuhrāt*) ‘Зухра’. Как известно, лексема *Зөһрә (Zuhra)* вошло во многие тюркские языки в значении ‘планета Венера’, а также имеет широкое употребление в качестве антропонима [Справочник 1987]. В самом языке-источнике это слово используется в значениях ‘цветок’ и ‘свечение’, и происходит оно от арабского корня *zhp* ‘светиться, сверкать’ [Ахметьянов 2015 I: 289]. В БЯ от этой лексемы образованы два названия растений: *зөһрә сәсе* ‘вид травянистого растения’ и *зөһрә аусыһы* ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ 2011–2018, III: 623]. В башкирской мифологии

наименование *Зəһрə* (Зухра) связано с легендой о том, что девушка-сирота с таким именем была поднята на небо месяцем и стала звездой [МС 2010: 97], аналогичная сказка встречается и в татарском фольклоре.

В таком контексте, по всей видимости, правильным будет связать происхождение названия *зəһрə сәсə* (букв. ‘волосы Зухры’) скорее с антропонимом, чем с названием небесного тела. Представленный в словарях термин *зəһрə аусыһы* ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ 2011–2018 III: 623] имеет и другое, более точное название ‘венерина мухоловка’ [ИТС 2015: 244], которое скорее всего, является калькой с русского, но при этом тоже с использованием арабского слова (‘Зухра’ вместо ‘Венера’).

Мулла (араб. *مَوْلَا* *māwla*) ‘мулла, священнослужитель’. Данное слово заимствовано во многие языки мусульманского мира в значении ‘мулла (глава прихода и мечети)’. Несколько башкирских названий растений содержат в своем составе этот компонент: кызыл., средн., тук-соран. *мулла салма-сы*, дем. *мулла салмаҫы* (букв. ‘чалма муллы’), сакм. *муллабаш* (стяженная форма от изафетной конструкции *мулла башы* с усечением конечного гласного, букв. ‘голова муллы’) ‘одуваничик’ — литературное соответствие *бәпембә* ‘одуванчик’ [ДСБЯ 2002: 237]. Очевидно, название возникло на основе метафорического переноса: как известно, в культурных традициях некоторых стран мусульманский священнослужитель носит на голове круглую чалму белого цвета.

Еще два диалектных названия выражены конструкцией *молла үлане* (букв. ‘трава муллы’): в с.-з. диалекте так называется ‘зверобой’ — литературное соответствие *һары мәтрүш* (букв. ‘желтая душица’) [ДСБЯ 2002: 233], а также дем., с-з. *мулла үлане* ‘тысячелистник’ — в литературном БЯ это калька с русского *меңзяпрак* ‘тысячелистник’ (баш. *мең* ‘тысяча’ + *япрак* ‘лист’) [ДСБЯ 2002: 237]. Оба растения относятся к лекарственным и, по всей видимости, употреблялись муллами в лечебных целях: как известно из рассказов людей старшего поколения, в старину мулла часто выполнял в дополнении к своим основным функциям священно-

служителя еще и работу целителя, используя в своем арсенале различные заговоры и травы, откуда те и получили свои народные названия [ПМА 2023].

Мәрйәм-ана (араб. *مريم* *teryet*) ‘Мариам, Марьям’. Р. Г. Ахметьянов считает, что названия, содержащие в составе имя девы Марии (Богородицы), восходят к тому периоду истории, когда часть кыпчакских народов исповедовали христианство, в частности в тат. диал. *марҗа, марҗа-бикә* (букв. ‘госпожа Мария’) (*Мәрҗәм ана* ‘Богородица, дева Мария’ (букв. ‘Мария-мать’, ‘Богородица-мать’) означает ‘божья коровка’ (семь черных точек на спине этого насекомого означают семь печалей девы Марии), проводится параллель с немецким *Marienkäfer* ‘божья коровка’ [Ахметьянов 2015, II: 182]. Башкирские народные названия растений представлены следующими наименованиями: ср-урал. *мәрйәмана*, мias. *мәрйәмана күз йәше* ‘герань’ (букв. ‘слезы Богородицы, матери Марии’) — в литературном языке оно называется *торна бото* (букв. ‘бедро журавля’)³ ‘герань’ [ДСБЯ 2002: 241]. Слово имеет параллели в других тюркских языках, например в татарском *Мәрйәмана яфрагы* (букв. ‘листья Богородицы, матери Марии’) или *Мәрйәмана гөле* (‘цветок Богородицы, матери Марии’) ‘герань’. Происхождение такого названия связано с легендой о том, что на это растение падали кровавые слезы девы Марии, поэтому оно имеет красноватые листья. В литературном БЯ лексема *мәрйәмана* (в слитном написании) самостоятельно употребляется в значении ‘иерехонская роза’, а также является общим названием семейства колокольчиковых [АСБЯ 2011–2018, VI: 482]. Весьма интересно было обнаружить это название и среди турецких народных названий растений — *Meryet Ana otu* (букв. ‘трава Богородицы, матери Марии’)

³ Слово *торна* ‘журавль’ является названием одного из башкирских племен, восходящего к тотему журавля. О почитании башкирами журавлей упоминается еще в записках арабского путешественника X века Ибн Фадлана [Хисамитдинова, Экба 2020: 120], т. е. исконное название этого растения *торна бото* ‘герань’ тоже могло быть связано с древними языческими воззрениями.

[ПМА 2024]. По словам информантов, корни этой травы обладают лечебными свойствами, происхождение самого названия никто объяснить не смог, однако для нас в данном случае совершенно очевидна корреляция с башкирскими и татарскими наименованиями.

В арг. говоре БЯ есть еще одно созвучное название травянистого растения *мәйә сасы* (букв. ‘волосы Марии’) — соответствует литературному *кылған* ‘ковыль’, однако мы считаем, что это название происходит от русского имени Мария и не связано с библейским персонажем. От информантов нам известно, что это имя в ряде говоров, и особенно в разговорном языке, стало нарицательным, а лексема *мәйә* употребляется в обобщенном значении ‘русская женщина’ (независимо от ее настоящего имени). Это связано с тем, что в традиционной башкирской культуре женщина всегда ходила с покрытой головой, в отличие от современных русских женщин, которые часто ходят простоволосыми, в связи с чем и появилось название растения *мәйә сасы* — длинные, тонкие листья ковыли уподобляли распущенным волосам [ПМА 2023].

С культом девы Марии связаны и следующие диалектные названия: средн. говор *мәрәм ағасы* (букв. ‘дерево Богородицы, матери Марии’) ‘бузина красная’ — литературный БЯ *өскал* ‘бузина’, в ик-сакм. говоре этим же словосочетанием называется ‘паслен’ — литературное соответствие *бүре еләге* (букв. ‘волчья ягода’) ‘паслен’ [ДСБЯ 2002: 241]. Р. Г. Ахметьянов считает эти формы коррелирующими с *Мәржән ағачы* (букв. ‘дерево Богородицы, матери Марии’) в среднем диалекте татарского, хотя, согласно его мнению, более ожидаемой была бы форма **Мәржәм ағачы* ‘бузина красная’ [Ахметьянов 2015 II: 182].

Другим, параллельным вариантом названий этих растений в БЯ является *мәйән ағасы* (букв. ‘коралловое дерево’) — в средн. говоре это ‘бузина красная’, в ик-сакм. говоре ‘волчья ягода’. Данная конструкция имеет в составе слово *мәйән*, которое происходит от другого арабского корня (араб. مرجان *merjān*) ‘коралл, коралловый’, ‘бусина, бусы’ —

в данном случае очевиден метафорический перенос по внешнему признаку цвета и формы ягод. Такое название тоже связано с мифологией, на что есть соответствующее указание в МС: *мәрйен* ‘коралл, бусина’ имеет обережную силу, поэтому кораллами украшали нагрудники и головные уборы женщин, кроме того, бусины нанизывали на нитку и носили от сглаза [МС 2010: 228].

Салауат (араб. صلاة *ṣalawat*) ‘хвалебная молитва’. В литературном БЯ *салауат* употребляется в значении ‘хвалебная молитва’, а также весьма широко используется в качестве антропонима в башкирском и татарском языках [Справочник 1987]. В МС *салауат әйтеү* объясняется как ‘приносить молитву’ [МС 2010: 257]. Слово восходит к арабскому слову в значении ‘восхваление бога; осанна’ (ср. киргизское *салабат*, *салават* ‘величие, духовное величие, способность забывать зло’) [Ахметьянов 2015, II:135]. В средн. говоре *салауат йемеше* ‘белена’ — в литературном БЯ *тилебарән* ‘белена’. Народная этимология склонна связывать диалектное название этого растения скорее с антропонимом, нежели с его апеллятивным значением, т. е. трактовать наименование *салауат йемеше* как ‘ягода Салавата’ по аналогии с выше рассмотренными сочетаниями *ғәйшә сәйе* ‘чай Гайши’, *зәһрә сәсе* ‘волосы Зухры’, *ғатиға жим* ‘пища Гатифы’ и т. д. Однако следует принять во внимание, что в ряде башкирских диалектов слово *салауат* входит в состав изафетных конструкций со значением ‘радуга’: тук-соран., средн. говоры *салауат күпере* (букв. ‘мост Салавата’), сакм. говор *салауат юлы* (букв. ‘дорога Салавата’) — в литературном БЯ этим названиям соответствует *йәйһор* ‘радуга’ [ДСБЯ 267]. Вслед за Р. Г. Ахметьяновым, мы считаем, что происхождение этих названий правильно будет объяснять от апеллятива в его исходном прямом значении — ‘благословенный мост (или дорога)’ (см. подр. об этом [Ахметьянов 1989: 9–10]).

В таком случае требует объяснения происхождение названия растения *салауат йемеше* ‘белена’, которое, как известно, является ядовитым. И мы нашли такое объясне-

ние, обратившись к народным способам лечения. Так, в монографии «Башкирская народная медицина» приведено описание одного из таких методов: «При сильной зубной боли весьма популярным было окуривание больного дымом, исходящим от прокаленных семян белены. Иногда в этих целях использовали семена дурмана, конопли, либо их смесь. Старожилы утверждают, что при подобном лечении иногда из пораженного зуба отходят белые “червячки”. Любопытно, что об отхождении червячков при окуревании дымом белены больных зубов знал и знаменитый врач древности Ибн Сина. Подобное окуривание проводилось также при различных гнойничковых или язвенных поражениях кожи, гноетечениях уха и проч.» [Гумаров 1985: 33, 36]. Таким образом, учитывая глубокую веру людей в целительную силу этого растения, народное название белены *салауат йемеше* следует трактовать как исходное ‘благословенная ягода’.

Сөләймән (араб. سليمان *süleymān*) ‘Сөләймән’ — дух воды, водяной; *сөләймән мөһөрө* — ‘водяная лилия’, водное растение, являющееся в мифологии «цветком водяного» [МС 2010: 268]. В данном случае ситуация обратная: название растения образовано от антропонима и букв. означает ‘печать Сулеймана’. Ранее в наших исследованиях мы обращались к истории возникновения такого мифического персонажа в связи с анализом названий духов-хозяев: «Имя Сулеймана встречено в качестве именованного покровителя воды, а также водоплавающей домашней птицы. Скорее всего, это связано не с библейским Соломоном, а с суфийской легендой о том, что Аллах наслал на Сулеймана Бакыргани (реально жившего в XII веке суфийского шейха) проклятие, по которому после его кончины могила Бакыргани 40 лет будет находиться под водой. Проклятие реализовалось, Бакырган на 40 лет затопило водой, а потом его местонахождение уже никто не помнил» [Хисамитдинова, Экба 2020: 124]. В трудах историков возникновение такой легенды обосновывается вполне реальным историческим событием — изменением русла реки Амурары после разрушения пло-

тин во время монгольского нашествия в 1221 г. Есть и другая версия возникновения такого названия: в поверьях равнинных таджиков упоминается некая *Сулаймон-пари*, которая обычно связывалась с водой (*су лабига утурган Сулаймон-пари*), эта связь могла установиться по созвучию первого слова имени *Сулаймон* с узбекским *су* ‘вода’. Впрочем, имя библейского царя Соломона, согласно коранической традиции, тоже в некоторой степени связано с водной стихией: по мусульманскому поверью, его трон висел над водой (см. подр. об этом [Хисамитдинова, Экба 2020: 111–129]).

Обобщая, можно сказать, что так или иначе, имя *Сулейман* как в мусульманской традиции, так и в доисламской мифологии прочно ассоциируется с водой, поэтому нам кажется вполне логичным соотносить названия *сәләймән мәһәрә* ‘водяная лилия’ (букв. ‘печать Сулеймана’) и *сәләйман балыгы* ‘лосось’ (букв. ‘рыба Сулеймана’) с одноименным персонажем. Растение это также относится к лекарственным, в народной медицине отвар корневища водяной лилии обычно употребляли при бессоннице [Гумаров 1985: 30].

Хәмзә (ар. حمزة *ḥamzat*) ‘Хамза’ — имя коранического персонажа, одного из ближайших сподвижников мусульманского пророка Мухаммеда, его младший дядя и молочный брат, известен как покровитель слабых и обездоленных. В дем. говоре обнаруживаем наименование *хәмзә йыуағы* (букв. ‘лук Хамзы’) ‘лук косой’ — литературное соответствие *оҫкон йыуағы* ‘лук косой’ [ДСБЯ 2002: 367]. В качестве антропонима в разных фонетических вариациях (Хамза, Хәмзә, Хамзат, Хамзет и др.) функционирует во многих языках Поволжья, Средней Азии и особенно Кавказа [Справочник 1987: 48–231; 323–382]. Вторая часть составного названия *йыуа* используется в БЯ в двух значениях — как общее название дикорастущих луковичных растений и как мифологизированное растение, использующееся как отпугивающее средство от болезней и нечистой силы, как и все острые на вкус растения [АСБЯ 2011–2018 IV: 240]. В сакм. говоре образовано и другое производное слово: *хәмзә-бармак* ‘безы-

мянный палец' (букв. 'палец Хамза') — в литературном БЯ это *сығанак бармак* 'безымянный палец' [ДСБЯ 2002: 367].

Шайтан (араб. شيطان *šayṭān*) 'черт, дьявол'. В МС зафиксированы многочисленные словосочетания, содержащие этот компонент [МС 2010: 358–359], свидетельствующие о том, что слово широко распространено в народной мифологии. В рамках нашего исследования отметим, что оно входит в целый ряд диалектных названий растений: караид. *шайтан ағасы* (букв. 'чертово дерево') — баш. литературное *өскат* 'бузина' (кустарник или небольшое деревце); дем. *шайтан арбағы* (букв. 'чертова телега') — баш. литературное *камғаҡ* 'перекати-поле' (травянистое растение); дем. *шайтан көпшәсе*, ай. *шайтан көпшәһе* (букв. 'чертов стебель') — литературное *шыма көпшә* 'дягиль' (лекарственное растение); дем. *шайтан кымызлығы* (кымызлык — литературное название растения 'горец альпийский' [АСБЯ 2011–2018, V: 735]) — литературный БЯ *һарына* 'саранка' (растение рода лилия); ай. *шайтан мәшкәге* (букв. 'чертов гриб') 'мухомор' — в литературном БЯ употребляется русское заимствование *мухомор*.

Такое название мухомора не следует путать с наименованиями другого гриба, тоже содержащими заимствованные элементы: *иблис бәшмәге* и *пәрей бәшмәге*, что соответствует русскому названию 'сатанинский гриб' [ИТС 2015: 54]. По нашему мнению, эти названия образованы как кальки с русского от латинского *Boletus satanas*: название *иблис бәшмәге* происходит от араб. إبليس *iblis* 'дьявол, черт', 'предводитель шайтанов' (слово *иблис* проникло из мусульманской мифологии) + баш. *бәшмәк* 'гриб', а название *пәрей бәшмәге* возникло аналогично от перс. پری *peri* 'бес, нечистая сила' + баш. *бәшмәк* 'гриб', от него же происходит и название другого растения *пәрей кесерткәне* (букв. 'крапива беса') или 'глухая крапива', также упомянутого в Мифологическом словаре [МС 2010: 252].

Отметим, что литературные соответствия вышеприведенных диалектных названий, содержащих компонент *шайтан*, являются исконными. Исключением из этого ряда

является только название растения ‘чертополох’, которое и в диалектах, и в литературном языке образовано изафетной конструкцией, содержащей заимствованное слово: средн. *шайтан дегәнәге* (букв. ‘чертов лопух’), караид. *шайтан карағайы* (букв. ‘чертова сосна’), диал. *шайтан үләне* (букв. ‘чертова трава’), литературное *шайтан таяғы* (букв. ‘чертова палка’) — все они означают ‘чертополох’ [ДСБЯ 2002: 389].

В плане словообразования диалектных названий растений можно отметить, что они представляют собой по большей части изафетные конструкции, в основном второго типа с аффиксом принадлежности, в единичных случаях — сложные слова, одним из компонентов которых является арабо-персидский, другой — либо тоже заимствованный, либо исконный.

Заключение

Таким образом, рассмотренные нами этимологии слов, содержащих арабский или персидский заимствованный компонент, позволяют говорить о том, что в народных названиях растений отражена контаминация шаманистических, языческих, христианских и мусульманских представлений людей об окружающем мире. Вполне очевидным является влияние исламской религии на башкирскую мифологию: часть мусульманских святых в народном сознании постепенно перенимает функции доисламских мифических персонажей, что находит отображение и в языке, и в духовной культуре, однако и значимость языческих верований все еще велика. В народных наименованиях растений гармонично соединились культ библейской Девы Марии, персонажа суфийских легенд царя Соломона, исламских пророков, вера в целительные силы святых духов, мифических, библейских и коранических персонажей.

В рамках нашей темы отметим, что в отношении языка на примере башкирского мы наблюдаем, что подобную контаминацию диалектные данные отражают лучше, нежели чем литературный язык, т. к. именно народные назва-

ния растений сохранили как наиболее древние, так и более поздние по времени представления людей об окружающем мире.

Сокращения

Общие

араб. — арабское
букв. — буквальный перевод
БЯ — башкирский язык
ЛЯ — литературный язык
перс. — персидское
подр. — подробно
см. — смотри
ср. — сравните

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект:

ай. — айский говор
арг. — аргаяшский говор
кызыл. — кызыльский говор
миас. — миасский говор
сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект:

дем. — демский говор
ик-сакм. — ик-сакмарский говор
иргиз. — иргизский говор
сакм. — сакмарский говор
ср. — средний говор
ток-соран. — ток-соранский говор

Северо-Западный диалект:

гайн. — гайнинский
караид. — караидельский говор
нижнебельск. — нижнебельский говор
среднеурал. — среднеуральский
танып. — таныпский говор

Литература

АСБЯ 2011–2018 — *Башкорт теленең академик һүзлеге* = Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Уфа, 2011–2018.

Ахметьянов 1989 — Ахметьянов Р. Г. *Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья*. Москва, 1989.

Ахметьянов 2015 — Ахметьянов Р. А. *Этимологический словарь татарского языка*. В 2 т. Т. 1: А–Л. Т. 2: М–Я. Казань, 2015.

Гумаров 1985 — Гумаров В. З. *Башкирская народная медицина*. Уфа, 1985.

ДСБЯ 2002 — *Башкорт теленең диалекттары һүзлеге* [Диалектологический словарь башкирского языка]. Уфа, 2002.

ИТС 2015 — Усманова М. Г., Исянгулова Г. А., Хайретдинов С. С. *Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке*. Синонимы. Уфа, 2015.

ПМА 2023 — Экба З. Н. *Полевые материалы автора*. Республика Башкортостан, Ишимбайский район, 2023 г.

ПМА 2024 — Экба З. Н. *Полевые материалы автора*. Поселок Богазкент, р-н Белек/Анталия (Турция). 2024 г.

Справочник личных имен народов РСФСР. Под ред. А. В. Суперанской. Москва, 1987.

Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. *Мифологический словарь башкирского языка*. Москва, 2010.

Хисамитдинова, Экба 2020 — Хисамитдинова Ф. Г., Экба З. Н. *Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии. Урало-алтайские исследования*, 2020, 3 (38): 111–129.

References

Akademicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. Ed. by Khisamitdinova F. G. In 10 vols. Ufa, 2011–2018. (In Bashkir)

Akhmet'yanov R. G. *Obshaya leksika material'noj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of the material culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, 1989. (In Russ.)

Akhmet'yanov R. G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Tatar Language]. In 2 vols. Kazan, 2015. (In Tatar)

Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Bashkir Language]. Ufa, 2002. (In Bashkir and Russ.)

Ekba Z. N. *Field notebook*. Ishimbay region, Bashkortostan Republic (Russia). 2023.

Ekba Z. N. *Field notebook*. Boğazkent. Belek/Antalya region (Turkey). 2024.

Gumarov V. Z. *Bashkirskaia narodnaya meditsina* [Bashkir folk medicine]. Ufa, 1985. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [A Dictionary of Bashkir Mythology]. Moscow, 2010. (In Bashkir and Russ.)

Khisamitdinova F. G., Ekba Z. N. *Naimenovaniya dukhov-khoz'yaev v bashkirskoi mifologii* [Names of local spirits in Bashkir Mythology]. *Ural-Altaic Studies*, 2020, 3 (38): 111–129. (In Russ.)

Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [Directory of personal names of the peoples of the RSFSR]. Ed. by Superanskaya A. V. Moscow, 1987. (In Russ.)

Usmanova M. G., Is'angulova G. A., Khayretdinov S. S. *Ideograficheskii tolkovyy bashkirsko-russko-latinskiyslovar' narodnykh nazvaniy rasteniy v bashkirskom yazyke. Sinonimy* [Bashkir-Russian-Latin Dictionary of folk names of plants in the Bashkir Language. Synonyms]. Ufa, 2015. (In Bashkir, Latin and Russ.)

«Күрәң вой па ай войлэ» [Лось и мышонок]: сказка на среднеобском диалекте хантыйского языка

Ирина Максимовна Молданова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
uil.gera@yandex.ru*

В статье представлена народная сказка на среднеобском диалекте хантыйского языка, которая передана информантом Галиной Ивановной Трибус автору статьи во время экспедиции в село Шеркалы Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Сказка «Лось и мышонок» записана Г. И. Трибус от известного хантыйского музыканта, знатока фольклора Владимира Ивановича Юдина. Следует отметить, что в ходе полевых исследований были выявлены два пожилых носителя, владеющих среднеобским диалектом хантыйского языка. Указанный диалект относят к северной (западной) группе диалектов, на современном этапе он находится в стадии угасания. В 40–50-е годы XX века данный идиом являлся опорным для интенсивного издания учебной и переводной литературы. В статье представлен краткий обзор среднеобского (шеркальского) диалекта, одного из северных идиомов. Несмотря на сходство внутри этой группы диалектов, есть и отличительные черты. Например, звук [t] в среднеобском диалекте соответствует [λ] в казымском диалекте и [ʈ] в шурышкарском и обдорском диалектах; [ɕ]¹ в казымском диалекте соответствует [ũ] в шеркальском диалекте и [ũ] в шурышкарском и обдорском диалектах. Суффикс местно-творительного падежа: -əp в казымском и шурышкарском диалектах, -na в обдорском и шеркальском диалектах. В ходе лингвистического анализа были выявлены характерные для среднеобского диалекта черты: показатель инфинитива на -та, например, *Па хойат пѳтэр=та пѳтэс* 'Кто-то стал говорить'; показатель местно-творительного падежа =на, *Түв хѳнэт=на хойат*

¹ В данной статье использован знак [ɕ] для долгого огубленного звука центрального ряда среднего подъема, который в практической орфографии обозначается буквой ѳ [Кошкарева, Соловар 2007: 24]. И далее все символы для казымского диалекта приведены с указанной работы.

й̆ӑўх̆ат 'Кто-то ходит в животе'. Фонетические отличия: переднеязычный шумный смычный звук *т* [t] вместо переднеязычного шумного латерального звука *л* [λ] в казымском диалекте; употребление краткого огубленного звука *о̆* [o] вместо краткого огубленного у [õ] в казымском диалекте. Представлены лексические единицы, характерные для данного идиома: *к̆ӑша* 'очень', *тут* 'рот'. Текст сказки снабжен русским переводом, поморфемным глоссированием, а также осуществлен перевод текста на усовершенствованную графику.

Ключевые слова: хантыйский язык, среднеобской диалект, сказка, лось, мышонок

Для цитирования: Молданова И. М. «Күрәң вой па ай войлэ» [Лось и мышонок]: сказка на среднеобском диалекте хантыйского языка. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 249–265.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-249-265

"Kürəŋ wəj pa aj wəjle" [The Moose and the Mouse]: A folk tale in the Middle Ob dialect of Khanty

Irina Maksimovna Moldanova

*Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
Khanty-Mansiysk, Russia
uil.gera@yandex.ru*

This article presents a folk tale in the Middle Ob dialect of Khanty, which was passed on to the author of the article by Galina Ivanovna Tribus during a field trip to the village of Sherkaly. The tale, «Kürəŋ wəj pa aj wəjle» ("The Moose and the Mouse"), was told by the famous Khanty musician and folklore expert Vladimir Ivanovich Yudin and recorded by G. I. Tribus. It should be noted that during field research two elderly speakers were identified who speak the Middle Ob dialect of the Khanty language. This dialect belongs to the northern (western) group of dialects and is currently in the process of extinction. In the 1940s and 1950s, the Middle Ob dialect was predominant, with intensive publication of educational and translated literature. This article provides a brief overview of the Middle Ob (Sherkal) dialect, one of the northern variants. Despite the similarities within this group of dialects, there are certain distinctive features. For example, the sound [t]

in the Middle Ob dialect corresponds to [λ] in the Kazym dialect and [ʎ] in the Shuryshkar and Obdorsk dialects; [ɕ] in the Kazym dialect corresponds to [ū] in the Sherkal dialect and [ū] in the Shuryshkar and Obdorsk dialects. The locative-instrumental case suffix is *-ən* in the Kazym and Shuryshkar dialects, *-na* in the Obdorsk and Sherkal dialects. Linguistic analysis identified the following features characteristic of the Middle Ob dialect: the infinitive marker *=ma*, for example, *Па хойат нотәр=ма нутәс* 'Someone began to speak'; the locative-instrumental case marker *=na*, *Түв хонәт=на хойат йәүхәт* 'Someone is walking around in the stomach'. Phonetic differences: the coronal voiced plosive *m* [t] instead of the coronal voiced lateral *ḷ* [λ] in the Kazym dialect; the use of the short rounded vowel *ö* [o] instead of the short rounded *y* [ö] in the Kazym dialect. Lexical units characteristic of this variant are presented: *кәша* 'very', *мүм* 'mouth'. The text of the tale is transcribed in the improved graphic system of Khanty and is accompanied by a Russian translation and interlinear morphemic glossing.

Keywords: Khanty language, Middle Ob dialect, folk tale, Moose, Mouse

For citation: Moldanova I. M. Kūrəŋ wəj pa aj wəjlə [The Moose and the Mouse]: A folk tale in the Middle Ob dialect of Khanty. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 249–265.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-249-265

Введение

В настоящей статье представлена народная сказка на среднеобском диалекте хантыйского языка «Күрәң вой па ай войлэ» ('Лось и мышонок'), которая записана² Г. И. Трибус от Владимира Ивановича Юдина (д. Лохтоткурт). Запись сказки на бумажный носитель осуществлена Галиной Ивановной Трибус и передана автору статьи во время командировки³ в село Шеркалы Октябрьского района в июне 2024 года. «Сельское поселение Шеркалы расположено в Октябрьском районе ХМАО-Югры, согласно списочному составу

² Дату записи Г. И. Трибус не зафиксировала.

³ Работа ведется в рамках Программы по сохранению и исследованию диалектов хантыйского, мансийского и ненецкого языков на 2023–2027 гг., принятой в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок.

ву в нем проживают около 1300 человек, из них ханты — 258 человек (данные представлены Администрацией с. п. Шеркалы)» [Молданова, Ткачук 2024: 478–479]. В ходе командировки выявлено только два пожилых носителя, владеющих среднеобским диалектом хантыйского языка: Попова Зоя Павловна (1931 г. р.) и Трибус Галина Ивановна (1947 г. р.). Следует отметить, что в послевоенные годы многотысячными тиражами было выпущено большое количество учебной и переводной литературы на среднеобском диалекте (см. [Кошкарёва 2022; Указатель 1951]), однако рассматриваемый текст пока не обнаружен.

Информация о В. И. Юдине представлена в книге Н. В. Крюковой «Среднеобские ханты — это мы»: «Разными талантами оказались богато одарены представители семьи Юдина Ивана Захаровича (1905–1953). Он проявился в музыке, танцах, в художественном творчестве, педагогике, медицине. Его сын Владимир Иванович Юдин (1930 г. р.) смолоду умел играть на национальном музыкальном инструменте нарсьюхе, знал песни, хантыйские танцы. Всю жизнь работал в колхозе, потом совхозе, в основном рыбачил, потом работал на покосах. Как рассказывает его сестра Галина Ивановна Трибус, его всегда приглашали участвовать в концертах художественной самодеятельности. Но наиболее ярко его талант проявился, когда молодой приезжий учитель Дмитрий Георгиевич Агеев в восьмидесятых годах создал в Шеркалах детский фольклорный коллектив “Лесная сказка”. <...> Позднее, работая в селе Саранпауль директором музыкальной школы, Агеев выпустил буклеты, где были сведения о всех музыкантах из числа ханты и манси, с кем ему пришлось работать. Среди музыкантов есть имя Владимира Ивановича Юдина. Сейчас этот материал опубликован на сайте окружного дома народного творчества под названием “Владимир Иванович Юдин — хантыйский музыкант”. Вот что о нем написано в буклете: “Деревня Лохтоткурт — известная в Югорском крае, ее прославили художники и музыканты, художник Митрофан Тебетев, музыканты Андрей Ангашупов и не менее известный Владимир Иванович Юдин. По языковым особенностям и культу-

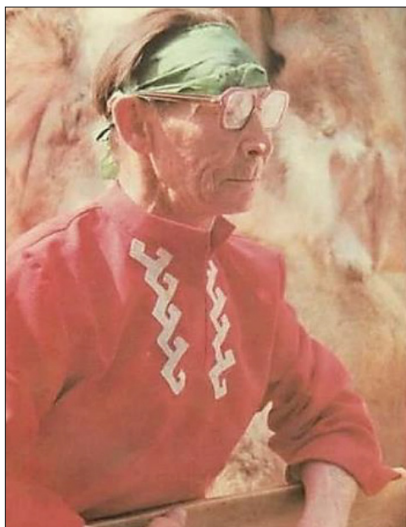

Рис. 1. В. И. Юдин

ре он относится к северным (шеркальским) ханты, родился в 1924⁴ г. в д. Лохтоткурт. Большую часть жизни провел в с. Шеркалы. Владимир Иванович по-русски говорил плохо, соблюдал национальные традиции, знал множество песен, мифов, сказок. Наигрыши на нарсьюхе в исполнении Юдина связаны с мифологическими образами. В частности, в наигрыше-песне 'Лулла' (гагара) повествуется миф о птице, создавшей землю в безбрежном океане. Во время исполнения наигрыша-песни Владимир Иванович рассказывал о Боге на коне. Играя эту мелодию быстро, говорил: 'Вот, Он махом скачет', затем, замедляя ритм, играл игриво, легко: 'Вот Он к матери подъезжает. Конь копытами стучит'. Юдин называл эту мелодию 'Большой Як' 'большой танец'"» [Крюкова 2024].

Целью данной статьи является документация и лингвистический анализ сказки на среднеобском диалекте хантыйского языка, который на данном этапе практически угас. Текст сказки представлен на хантыйском языке, был

⁴ По сведениям Н. В. Крюковой он родился в 1930 г.

осуществлен перевод на русский язык, а также поморфемное глоссирование. Образец текста может быть интересен лингвистам, литературоведам, фольклористам.

Среднеобской диалект хантыйского языка

Описание среднеобского диалекта представлено в работах [Животиков 1942; Steinitz 1939; Терешкин 1966; Serkáli osztják chrestomathia 2008]. П. К. Животиков отмечал, что, «средне-обской диалект занимает промежуточное (переходное) положение между северной группой и южной и восточной группами диалектов. По лексическому составу и по морфологическим формам он примыкает к северной группе, но в фонетическом отношении он гораздо ближе к южной группе — к языку самаровских (иртышских) и кондинских ханты». Он выделял основные фонетические отличия от казымского диалекта:

- 1) использование долгого гласного у вместо долгого ә;
- 2) произношение начального сочетания вэ как у;
- 3) переход глухого звука л' в звук т, что создает значительное расхождение [Животиков 1942: 8–10].

По мнению Н. И. Терешкина, «чтобы правильно представить себе современную языковую действительность, следует говорить не о трех, а о двух диалектных массивах, а именно:

- а) о массиве западных, или собственно хантыйских диалектов и
- б) о массиве восточных, или кантыкских диалектов.

К западным, или собственно хантыйским, диалектам относятся все так называемые северные и южные диалекты, среди которых, в первую очередь, выделяются следующие три наречия:

- а) усть-обское (или обдорское) с двумя говорами — усть-полуйским и собским;
- б) приобское с тремя говорами — шурышкарским, казымским и среднеобским;
- в) прииртышское с четырьмя говорами — усть-иртышским

(или самаровским), иртышским, кондинским и демьянским» [Терешкин 1966: 319–320].

В. Штейниц шеркальский (среднеобской) диалект относил к северной группе диалектов, куда входили также обдорский, шурышкарский-березовский и казымский диалекты. Он также приводит несколько ярких примеров расхождений между диалектами северной группы. Например, глухому *ʔ* в казымском диалекте в шурышкарском и обдорском диалектах соответствует более звонкий передний *l*, в шеркальском диалекте *t*, напр.: казымский диалект *ʔajʔm* ‘топор’, шурышкарский, обдорский диалекты *lajʔm*, шеркальский диалект *taʔm*; казымский диалект *ʔaŋki* ‘белка’, шурышкарский, обдорский диалекты *laŋki*, шеркальский диалект *taŋkʰ*. *ə* в казымском диалекте в шеркальском диалекте соответствует *ʉ*, в шурышкарском, обдорском диалектах закрытый *õ*; напр.: казымский диалект *ʔənt* ‘гусь’, шеркальский диалект *tūnt*, шурышкарский, обдорский диалекты *lōnt*. Суффикс местно-творительного падежа: *-n* в казымском и шурышкарском диалектах, *-na* в обдорском и шеркальском диалектах [Штейниц 1937: 194].

Среднеобской диалект хантыйского языка в 40–50-е гг. также выступал в качестве центрального, на котором интенсивно издавалась переводная литература и пособия для школы [Кошкарёва 2013]. Но в алфавите не было специальных символов для обозначения хантыйских звуков.

Хантыйская сказка *Кўрәң вой па ай войлэ* ‘Лось и мышонок’ (среднеобской диалект)

Текст представлен следующим образом: запись с оригинала (бумажного носителя)⁵; перевод на русский язык, выполненный автором статьи; запись текста в соответствии с усовершенствованной графикой хантыйского языка; запись

⁵ Запись сказки приведена в том виде, в котором записана на бумажном носителе Г. И. Трибус, для сохранения особенностей графической записи.

текста сказки в финно-угорской транскрипции для поморфемного глоссирования с подстрочным переводом.

1. Курыңг вой, па ай войлэ (Г. И. Трибус)

Курыңг⁶ вой си лот хоныңгна яңгхыс, па ванш тэс. Ант вантемыс яма, па ванши панна ай войлэ ёх си тэсте. Си ху-тыгңта питыс. Тув хоньтна хоят ягңхыт.

Хутылтыс, хутылтыс. Па хоят потырта питыс:

Кеши пек, пек, пек

Хор тур эвтум⁷.

Вой тур эвтум.

Па ким мантум.

– Анта, ай войлэ турем ант эвта.

– Мана ким нётем эвыт.

– Анта нётен эвыт ант мантум.

Нётен каша полсиңг.

Па си Курыңг вой лопыт:

– Ай войлэ мана ким паттам эвыт,

– Анта! Ант мантум наңг паттан эвыт,

– Наңг паттан нёхремыт,

Па си хиемыс ай войлэ:

Кеши пек, пек пек

Хор тур эвтум

Па хонеңг эвтум

па ким мантум

Пакныс Курыңг вой, па си хархумтыс. Ай войлэ ванши панна тув тутет эвыт ким керыс.

Па ситы ай войлэ тувты тавытсите ушты эвыт!⁸

⁶ В бумажном варианте запись буквы ң представлена в варианте *нг*.

⁷ В среднеобском диалекте суффикс настоящего времени *-т-*. Вероятно, поэтому здесь автор записи пропустил ее: *эвт-т-ум* ‘режу’.

⁸ В конце сказки имеется запись «Там моньсь Юдина Владимир Ивановича. д. Лохтоткурт» (Эта сказка Юдина В. И. д. Лохтоткурт).

2. Лось и мышка (*перевод сказки на русский язык*)

Лось ходил и ел траву. Хорошо не посмотрел и вместе с травой съел Мышонка. Стал слушать. Кто-то ходит в животе.

Слушал, слушал. Кто-то стал говорить:

Нож, пек, пек, пек

Быка зарежу,

Зверя⁹ зарежу,

И на улицу выйду.

– Нет, Мышонок, горло не режь, выйди через нос.

– Нет, с носа не выйду, нос у тебя очень сопливый.

Опять Лось говорит:

– Мышонок, выйди через уши.

– Нет! Не выйду через твои уши, твои уши грязные.

Опять закричал Мышонок:

Нож пек, пек, пек

Быка зарежу,

Другое место порежу,

И на улицу выйду.

Испугался Лось и харкнул. Мышонок вместе с травой вывалился изо рта. И таким образом Мышонок спас себя от гибели!

3. Күрәң вой па Ай войлэ

(*запись сказки в усовершенствованной графике*)

Күрәң вой ши лот хонәңна йәңхәс па ванши тәс. Äнт вантәмәс йәма па ванши панна Ай войлэ йөх ши тәстэ. Ши хутәнта питәс. Түв хөнәтна хйат йәңхәт. Хутәлтәс, хутәлтәс, па хйат пöтыртта питәс:

Кеши¹⁰ пек, пек, пек

Хор тўр эвәттәм,

⁹ Күрәң вой 'лось' (букв.: ногастый зверь).

¹⁰ Буква **е** обозначает звук [e], который после губно-губных и заднеязычных согласных произносится более закрыто, чем после переднеязычных и среднеязычных. Буква **е** пишется после букв **в, м, п**, обозначающих губно-губные согласные, а также после буквы **к**, обозначающей заднеязычный согласный, и указывает на их позиционное смягчение, например: *вей* 'длинные мужские кисы', *вевтам* 'плохой', *меләк* 'тепло', *певта* 'замерз-

Вой тўр эвәттәм,
 Па ким мәнтәм.
 – Аңта, Ай войлэ, тўрэм аңт эвта, мәна ким һөтэм эвәт.
 – Аңта, һөтэн эвәт аңт мәнтәм, һөтэн кәша пөлшәң.
 Па щи Кўрәң вой лөпәт:
 – Ай войлэ, мәна ким пәттам эвәт.
 – Аңта! Аңт мәнтәм һәң пәттан эвәт, һәң пәттан һөх-
 рэмәт.
 Па щи хийэмәс Ай войлэ:
 Кеши пек, пек, пек
 Хор тўр эвәттәм,
 Па хонәң эвәттәм,
 Па ким мәнтәм.
 Пакнәс Кўрәң вой па щи хәрхәмтәс. Ай войлэ ванши
 пәнна тўв тутәт эвәт ким керийәс. Па щиты Ай войлэ тўвты
 тавәтсәтә ушты эвәт!

4. Kūr-əŋ wəj pa aj wəjle

(гlossированный текст с подстрочным переводом)

- (0.1) kūr-əŋ wəj pa aj wəj-le
 нога-ATTR зверь ADD маленький зверь-DIM
 ‘Лось и мышонок’
- (1) Kūr-əŋ wəj śi lot χəpəŋ-na
 нога-ATTR зверь тот место около-LOC
 jāŋχ-əs pa wanši te-s.
 ходить-PST ADD трава кушать-PST
 ‘Лось ходил возле этого места и ел траву’
- (2) Ānt want-emə-s jāŋ-a pa wanši
 не смотреть-PUNCT-PST хороший-ADV ADD трава
 pāŋna aj wəj-le jōχ śi
 с маленький зверь-DIM внутри FOC
 te-s-te.
 кушать-PST-3SG.SO
 ‘Хорошо не посмотрел и вместе с травой съел мышонка’

нутъ’, *пеләк* ‘сторона’, *кев* ‘камень’, *кеши* ‘нож’ [Кошкарева, Молданова, рукопись: 18].

- (3) *Śi* *χutən-ta* *pit-əs.*
 ФОС слушать-INF статья-PST
 ‘Стал слушать’
- (4) *Tūw* *χōn-ət-na* *χōjat* *jāŋχ-ət.*
 он живот-POSS.3SG-LOC кто ходить-NPST
 ‘Кто-то ходит в животе’
- (5) *χutəlt-əs,* *χutəlt-əs.*
 слушать-PST слушать-PST
 ‘Слушал, слушал’
- (6) *Pa* *χōjat* *pōtərt-ta* *pit-əs:*
 ADD кто говорить-INF статья-PST
 ‘Кто-то стал говорить’
- (7) *Keši* *pek,* *pek,* *pek*
 нож пек пек пек
 ‘Нож пек, пек, пек’
- (8) *Χər* *tūr* *ewət-t-əm.*
 бык горло резать-NPST-1SG
 ‘Горло быка перережу’
- (9) *Wəj* *tūr* *ewət-t-əm.*
 зверь горло резать-NPST-1SG
 ‘Горло зверя перережу’
- (10) *Pa* *kim* *mān-t-əm.*
 ADD наружу выйти-NPST-1SG
 ‘И наружу выйду’
- (11) – *ānta,* *aĵ* *wəj-le,* *tūr-em*
 нет маленький зверь-DIM горло-POSS.1SG
ānt *ewt-a.*
 не резать-IMP
 ‘Нет, мышонок, горло не режь’
- (12) – *mān-a* *kim* *ńōt-em* *ewət.*
 идти-IMP наружу нос-POSS.1SG из
 ‘Иди наружу из носа’
- (13) – *ānta,* *ńōt-en* *ewət* *ānt* *mān-t-əm.*
 нет нос-POSS.2SG из не идти-NPST-1SG
 ‘Нет, из носа не пойду’

- (14) – *Nõt-en* *kăša* *põlšəŋ*.
нос-POSS.2SG очень сопли
‘Твой нос сопливый’
- (15) *Pa* *śi* *kür-əŋ* *wəj* *löp-ət*:
ADD FOC нога-ATTR зверь говорить-NPST
‘Опять лось говорит’
- (16) – *Aj* *wəj-le*, *măn-a*
маленький зверь-DIM идти-IMP
kim *păt-t-am* *ewət*.
наружу ухо-PL-POSS.1SG из
‘Мышонок, выйди через уши’
- (17) – *Ānta!* *Ānt* *măn-t-əm* *năŋ*
нет не идти-NPST-1SG ты
păt-t-an *ewət*.
ухо-PL-POSS.2SG из
‘Нет! Не выйду из твоих ушей’
- (18) – *Năŋ* *păt-t-an* *nõχrem-ət*.
ты ухо-PL-POSS.2SG грязный-PL
‘Твои уши грязные’
- (19) *Pa* *śi* *χijetə-s* *aj* *wəj-le*:
ADD FOC кричать-PST маленький зверь-DIM
‘Опять закричал мышонок’
- (20) *Keši* *pek*, *pek*, *pek*
нож пек пек пек
‘Нож пек, пек, пек’
- (21) *Χər* *tür* *ewət-t-əm*
бык горло резать-NPST-1SG
‘Горло быка перережу’
- (22) *Pa* *χəpəŋ* *ewət-t-əm*
ADD часть резать-NPST-1SG
‘Другую часть перережу’
- (23) *Pa* *kim* *măn-t-əm*.
ADD наружу идти-NPST-1SG
‘И наружу выйду’
- (24) *Pakn-əs* *kür-əŋ* *wəj* *pa*
испугаться-PST нога-ATTR зверь ADD

Заключение

¹¹ О гласных фонемах среднеобского диалекта (см. в работе [Хант-туйский язык / Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: изд-во «Наука», 1966. С. 321]).

диалекте, например, *Кўрән вой лəпəт* 'Лось говорит', ср. в казымском диалекте *лупəл* 'говорит'. Представлены лексические единицы, характерные для данного идиома: *кəшə* 'очень', *тут* 'рот'.

Таким образом, в ходе экспедиции выявлен один из вариантов¹² текста хантыйской сказки «Лось и мышонок». Запись сказки осуществлена Г. И. Трибус от известного хантыйского музыканта, знатока хантыйского фольклора В. И. Юдина. На современном этапе среднеобской диалект хантыйского языка находится в стадии угасания, т. к. осталось незначительное количество пожилых носителей, поэтому важно задокументировать образцы текстов на данном диалекте.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

1, 2, 3 — лицо

ACC — аккузатив

ADD — аддитив

ATTR — атрибутивизатор

DIM — диминутив

FOC — фокус

IMP — императив

INF — инфинитив

IPFV.PTSP — имперфективное причастие

LOC — локатив

PL — множественное число

POSS — посессивность

PST — прошедшее время

PUNCT — пунктив

SG — единственное число

NPST — непрошедшее время

O — объект

S — субъект

¹² Похожая сказка есть на казымском диалекте хантыйского языка *Ай вой икиле па Вəнт хор ики* 'Мышонок и Олень'.

Литература

Животиков 1942 — Животиков П. К. *Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект)*. Ханты-Мансийск, 1942.

Кошкарева 1990 — Кошкарева Н. Б. К вопросу об инфинитиве в хантыйском языке. *Морфология глагола и структура предложения (сборник научных трудов)*. Новосибирск, 1990, 79–92.

Кошкарева 2013 — Кошкарева Н. Б. *Хантыйская письменность*. Ханты-Мансийск, 2013.

Кошкарева 2022 — Кошкарева Н. Б. Из истории разработки хантыйской письменности: среднеобской диалект как основа литературного языка (40-50-гг. XX в.). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2022, 2: 164–184.

Кошкарева, Молданова, рукопись — Кошкарева Н. Б., Молданова И. М. *Правила орфографии и пунктуации хантыйского языка (среднеобской диалект)*. Рукопись.

Кошкарева, Соловар 2007 — Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. *Увты муй ўвты: Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект)*. Новосибирск, 2007, 24.

Крюкова 2024 — Крюкова Н. В. *Среднеобские ханты — это мы*. Верхняя Пышма, 2024.

Молданова, Ткачук 2025 — Молданова И. М., Ткачук Н. В. Среднеобской (шеркальский) диалект хантыйского языка на современном этапе: полевые наблюдения. *Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: Тезисы докладов*. Под общ. ред. Ю. В. Мазуровой, М. К. Раскладкиной. Москва, 478–479.

Терёшкин 1966 — Терёшкин Н. И. *Хантыйский язык. Языки народов СССР*. Т. 3. *Финно-угорские и самодийские языки*. Москва, 1966: 319–342.

Указатель 1951 — *Указатель учебно-методической литературы для школ народов Крайнего Севера за 1945–1950 гг.* Сост. Е. П. Кузьмина. Ленинград; Москва, 1951.

Штейниц 1937 — Штейниц В. К. *Хантыйский (остяцкий) язык. Языки и письменность народов Севера*. Ч. 1. Язы-

ки и письменность самоедских и финно-угорских народов. Под ред. Г. Н. Прокофьева. Москва; Ленинград, 1937: 193–226.

Steinitz 1939 — Steinitz W. *Ostjakische volksdichtung und erzählungen. Aus zwei dialekten. 1 teil. Grammatische einleitungen und text emit übersetzungen*. Tartu, 1939.

Serkáli osztják chrestomathia 2008 — *Serkáli osztják chrestomathia*. Szerkesztő: Fejes László. Budapest, 2008.

References

Koshkareva N. B. Iz istorii razrabotki khantyiskoi pis'mennosti: sredneobskoi dialekt kak osnova literaturnogo yazyka (40-50-gg. XX v.) [The Middle Ob dialect as the foundation of the Khanty literary language: A historical analysis of materials from the 1940s–1950s]. *Rodnoy Yazyk. Linguistic journal*, 2022, 2: 164–184. (In Russ.)

Koshkareva N. B. *K voprosu ob infinitive v khantyyskom yazyke* [On the question of the infinitive in the Khanty language]. *Morfologiya glagola i struktura predlozheniya (sbornik nauchnykh trudov)*. Novosibirsk, 1990, 79–92. (In Russ.)

Koshkareva N. B. *Khantyyskaya pis'mennost'* [Khanty writing]. Khanty-Mansiysk, 2013. (In Russ.)

Koshkareva N. B., Moldanova I. M. *Pravila orfografii i punktuatsii khantyiskogo yazyka (sredneobskoi dialekt)* [Rules of spelling and punctuation of the Khanty language (Middle Ob dialect)]. Rukopis'. (In Russ.)

Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Uvty muy ývty: Kurs prakticheskoy fonetiki khantyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [Scream or leak: Practical phonetics course of the Khanty language (Kazim dialect)]. Novosibirsk, 2007, 24. (In Russ.)

Kryukova N. V. *Sredneobskie khanty – eto my* [The Middle Ob Khanty are us]. Verkhnyaya Pyshma, 2024. (In Russ.)

Moldanova I. M., Tkachuk N. V. *Sredneobskoi (sherkal'skii) dialekt khantyiskogo yazyka na sovremennom etape: polevye nablyudeniya* [The Middle Ob (Sherkalsky) dialect of the Khanty language at the present stage: field observations]. *Pervyi Ev-*

raziiskii kongress lingvistov. Moskva, 9–13 dekabrya 2024: Teziy dokladov. Moscow, 2025, 478–479. (In Russ.)

Serkáli osztják chrestomathia. Szerkesztő: Fejes László. Budapest, 2008. (In Hungar.)

Steinitz V. K. Khantyyskiy (ostyatskiy) yazyk [Khanty (Ostyak) language]. *Languages and writing of the peoples of the North. Pt. 1. Languages and writing of the Samoyedic and Finno-Ugric peoples.* Edited by G. N. Prokofiev. Moskva; Leningrad, 1937, 193–226. (In Russ.)

Steinitz W. *Ostjakische volksdichtung und erzählungen. Aus zwei dialekten. 1 teil. Grammatische einleitungen und text emit übersetzungen.* Tartu, 1939. (In German)

Tereshkin N. I. Khantyiskii yazyk [Khanty language]. *Yazyki narodov SSSR. T. 3. Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki.* Moscow, 1966, 319–342. (In Russ.)

Ukazatel' uchebno-metodicheskoy literatury dlya shkol narodov Kraynego Severa za 1945–1950 gg. [Index of educational and methodical literature for schools of the peoples of the Far North for 1945–1950]. Comp. E. P. Kuzmina. Leningrad; Moscow, 1951. (In Russ.)

Zhivotikov P. K. *Ocherk grammatiki khantyiskogo yazyka (sredne-obskoi dialekt)* [An essay on the grammar of the Khanty language (The Middle Ob dialect)]. Khanty-Mansiysk, 1942. (In Russ.)

Steinitz W. *Ostjakische volksdichtung und erzählungen. Aus zwei dialekten. 1 teil. Grammatische einleitungen und text emit übersetzungen.* Tartu: Õpetatud eesti selts, 1939, 460 p. (In German).

Serkáli osztják chrestomathia. Szerkesztő: Fejes László. Budapest, 2008, 250 p. (In Hungar.).

О кабанах, медведях и волках **(текст на нижнелужском диалекте ижорского языка)**

Мехмед Закирович Муслимов

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
me Ahmet@yandex.ru*

Любовь Александровна Ульяницкая

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет им. В. И. Ульянова (Ленина) «ЛЭТИ»
Санкт-Петербург, Россия
ulianitckaia_liubov@mail.ru*

Статья представляет собой транскрипцию и лингвистический анализ фрагмента полевой записи спонтанной речи на нижнелужском диалекте ижорского языка, находящегося под угрозой исчезновения. До настоящего времени было опубликовано очень мало текстов на данном диалекте. Запись была сделана 20 февраля 2022 г. в деревне Ванакюля Кингисеппского района Ленинградской области от Й. Й. Варкки, носителя нижнелужского диалекта ижорского языка. Его идиолект демонстрирует комплексные последствия длительного языкового контакта между нижнелужским ижорским и нижнелужским ингерманландским финским диалектами, так как исторически в деревне Ванакюля помимо ижорского языка был распространен и ингерманландский финский. В данной статье представлена многоуровневая расшифровка: приводится детальная фонетическая транскрипция, отражающая редукцию безударных гласных и стяжения в потоке речи, а также фонологическая запись с морфемным членением и глоссированием. Особое внимание уделяется фонетическим и фонологическим характеристикам нижнелужского диалекта, в частности редукции безударных гласных и их реализации в речи информанта. На основе анализа спонтанной речи описываются механизмы внутриклаузного переключения кодов между ижорским и русским языками, а также случаи морфологической адаптации русских лексем с присоеди-

нением ижорских падежных и числовых показателей. Авторы обсуждают проблему разграничения устойчивых заимствований и ситуативных переключений кодов, опираясь на современные теоретические подходы (Р. Muysken, С. Myers-Scotton, С. Pfaff). Основным критерием для выделения заимствований является наличие соответствующих лексем в словаре Р. Э. Нирви. Отдельное внимание уделено сложным случаям морфонологии. В публикуемом тексте, тематически связанном с рассказами о диких животных (кабанах, волках, медведях) и их взаимодействии с человеком, наглядно проявляются ключевые черты языкового сдвига и контактных явлений, характерных для нижнелужского ареала. Данная публикация вводит в научный оборот новый материал, важный для дальнейшего изучения фонологии, морфологии нижнелужского ижорского диалекта.

Ключевые слова: ижорский язык, нижнелужский диалект, переключение кодов, спонтанная речь, языковые контакты, пролатив

Благодарности: Мы искренне благодарим нашего информанта Й. Й. Варкки. Без его доброжелательности, удивительного языкового чутья и готовности к продолжительным беседам эта публикация была бы невозможна.

Для цитирования: Муслимов М. З., Ульяницкая Л. А. О кабанах, медведях и волках (текст на нижнелужском диалекте ижорского языка). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 266–288.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-266-288

Text about boars, bears and wolves in Lower Luga Ingrian

Mehmet Zakirovich Muslimov

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Science
Saint Petersburg, Russia
mehmet@yandex.ru*

Liubov Alexandrovna Ulianitckaia

*Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"
Saint Petersburg, Russia
ulianitckaia_liubov@mail.ru*

The article contains a transcription and linguistic analysis of a fragment of a field recording of spontaneous speech in the Lower Luga dialect of the Ingrian (Izhorian) language. To date, very few texts in this dialect have been published. The recording was made on February 20, 2022, in the village of Vanakülä, Kingisepp District, Leningrad Region, of J. J. Varkki, a native speaker of Lower Luga Ingrian. His idiolect demonstrates the complex consequences of prolonged language contact between Lower Luga Ingrian and Lower Luga Ingrian Finnish, as the village of Vanakülä historically had both Ingrian and Ingrian Finnish in use. This article provides a multi-tiered transcription: a detailed phonetic transcription reflecting unstressed vowel reduction and contraction in the flow of speech, as well as a phonological transcription with morphemic segmentation and glossing. Special attention is paid to the phonetic and phonological features of Lower Luga Ingrian, particularly the reduction of unstressed vowels and their realization in the language consultant's speech. Based on this analysis of spontaneous speech, the mechanisms of intra-clausal code-switching between Ingrian and Russian are described, along with instances of morphological adaptation of Russian lexemes through the addition of Igrian case and number markers. The authors discuss the problem of distinguishing between established borrowings and situational code-switches, drawing on contemporary theoretical approaches (P. Muysken, C. Myers-Scotton, C. Pfaff). The primary criterion for identifying borrowings is the presence of the corresponding lexemes in R. E. Nirvi's dictionary. Special attention is also devoted to complex cases of morphophonology. The published text, thematically centered on stories about wild animals (boars, wolves, bears) and their interaction with humans, clearly illustrates key features of language shift and contact phenomena characteristic of the Lower Luga area. This article introduces new material into scholarly circulation, which is important for further research into the phonology and morphology of the Lower Luga Ingrian dialect.

Key words: Ingrian language, Lower Luga dialect, code-switching, spontaneous speech, language contact, prolativ

For citation: Muslimov M. Z., Ulianitskaia L. A. Text about boars, bears and wolves in Lower Luga Ingrian. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 266–288.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-266-288

Введение

В статью вошли расшифровки полевых записей, сделанных 20 февраля 2022 г. в деревне Ванакюля, во время бесед с информантом 1942 г. р. Йоханнесом Йоханнесовичем Варрки на нижнелужском диалекте ижорского языка. Представленный отрывок соответствует фрагменту продолжительностью 6 мин. 38 сек. аудиозаписи.

Ижорский язык относится к прибалтийско-финским языкам. До начала языкового сдвига он был распространен в западной части исторической Ингерманландии. В ижорском языке исторически выделялись четыре диалекта: сойкинский (север Кингисеппского района), хэвасский (окрестности города Сосновый Бор), оредежский (южная часть Гатчинского района) и нижнелужский (деревни по берегам р. Луга и р. Россонь в западной части Кингисеппского района). В настоящее время живыми являются только сойкинский и нижнелужский диалекты.

Нижнелужский диалект – это наиболее отличающийся от других трех ижорских диалектов (сойкинского, хэвасского, оредежского) вариант ижорского языка [Лаанест 1966]. Он возник в результате интенсивных контактов между ижорским, водским языками и нижнелужским ингерманландским финским диалектом. В смешанных ижорско-финских деревнях нижнелужского ареала мог возникать идиолектный континуум, в особенности это характерно для деревень россонского ареала (Ванакюля, Калливере) [Муслимов 2012: 157–160]. В речи Й. Й. Варрки могут присутствовать отдельные черты, характерные для нижнелужского финского, однако в целом ижорские черты доминируют.

Характерной особенностью большинства нижнелужских ижорских говоров является редукция безударных гласных в большинстве позиций, при этом на конце стопы (и иногда во втором слоге трехсложной стопы) гласные верхнего и иногда среднего и нижнего подъема при редукции часто реализуются как частично или полностью оглушенные гласные [Кузнецова 2012]. Редуцированные гласные могут в речи реализовываться по-разному, включая и полное

выпадение. В быстрой речи возможны также разного рода стяжения гласных при сандхи. В связи с этим мы даем не только фонетическую транскрипцию, но и фонологическую запись. При этом мы в значительной мере будем опираться на описание процессов редукции в нижнелужском, представленное в [Кузнецова 2012], хотя идиолект Й. Й. Варкки имеет некоторые особенности. В частности, согласно [Кузнецова 2012: 55] при редукции *a*, *ä*, *e* происходит нейтрализация и совпадение этих гласных в *ə*, который при тщательном произнесении соответствующих слов не проясняется обратно в *a*, *ä*, *e*. Однако в речи Й. Й. Варкки иногда в тех позициях, где ожидалось бы появление редуцированного гласного, оказывается нередуцированный гласный *ä* или *a*. Другое отличие заключается в том, что гласные *u* и *o* могут иногда подвергаться более сильной редукции, чем это описано в [Кузнецова 2012: 63–69]. В настоящее время без дополнительных исследований мы не можем полностью быть уверены в том, что фонологическое описание южных нижнелужских говоров справедливо также и для идиолекта Й. Й. Варкки, поэтому мы в фонологической записи будем различать между собой редуцированные рефлексы всех гласных. Эти рефлексы мы обозначаем прописными буквами. Иными словами, например, в нашей фонологической записи символ *U* передает редуцированный *й*, который в ауслaute после глухих согласных обычно реализуется как оглушенный, а символ *u* передает нередуцированный. Противопоставление редуцированных и нередуцированных фонематично, ср. минимальные пары *nappU* ‘пуговица.NOM’/ *nappu* ‘пуговица.PART’, *kissA* ‘кошка.NOM’/ *kissa* ‘кошка.NOM’. Следует отметить, что одни и те же слова могли по-разному произноситься на протяжении всего интервью. В таких случаях реальная вариантивность отражалась только в фонетической записи, а в фонологической записи все фонетически отличающиеся варианты передавались одинаково, с опорой на тот вариант, который был получен при элицитации. Это, в частности, означает, что окказиональные случаи сильной редукции при очень быстром темпе речи не отражались в фонологической транскрипции. В ходе дальней-

ших исследований мы надеемся внести уточнения в фонологическую систему идиолекта Й. Й. Варкки.

В нижнелужском ижорском согласные также могут подвергаться позиционной палатализации в разной степени, в частности перед гласными переднего ряда и перед *j*. Такая палатализация сильнее всего у дентальных согласных перед *i*, причем *l* палатализуется вообще перед всеми гласными переднего ряда. В фонетической транскрипции мы не будем отмечать палатализацию перед *i*, поскольку в публикуемом тексте нам не встретилось случаев, когда согласный перед *i* был бы не палатализованным. Палатализацию дентальных в остальных случаях мы отмечаем.

Поскольку ижорский язык с 40-х годов XX века находится в состоянии языкового сдвига, в речи практически всех его носителей наблюдается переключение/смещение кодов¹ ижорский/русский. При этом переключение с одного языка на другой возможно не только между клаузами, но и внутри клауз, и даже внутри словоформы, см. например, строку 72. Разграничение случаев заимствования какой-либо лексемы и переключения кодов является нетривиальной задачей, ср. подходы Ш. Поплак [Poplack 1980], П. Майскена [Muysken 2000], К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1993], К. Пфафф [Pfaff 1979]. Поскольку те русские существительные, для которых есть точные ижорские соответствия, могут также оформляться ижорскими показателями числа и падежа при переключении кодов, мы не считаем морфологическую адаптацию критерием заимствования. Заимствованиями мы будем считать только устоявшиеся заимствования. Критерием для этого мы считаем представленность той или иной лексемы в словаре Р. Э. Нирви [Nirvi 1971], а также ее частотность в речи. Следует отметить, что в смешанной ижорско-русской речи русские глаголы никогда

¹ В литературе, посвященной проблематике переключения кодов, встречаются разные подходы к разграничению переключения и смешения кодов, однако детальное обсуждение выходит далеко за рамки данной публикации. Далее мы будем использовать термин «переключение кодов», не уточняя, какой именно тип имеется в виду.

не принимают ижорской морфологии, в то время как русские существительные могут принимать ижорские словоизменительные показатели. О переключении кодов внутри именной группы см. [Муслимов 2020].

Текст содержит переключение кодов в паре ижорский/русский языки. Для русских вставок приводится не фонетическая транскрипция, а орфографическая запись. При этом в тексте встретилось несколько случаев оформления ижорскими словоизменительными показателями русских существительных. В таких случаях мы даем фонетическую транскрипцию словоформ.

Формат представления расшифровки следующий: фонетическая транскрипция, фонологическая транскрипция с выделением морфем, морфемная строка, перевод. Русские вставки не глоссируются, за исключением тех случаев, когда русское существительное оформлено ижорскими словоизменительными показателями. В середине беседы один из авторов задает вопросы Й. Й. Варкки, перед его репликами стоит 'Соб.', перед ответами информанта – JV.

Для ижорского языка, как и для других прибалтийско-финских языков, характерны довольно сложные морфонологические правила. Многие лексемы имеют несколько основ, в ряде случаев происходит фузия и различного рода чередования в основе. Детальное описание морфонологии нижнелужского ижорского выходит далеко за рамки данной публикации. Особых комментариев заслуживают формы 3 лица глаголов. В презенсе 3 лицо как единственного, так множественного числа маркируется при помощи показателей *-l*, *-ja/-jä* (3Sg), *-vAd/-vÄd*, *-jad/-jäd*, *-d* (3Pl) и/или чередования в основе. В имперфекте и кондиционале 3Sg имеет нулевой показатель, 3Pl всегда маркируется показателем *-vAd*, при этом в имперфекте может отсутствовать даже показатель имперфекта *-i*: *küsü* 'он спросил', *ampU* 'он стрелял', *küsüvÄd* 'они спросили', *ampUvAd* 'они стреляли' [Лаанест 1966: 88–89, 126–128]. В тех случаях, когда показатель имперфекта присутствует в словоформе, мы не выделяем дополнительно нулевой показатель 3Sg, чтобы не загромождать морфемную строку: *ol-i* 'быть-1Př'. Если же в формах

3Pl отсутствует показатель имперфекта, то мы глоссируем показатель -vAd IPF.3PL: *küsü-vAd* 'спросить- IPF.3PL'.

Текст

1. в общем *ve ti'libritse*

в общем *ve² tilibr-itse³*

? телевизор-PROL

В общем, по телевизору,

2. *k oli katsüd* *npro*шлая неделя

ko ol-i-(n) katsO-d **прошлая неделя**

когда быть-IPF-1SG смотреть-PTCACT

когда посмотрел на прошлой неделе,

3. кабаны *seel' kui se li* Питере, под Питером, под Ленинградом

кабаны *seel' kui se ol-i*

там как DEM быть-IPF

Питере под Питером под Ленинградом

кабаны там, как это было под Питером, под Ленинградом,

4. *деревню, kül'l'ä tuliväd* кабаны

деревню *küllä tul-i-vAd* **кабаны**

деревня.ILL приходить-IPF-3PL

в деревню пришли кабаны,

5. в общем *kakstoist, kakstoist* штука

в общем *kakstoist kakstoist* **штука**

двенадцать двенадцать

в общем двенадцать, двенадцать штук.

6. *kold olivä mokomaisät suur'ät*

kold ol-i-vAd mokomaisE-d suurE-d

три быть-IPF-3PL такой-PL большой-PL

Трое были такие большие,

² Неясный фрагмент.

³ Это, по-видимому, один из редких примеров действительно-го с показателем пролатива. Ср. финское *e-mailitse* 'по электронной почте' [ISK §385].

7. *kold a toase peen'əmmət sə vi*

kold a toisE-d peenE-mmÄ-d se veel'

три DISC другой-PL маленький-COMP-PL DEM ещё
трое, а другие поменьше ещё.

8. *kül'l'ä ne mänivət seel' sinne*

küllä ne män-i-vÄd seel' sinnE

деревня.ILL DEM.PL идти-IPF-3PL там туда

В деревню они пришли туда,

9. *kaik, se kaik tarhat, kaik перевернули*

kaik se kaik tarha-d kaik перевернули

все DEM все огород-PL все

все огороды перевернули.

10. *aamöl значит noisiəd ül'l'äl' i^hm^sət*

aamU-l значит nois-I-vAd ülläl' ihmEsE-d

утро-AD встать-IPF-3PL вверх человек-PL

Утром, значит, встали люди

11. *kaik перевёрнуто seel'*

kaik перевёрнуто seel'

всё там

всё перевернуто там.

12. *se растут se красная сморода чёрная сморода*

se растут se красная сморода чёрная сморода

DEM DEM

[Там] растут красная смородина, черная смородина.

13. *kai вывернули kai вывернули roiz*

kai вывернули kai вывернули roiz

всё всё прочь

Всё вывернули,

14. *a peräst mänivət kui se l'e kes'kül'l'ä*

a peräst män-i-vÄd kui

DISC после идти-IPF-3PL как

se ol-i kesk-küllä

DEM быть-IPF середина-деревня.ILL

а после пришли, как это было, в середину деревни.

15. *seel' oli škoulu škoulun sadà sada*

seel' ol-i škoulU škoulU-n sada sada

там быть-IPF школа школа-GEN сад сад

Там была школа, школьный сад,

16. *siel' oli яблони*

seel' ol-i яблони

там быть-IPF

там были яблони,

17. *i pius viel'ä näüttivəd mokomaisəd omenəd висели.*

i pius-s veelä näütt-I-vÄd

и дерево-IN ещё показать-IPF-3PL

mokomaisE-d omenA-d висели.

такой-PL яблоко-PL

и на дереве, ещё показали, такие яблоки висели,

18. *i hūö значит tokkūvəd seel'*

i hūö значит tokkU-vAd seel'

и 3PL падать-3PL-IPF там

и они, значит, там падали.

19. *i habanat mänivīd seel'*

i kabanA-d män-i-vÄd seel'

и кабан-PL идти-IPF-3PL там

И кабаны пошли там,

19. *kaik saivīd vatsən täün i noisivəd makkama siel'*

kaik sa-i-vAd vatsA-n täün

все получать-IPF-3PL живот-GEN полный.ESS

i nois-I-vAd makka-ma seel'

и спать-IPF-3PL спать-SUP там

все наполнили живот и стали там спать,

20. *siel' i makàsivəd*

seel' i maka-si-vad

там и спать-IPF-3PL

там и спали,

21. *a peräst aamöl kenel'ə vot tädä vist na*

a peräst aamU-l kene-le vot tä-tä vist na

DISC потом утро-AD кто-INDEF DISC PROX-PART наверное

а потом утром кто-то их, наверное,

22. *kui se onə nənugal i mänivət poiz*

kui se onə nənugal i män-i-vÄd poiz
как DEM быть.3SG и идти-IPF-3PL прочь
как это, напугал, и они ушли.

23. *se, seel' kül'äs oli se videokaamera*

se, seel' külä-s ol-i se videokaamera
DEM там деревня-IN быть-IPF DEM
Там в деревне была видеокамера,

24. *i vom se nu i niinta следы kenet olivata*

i vom se nu i niinta следы kene-d ol-i-vAd
и DISC DEM DISC и так кто-PL быть-IPF-3PL
и вот такие следы, кто-то был.

25. *a niinta картинка oli эта на плёнке kabanət suurəd*

a niinta картинка ol-i эта на плёнке
DISC так быть-IPF
kabanA-d suurE-d
кабан-PL большой-PL
Картинка была на плёнке: кабаны большие.

26. *a metsäs ono lunta nəyäitä⁴*

a metsÄ-s ono lun-tA nəyäitä
DISC лес-IN быть.3SG снег-PART ?
А в лесу снега [? много],

27. *a süvv ej̯oo mitta⁵*

a süvvÄ ei oo mittä
DISC есть-INF NEG.3SG быть.CN что.NEGP.PART
а есть нечего,

28. *vom se tullot kül'l'ä*

vom se tullo-d küllä
DISC DEM приходить-3PL деревня.ILL
вот они приходят в деревню.

⁴ Неясный фрагмент.

⁵ При элицитации *mittä*.

29. *a siz kul'e ʹjanvaris oli karù tuli kerà*

<i>a</i>	<i>siz</i>	<i>kui-le</i>	<i>janvari-s</i>	<i>ol-i</i>
DISC	DISC	как-INDEF	январь-IN	быть-IPF
<i>karu</i>		<i>tul-i</i>		<i>kerà</i>
медведь		приходить-IPF		тоже

А было как-то в январе, медведь тоже пришёл.

30. *en ti kust än tuli*

<i>e-n</i>		<i>tijjE</i>		<i>kust</i>	<i>hän</i>	<i>tul-i</i>
NEG-1SG		знать.CN		откуда	3SG	приходить-IPF

Не знаю, откуда он пришёл,

31. *ну в общем tämät tied müö mäni sinnä sammə*

ну в общем	<i>tämä-t⁶</i>	<i>tee-t</i>
	PROX-PART	дорога-PART
<i>möö</i>	<i>män-i</i>	<i>sinnE samme⁷</i>
по	идти-IPF	туда?

ну, в общем, по этой дороге пошёл туда,

32. *конец sinnə kül'l'ä*

конец	<i>sinnE</i>	<i>küllä</i>
	туда	деревня.ILL

в конец, в ту деревню,

33. *sel' vas mäni al*

<i>seel'</i>	<i>vas</i>	<i>män-i</i>	<i>al</i>
там	только	идти-IPF	вниз

там только пошел вниз,

34. *seel' katsə mitäl'e sel' perti jäl'l'e ül'l'äl'*

<i>seel'</i>	<i>katsə</i>		<i>mi-tä-le</i>	<i>seel'</i>
там	смотреть-IPF.3SG		что-PART-INDEF	там
<i>pertti</i>		<i>jälle</i>	<i>ülläl'</i>	
комната.ILL		опять	вверх	

там посмотрел что-то там в комнате, опять вверх,

⁶ Партитив *tämät* вместо *tätä* — особенность идиолекта Й. Й. Варкки.

⁷ Неясный фрагмент. Вероятно, русская вставка «это самое».

35. *i tied müö mäni sinnə karù*

i tee-t möö män-i sinnE karu
и дорога-PART по идти-IPF туда медведь
и по дороге пошел туда медведь.

36. *i vom se karu nüd hān enna* в берлоге *ei nois makkama*

i vom se karu nüd hān enna
и DISC DEM медведь теперь 3SG больше
в берлоге *ei noisE makkama*
NEG.3SG стать.CN спать-SUP

И вот этот медведь теперь в берлоге больше не будет спать,

37. *hān nūn niinta* бродить *enə noisa*

hān nūd niinta бродить enə⁸ noiso
3SG теперь так ? стать.3SG

он теперь так бродить будет.

38. *hān ono* очень *o'pasno karu*

hān ono очень o'pasno⁹ karu
3SG быть.3SG опасный медведь

Он очень опасный медведь.

39. *a huntid olivət kerà / süksül' süksül' nii süksül'*

a huntI-d ol-i-vAd kera
DISC волки-PL быть-IPF-3PL тоже
süksü-l' süksü-l' nii süksü-l'
осень-AD осень-AD DISC осень-AD

А волки были осенью тоже, да, осенью.

40. *a nüd ei näü huntti*

a nüd ei näü huntt-i
DISC теперь NEG.3SG быть_ВИДИМЫМ.CN ВОЛК-PL.PART

А теперь волков не видно,

41. *huntid ku^hul'e mänivəd* вот такие дела

huntI-d kuhu-le män-i-vĀd вот такие дела
волк-PL куда-INDEF идти-IPF-3PL

волки куда-то ушли, вот такие дела.

⁸ Неясный фрагмент.

⁹ Русские прилагательные адаптируются в нижнелужском ижорском в форме с окончанием -о.

Соб.:

42. *nii, i huntI-d tul-i-vAd?*
 DISC, и волк-PL приходить-IPF-3PL

Да, и волки приходили?

JV:

43. *a süksül' olivæt*
a süksü-l' ol-i-vAd
 DISC осень-AD быть-IPF-3PL
 Осенью были.

Соб.:

44. *i kül'ä-s ol-i-vAd?*
 и деревня-IN быть-IPF-3PL

И в деревне были?

JV:

45. *kül'äs olivæt kera*
külä-s ol-i-vAd kera
 деревня-IN быть-IPF-3PL тоже
 В деревне были тоже.

<...>

46. *se nain el'l'ä seel' takàn выше seel'*
se nain ellä seel' takan выше seel'
 DEM женщина жить.3SG там позади там
 Эта женщина живет там позади, выше.

47. *a hänel' значит от pantu kamer*
a häne-l' значит ono pan-tU камера
 DISC 3SG-AD быть.3SG положить-PTCIPS
 У неё, значит, поставлена камера.

48. *i üö, üöl' значит kell n'el'l'ä üö*
i üö üö-l' значит kello nel'l'Ä üö
 и ночь ночь-AD час четыре ночь
 И ночью, значит, в четыре часа ночи,

*kui-le***видеокамера**

как-INDEF

стали как-то смотреть эту видеокамеру.

56. *koirä* *изо всех сил это* *juokso kotti sin lavvæn al kuhol'e**koirA* **изо всех сил это***juokso**kotti*

собака

бежать.3SG

дом.ILL

*se-n**lavvA-n**al**kuhu-le*

DEM-GEN

СТОЛ-GEN

под

куда-INDEF

Собака изо всех сил бежит в дом, куда-то под стол,

57. *i nel'l'ä vai viis huntti takän tuliväd**i**nellÄ**vai**viis**huntti*

и

четыре

или

пять

ВОЛК.PART

*takan**tul-i-vAd*

позади

приходить-IPF-3PL

и четыре или пять волков сзади шли,

58. *kerä suur'äd huntid olivad**kerä**suurE-d**huntI-d**ol-i-vAd*

тоже

большой-PL

ВОЛК-PL

быть-IPF-3PL

тоже большие волки были.

59. *a üks kerta huntid,**a**üks**kertA**huntI-d*

DISC

один

раз

ВОЛК-PL

А один раз волки...

60. *X¹² üöl' jättä sinnä vasikäd i l'ehmäd kaik**X öö-l**jättä**sinnE**vasikA-d*

X ночь-AD

оставить.3SG

туда

телёнок-PL

*i**lehmÄ-d**kaik*

и

корова-PL

все

X ночью оставляет там всех телят и коров.

61. *ono kai ulkona seel' metsän äär'es vai ko oli**ono**kai**ulkona**seel'**metsÄ-n*

быть.3SG

все

снаружи

там

лес-GEN

¹² Имя скрыто по этическим соображениям.

äärE-s vai ko ol-i
край-IN или когда быть-IPF

Они все снаружи, там, на краю леса, или когда было.

62. *mi saun sie piet l'ehmì*

miä sao-n siä piä-d lehm-i
1SG говорить-1SG 2SG держать-2SG корова-PL.PART

Я говорю: «Ты держишь коров,

63. *että karu vai seel't huntid tulisivad süömä*

ettI karu vai seelt huntI-d
чтобы медведь или оттуда волк-PL

*tull-isi-vad*¹³

приходить-COND-3PL есть-SUP

чтобы медведь или волки оттуда пришли бы есть».

64. *a ^hänel'ä* не докажешь

a häne-le не докажешь

DISC 3SG-ALL

А ему не докажешь.

65. *ono tokoma nimin että* какие волки какие медведи

ono tokoma inimin että
быть.3SG такой человек что

какие волки какие медведи

Такой человек: «какие волки, какие медведи»,

66. *hänel'* значит

häne-le значит

3SG-ALL

ему, значит,

67. *a its makaja tuvas* значит

a itsE maka-ja tuva-s значит
DISC сам спать-3SG изба-IN

а сам спит в избе, значит,

68. *i huntid tulivætä*

i huntI-d tul-i-vAd
и волк-PL приходить-IPF-3PL

¹³ Мы даем форму, полученную при эликации.

и волки пришли,

69. *окружили kai senenə X-n l'ehməd vasikəd ну*

окружили *kai* *sene-n* *X-n*
все DEM-GEN X-GEN

lehmÄ-d *vasikA-d* ну
корова-PL телёнок-PL DISC
окружили всех коров и телят X-а.

70. *a n'äki se o'hotnikət käüvəd üöl' katsüta*

a *näk-i* *se* *ohotnikA-d*
DISC смотреть-IPF DEM охотник-PL

käü-vÄd *öö-l'* *katsO-ta*
ходить-3PL ночь-AD смотреть-IPS

И увидел, это, охотники ходят ночью, смотрят,

71. *heil' ono автоматически оптика*

hei-l' *ono* **автоматически оптика**
3PL-AD быть.3SG

у них есть автоматическая оптика,

72. *u vot se vin'tofkən katsüt katsüt*

u **вот** *se* **винтовка-n** *katso-d* *katso-d*
DEM винтовка-GEN смотреть-3PL смотреть-3PL

и вот это [с помощью] винтовки смотрят, смотрят.

73. *huntid значит окружили l'ehmì vasikəd l'ehməd näitā*

huntI-d **значит окружили** *lehm-i,*
волк-PL королева-PL.PART

vasikA-d *lehmÄ-d* *nä-i-tā*
теленка-PL королева-PL PROX-PL-PART

Волки, значит, окружили коров, телят, коров этих.¹⁴

74. *a vasikat sinne takan ну в середине vasikat сохранились сохранились*

a *vasikA-d* *sinnE* *takan* **ну в середине**
DISC телёнок-PL туда позади

vasikA-d **сохранились сохранились**
теленка-PL

¹⁴ Рассогласование.

А телята там, позади, в середине, телята сохранились,

75. *huntid ei saanned vasikka, l'ehmä*

huntI-d ei saa-nne-d
 волк-PL NEG.3SG получить-PTCACT-PL
vasikka lehmä
 телёнок.PART корова.PART
 волки не получили теленка, корову.

76. *jos oli üks l'ehmä sizä huntid ottad*

jos ol-i üks lehmÄ siiz huntI-d otta-d
 если быть-IPF один корова то волк-PL брать-3PL
 Если корова была [бы] одна, то корову волки забрали [бы],

77. *a ko pal'l'ü siz hüö pöl'käjäd*

a ko pal'l'U siiz höö pölkÄ-jäd
 DISC когда много то 3PL бояться-3PL
 а когда много, то они боятся.

78. *a vasikäd ne livad siel' takan*

a vasikAd ne ol-i-vAd seel' takan
 DISC телёнок-PL DEM.PL быть-IPF-3PL там позади
 Телята были там позади.

<...>

79. в общем *mokomäsi pil'ti saab nähä näss kül'l'äs*¹⁵

в общем *mokomais-i pilt-i saa-b*
 такой-PL.PART картина-PL.PART мочь-3SG
nähä nä-i-s küll-i-s
 видеть.INF PROX-PL-IN деревня-PL-IN
 В общем, такие картинки можно видеть в этих деревнях.

80. *a enneb' enneb' oli tüö в 60ых годах*

a ennE-pI ennE-pI ol-i
 DISC раньше-COMP раньше-COMP быть-IPF
töö в 60ых годах
 работа
 А раньше была работа, в 60-ых годах.

¹⁵ Неясный фрагмент. «В этой деревне» было бы *täs kül'l'äs*.

81. *siiz oli pal'l'i hirvi*,

siiz ol-i pal'l'U hirv-i,
 DISC быть-IPF много лось-PL.PART

тогда было много лосей,

82. *hirvet kai tuliväd tänne puol'e*

hirvE-d kai tul-i-vAd tännE poole
 лось-PL все приходить-IPF-3PL сюда сторона.III

лоси все приходили в эту сторону,

83. *nu свободно käivõt нормальню*

ну свободно kä-i-vÄd нормальню
 DISC ходить-IPF-3PL

свободно ходили, нормально,

84. *kenk'i eit ei puuttütä*

ken-kI hei-t ei puuttU-d
 кто-NEGP 3PL-PART NEG.3SG тронуть-PTCACT

никто их не трогал.

85. *a nüt hirvi mitäl'e vähä no*

a nüd hirv-i mi-tä-le
 DISC теперь лось-PL.PART что-PART-INDEF

vähä ono

мало быть.3SG

А теперь лосей что-то мало,

86. *nüd on pal'l'är rohkem ono huntti ko hirvi*

nüd ono pal'l'U-p rohke-m¹⁶
 теперь быть.3SG много-COMP много-COMP

ono huntt-i ko hirv-i
 быть.3SG волк-PL.PART чем лось-PL.PART

теперь больше волков, чем лосей,

87. *i kapana kabanat kera olla*

i kabanA-d kabanA-d kera olla
 и кабан-PL кабан-PL тоже быть.IPS

и кабаны, кабаны тоже есть.

¹⁶ Эстонский показатель компаратива.

88. *a täs noka kabanat küll'ä eväd tul'e*

*a täs **нока** kabanA-d*

DISC здесь кабан-PL

küllä e-väd tule

деревня.ILL NEG-3PL приходить.CN

А сюда пока кабаны, в деревню, не приходят

Условные обозначения

AD — адессив

ALL — аллатив

COMP — сравнительная степень прилагательных

CN — коннегатив

COND — кондиционал

DEM — указательное местоимение (анафора)

DISC — дискурсивная частица

ESS — эссив

GEN — генитив

ILL — иллатив

IN — инессив

INDEF — показатель неопределенного местоимения

INF — инфинитив

IPF — имперфект

IPS — имперсонал

NEG — отрицательный глагол

NEGP — отрицательное местоимение

NOM — номинатив

PART — партитив

PL — множественное число

PROL — пролатив

PROX — указательное местоимение (ближнего ряда)

PTCACT — активное причастие

PTCIPS — имперсональное причастие

SUP — супин

1SG — 1 лицо единственного числа

2SG — 2 лицо единственного числа

3SG — 3 лицо единственного числа

3PL — 3 лицо множественного числа.

Литература

Кузнецова 2012 — Кузнецова Н. В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 1: 43–103.

Лаанест 1966 — Лаанест А. *Ижорские диалекты. Лингво-географическое исследование*. Таллинн, 1966.

Муслимов 2012 — Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 1: 135–193.

Муслимов 2020 — Муслимов М. З. Особенности оформления именных групп в смешении кодов водский/русский и ижорский/русский. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 4: 193–223.

ISK — A Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T.-R., Alho I. *Iso suomen kieliooppi* (VISK) [Big Finnish Grammar]. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu 5, 2008. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk> (accessed on 1.06.2024).

Muysken 2000 — Muysken P. *Bilingual speech. A Typology of Code-Mixing*. Cambridge, 2000.

Myers-Scotton 1993 — Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford, 1993.

Nirvi 1971 — Nirvi R. E. *Inkeröismurteiden sanakirja* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII). Helsinki, 1971.

Pfaff 1979 — Pfaff C. Constraints on language-mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English. *Language*, 1979, 2: 291–318.

Poplack 1980 — Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL. *Linguistics*, 1980, 7/8: 581–618.

References

Kuznecova N. V. Prosodika slovoformy v nizhneluzhskom dialekte izhorskogo jazyka [Prosody of word forms in the Lower Luga dialect of Izhorian]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 1: 43–103. (In Russ.)

Laanest A. *Izhorskie dialekty. Lingvo-geograficheskoe issledovanie* [Izhorian Dialects: A Linguistic and Areal Study]. Tallinn, 1966. (In Russ.)

Muslimov M. Z. «Narodnaja dialektologija» v nizhneluzhskom areale [“Folk dialectology” in the Lower Luga area]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 1: 135–193. (In Russ.)

Muslimov M. Z. Osobennosti oformlenija imennyh grupp v smeshenii kodov vodskij/russkij i izhorskij/russkij [Features of noun phrase marking in Votic/Russian and Izhorian/Russian code-mixing]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, 4: 193–223. (In Russ.)

Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T.-R., Alho I. *Iso suomen kielioppi* (VISK) [Large Finnish Grammar]. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu 5, 2008. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk> (accessed on 1.06.2024). (In Finnish)

Muysken P. *Bilingual speech. A Typology of Code-Mixing*. Cambridge, 2000.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford, 1993.

Nirvi R. E. *Inkeröismurteiden sanakirja* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII). Helsinki, 1971.

Pfaff C. Constraints on language-mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English. *Language*, 1979, 2: 291–318.

Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL. *Linguistics*, 1980, 7/8: 581–618.

Сказка «Волк и семеро козлят» на двух диалектах хваршинского языка¹

Заира Маджидовна Халилова

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

zaira.khalilova@gmail.com

В данной статье представлены тексты народных сказок, основанных на сюжете сказки «Волк и семеро козлят», на инхокваринском и собственно хваршинском диалектах хваршинского языка (цезская группа, нахско-дагестанская семья). Текст инхокваринского варианта сказки был записан Р. Ш. Каримовой в 2010 году в с. Октябрьское, Хасавюртовский район, Республика Дагестан. Текст собственно хваршинского варианта сказки был записан в селе Хонх, Цумадинский район, Республика Дагестан, в 2018 году. Тексты сказок приводятся в отгlossированном виде, с тремя строками (международная транскрипция хваршинских текстов, поморфемный разбор, с русским переводом и комментариями). Несмотря на культурное родство и общность фольклорных традиций носителей собственно хваршинского и инхокваринского диалектов, анализ данной сказки позволяет выявить различия в сюжетных структурах, а также в составе персонажей. Например, нарративные структуры инхокваринских и собственно хваршинских сказок имеют идентичное вступление, однако их финальные развязки существенно различаются.

Инхокваринская и собственно хваршинская версии сказки «Волк и семеро козлят» адаптированы с учетом местных особенностей и традиций и включают элементы, характерные для региона Кавказа. В частности, в текстах присутствует традиционное мусульманское приветствие «Ас-саляму алейкум», что переводится как «Мир вам».

¹ Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0012 поддержанного Министерством образования и науки РФ. Тема госзадания «Миноритарные языки и их локальные варианты: описание и мониторинг динамики языковой ситуации».

Ключевые слова: сказка, хваршинский язык, перевод, глоссированный текст

Для цитирования: Халилова З. М. Сказка «Волк и семеро козлят» на двух диалектах хваршинского языка. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 289–309.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-289-309

The folk tale “The Wolf and the Seven Little Goats” in two Khwarshi dialects

Zaira Madzhidova Khalilova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

zaira.khalilova@gmail.com

This article presents two narrative texts based on the plot of the folk tale “The Wolf and the Seven Little Goats” in the Inkhokwari and Khwarshi proper dialects of Khwarshi (Tsezic, Nakh-Daghestanian). The Inkhokwari variant was recorded by R. K. Karimova in 2010 in the village of Oktjabrskoe, Khasavyurtovsky District, Republic of Dagestan. The Khwarshi proper version was documented in Khonokh, Tsumadinsky District, Republic of Dagestan, in 2018. Both texts are presented in a standardized format as annotated texts, each comprising three lines. The first line provides a linguistic transcription of the Khwarshi texts, the second line presents interlinear morphemic glossing, while the third gives a Russian translation and comments. Although speakers of the Khwarshi and Inkhokwari dialects share cultural affinities and common folklore traditions, an analysis of this folk tale reveals disparities in plot structures and character compositions. For example, the openings of the Inkhokwari and Khwarshi proper narratives share a similar structure, yet their conclusions diverge significantly.

The Inkhokwari and Khwarshi proper versions of “The Wolf and the Seven Little Goats” have historically adapted to reflect local customs and traditions, incorporating elements unique to the Caucasus. Specifically, these versions include the traditional Muslim salutation “As-salamu alaykum,” meaning “Peace be with you”.

Keywords: folk tale, Khwarshi, translation, glossed text

For citation: Khalilova Z. M. The folk tale “The Wolf and the Seven Little Goats” in two Khwarshi dialects. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 289–309.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-289-309

Введение

1.1. О сказке

«Волк и семеро козлят» (нем. *Der Wolf und die sieben jungen Geißlein*) — известная сказка братьев Гримм, повествующая о козе и её детях. Эта история приобрела значительную известность и популярность среди разных народов мира (напр. [Додыхудоева 2023]), включая народы Дагестана. Инхокваринская и собственно хваршинская версии сказки «Волк и семеро козлят», известная под названием «ЛъилъукIа», сохраняют классический сюжет, но преподносятся в национальном колорите. Сказка «ЛъилъукIа», широко известная среди носителей инхокваринского и собственно хваршинского диалектов, является полной адаптацией классической сказки «Волк и семеро козлят». Существуют различные версии этой сказки. В статье рассматриваются два наиболее интересных варианта, представленные на инхокваринском и собственно хваршинском диалектах хваршинского языка.

В июле 2018 году в ходе полевой работы в с. Хонох, Цумадинский район, Республика Дагестан, автором были записаны несколько собственно хваршинских вариантов сказки «ЛъилъукIа». Для этой статьи была выбрана версия, рассказанная Жаврият Магомедовой. Инхокваринский вариант сказки «ЛъилъукIа» был записан Р. Ш. Каримовой в с. Октябрьское, Хасавюртовский район, Республика Дагестан, в 2010 году. Текст сказки на собственно-хваршинском диалекте был опубликован Р. Ш. Каримовой в книге «Хваршинский фольклор» [Каримова 2013: 75].

Инхокваринская и собственно хваршинская версии сказки «Волк и семеро козлят» адаптированы с учетом местных традиций и включают характерные кавказские элементы,

например упоминание блюда чуду с сыром², традиционное приветствие у мусульман «Ас-салям алейкум», которое переводится как «Мир вам».

Следует отметить, что нарративные структуры инхокваринской и собственно хваршинской сказок демонстрируют идентичное начало, однако различаются по финальной развязке. Собственно хваршинская версия сказки ближе всего к оригиналу по сюжету. Инхокваринская интерпретация сказки — это уникальное и яркое произведение, объединяющее элементы двух известных сюжетов: «Волк и семеро козлят» и «Лисичка-сестричка и волк». В этом варианте лиса, как в оригинальной сказке, хитростью заманивает волка на прорубь, демонстрируя свою смекалку и находчивость. В инхокваринской версии лиса решает помочь Замарашке спасти её детей. С помощью обмана она заманивает волка на каток, где тот примерзает, после чего его живот вскрывают. Интересно, как в этой интерпретации вместо выражения признательности Замарашка стремится обмануть лису, предложив ей чуду с пеплом вместо чуду с сыром. Однако лиса перехитрила Замарашку, что в итоге приводит к её окончательной победе. Этот момент подчеркивает образ лисы как самого коварного существа, которого невозможно провести. В финале подчеркивается важность семейного уюта и гармонии.

В инхокваринской и собственно хваршинской версиях сказки отличаются составы персонажей. В собственно хваршинской сказке главный герой, Замарашка, неопрятная женщина, фигурирует исключительно в первом предложении, после чего в повествовании используется собственно хваршинское слово *ишу* «мама». Другие персонажи — это пять дочерей, волк и люди. В инхокваринском рассказе главным героем является Замарашка, которая присутствует в повествовании на протяжении всего текста. Также иногда используется аварское слово *баба* «мать». Помимо Зама-

² Чуду́ с сыром — это традиционное дагестанское блюдо, представляющее собой закрытые лепешки из тонкого бездрожжевого теста с сочной начинкой.

рашки, в произведении фигурируют семь дочерей, у каждой из которых есть своё имя, а также волк и лиса.

1.2. О языке

Хваршинский язык является одним из пяти бесписьменных цезских языков нахско-дагестанской языковой семьи. Цезская подгруппа языков состоит из западной (цезский, гинухский, хваршинский) и восточной (бежтинский, гунзибский) групп. Хваршинский язык делится на два основных диалекта: собственно хваршинский (или хонохский) и инхокваринский. В свою очередь в инхокваринском диалекте выделяются собственно инхокваринский, квантладинский, сантладинский и хвайнинский говоры. Инхокваринский и собственно хваршинский диалекты иногда классифицируются как отдельные языки [Kassian & Testelefs 2017: 99]. Различия между диалектами являются существенными и охватывают фонетические, морфологические и лексические аспекты. Собственно хваршинский диалект характеризуется как более архаичный, в то время как инхокваринский подвергся значительному влиянию соседних языков, что проявилось в большом количестве заимствований. Основное морфологическое различие заключается в образовании системы видо-временных форм глаголов. В данной статье представлен материал собственно хваршинского диалекта, далее просто хваршинский диалект, и квантладинского говора инхокваринского диалекта, далее просто инхокваринский диалект.

Хваршинский язык обладает развитой системой именной и глагольной морфологии [Khalilova 2009; Khalilova forthcoming; Khalilova & Testelefs forthcoming]. Существительные имеют категории класса, падежа и числа. В языке представлено пять грамматических классов в единственном числе и два класса во множественном (класс «разумное» множественное и класс «неразумное» множественное). Морфологически различаются единственное и множественное числа. В языке представлены грамматические и локативные падежи. По составу хваршинские глаголы делятся на простые и сложные. Простые глаголы состоят из одной

основы, например *kul-a* [кидать-INF]. Сложные глаголы состоят из лексического компонента, который может быть выражен существительным, прилагательным, наречием или неизменяемой формой глагола, который является заимствованием из аварского или русского языков, и вспомогательного глагола 'делать' или 'становиться'. Многие глаголы имеют позицию для классно-числового согласовательного аффикса и согласуются с ИГ в абсолютиве. Видо-временная система представлена синтетическими и аналитическими формами. Хваршинский глагол имеет следующие нефинитные глагольные формы: масдар, инфинитив, причастие и деепричастие (или конверб).

Следует уточнить некоторые частотные формы глагольной парадигмы. Глагольные формы с суффиксом *-na* могут быть как финитными, так и нефинитными. Прошедшее неочевидное (на английском *Past unwitnessed*, в глоссах *pst. uw*) образуется с помощью суффикса *-na*. Прошедшее неочевидное время применяется для описания событий, имевших место в прошлом, но свидетелем которых говорящий не был. Перфективный конверб (на английском *Perfective converb* или просто *converb*, в глоссах — *cvb*) формируется при помощи суффикса *-na* и присоединяется к прямой основе глагола. Данный конверб имеет две основные функции: является сказуемым зависимой клаузы обстоятельственных предложений и используется при образовании аналитических глагольных форм. В отличие от финитной формы с суффиксом *-na*, данный конверб не выражает эвиденциального значения.

Также следует пояснить функции кватативной и нарративной частиц. В хваршинском языке стандартная цитационная конструкция состоит из авторской ремарки и собственно цитации [Khalilova 2025], за которой следует показатель цитации (*λun* — инхокваринский вариант и *λa / λan* — собственно хваршинский вариант), который часто описывают как кватативная частица, квататив или подчинительный союз и присутствует во многих языках, в том числе и в дагестанских языках. Данный показатель образо-

вался путем грамматикализации перфективного глагола речи 'сказать, говорить' [Халилова 2021]. В собственно хваршинском диалекте кватативная частица имеет два варианта: *λan* и *λa*, последний вариант совпадает с формой нарративной частицы. В тексте две функции частиц отмечены в глоссах соответственно.

Нарративные частицы *λo* (инхокваринский вариант) и *λa* (собственно хваршинский вариант) используются в нарративных контекстах, таких как сказки, рассказы, бытовые истории, легенды, предания, анекдоты и подобного рода тексты. Такие частицы часто используются в вводных первых предложениях в сказках типа «однажды жили да не были» (см. вводные предложения сказок ниже).

1.3. О принципах представления текста

Каждое предложение текста состоит из трех строк. В первой строке используется латинская транскрипция. Текст разбит на морфемы, для отделения клитик используется знак «=». Во второй строке приводится поморфемный разбор, следующий Лейпцигским правилам глоссирования [Comrie et al. 2008]. Для перевода лексических значений был использован словарь [Халилов и др. 2022]. В конце данной работы представлены сокращения грамматических ярлыков. В третьей строке приведен литературный перевод на русский язык.

2. ЛѝлѝукIа «Замарашка» (собственно хваршинский вариант)

1. hasλa	j-eša-na=λa	ɦɪɦuka=n	
однажды	II-быть-PST.UW=NARR	Замарашка(II)=ADD	
ɦɪ-s	ɦena	kad=na.	
она-GEN1	пять	девочка=ADD	
'Жила-была одна Замарашка, у которой было пять дочерей'.			
2. židu	ĩdu	ɦoc'a-na,	žu
они	внутри	оставить-CVB	она

- j-āk'a-na копо-қо.
II-идти-PST.UW лес-POSS
'Оставив их дома, она пошла в лес'.
3. idihi iła-na ɬu-l=na
она.ERG говорить-PST.UW кто.OBL-LAT=ADD
āc j-a:ɤku
дверь(IV) IV-открывать.PROH
miži=ła q'ala-qo-l.
вы.ERG=QUOT дети-POSS-LAT
'Она детям говорит: «Вы не открывайте никому дверь!»
4. hada zamana-ɬ'a boɤ'a b-at't'a-na.
один.OBL время-SUP волк(III) III-идти-PST.UW
'Вдруг пришел волк'.
5. oho išu kande-ba āc
ooo мама дочь.OBL-PL дверь(IV)
j-aɤa=ła.
IV-открывать.IMP=QUOT
'Эй, мамыны дочки, откройте дверь!' (говорит волк)
6. j-aɤatte=ɬan iła-na.
IV-открывать.PRS.NEG=QUOT говорить-PST.UW
'Не откроем, (они) сказали'.
7. ma ɪla išu gobči=ła iła-na.
ты мы.GEN1 мама NEG.COP=QUOT говорить-PST.UW
'Ты не наша мама, (они) сказали'.
8. ilo iɕat'e-s indu lože
мы.GEN2 мама.OBL-GEN1 такой голос(IV)
l-eɕ-aj=ła iła-na.
IV-быть-NEG.PST=QUOT говорить-PST.UW
'У нашей мамы не такой голос, (они) сказали'.
9. m-ak'a-n m-iɬ'a-n m-iɬ'a-na,
III-идти-CVB III-идти-CVB III-ходить-CVB
igo golos lože l-ɤɤek'-na
там голос голос(IV) IV-менять-PST.UW
iɬi, iɕat'e-s l-ajɬi.
этот.ERG мама.OBL-GEN1 IV-похожий

‘Пошел волк и изменил голос, сделав его похожим на мамин’.

10. žan m-ak'a-na, goľa-na, oho išu
еще III-идти-CVB звать-PST.UW эй мама
kande-ba āc
девочка.OBL-PL дверь
silo=ļa iľa-na, da miža išu.
открывать.IMP=QUOT говорить-CVB я ваша мама
‘Пошел он опять к ним и говорит: «Эй, мамыны
дочки, откройте дверь, я ваша мама!»’
11. sil-ate=ļa iľa-na,
открывать-PRS.NEG=QUOT говорить-CVB
ilo išet'-qo
мы.GEN2 мама.OBL-POSS
indu šil'u l-ečaj=ļa iľa-na.
такой одежда(IV) IV-быть-NEG.PST=QUOT говорить-CVB
‘Не откроем, у нашей мамы было другое платье’.
(отвечают они)
12. m-iļ'a-na, šil'a-na žu išat'qo
III-идти-CVB одеваться-CVB она мама.POSS
l-ejča l-ajī šil'u.
IV-быть.PST.W IV-похожий одежда(IV)
‘Он пошел и надел одежду, похожую на мамину’.
13. m-ak'a-na, žan goľa-na oho išu kande-ba
III-идти-CVB еще звать-CVB эй мама девочка.OBL-PL
āc silo=ļa iľa-na.
дверь открывать.IMP=QUOT говорить-PST.UW
‘Пошел волк опять и позвал: «Эй, мамыны
дочки, откройте дверь!»’
14. sil-ate=ļa iľa-na
открывать-NEG.PRS=QUOT говорить-PST.UW
kande-za ilo išat'e-s
девочка.OBL-PL.ERG мы.GEN2 мама.OBL-GEN1
indu хух l-eč-aj=ļa.
такой(IV) лицо(IV) IV-быть-PST.NEG=QUOT

‘Девочки сказали: «Не откроем! У нашей мамы не такое лицо»’.

15. m-ak'a-na, keĵka o<r>žu a<r>dun
III-идти-CVB мука(IV) <IV>это <IV>так
l-eĵa-na, žu ħuħ
IV-мазать-PST.UW это лицо(IV)
nalna iša't'e-s l-ajti.
везде мама.OBL-GEN1 IV-похожий
‘Он пошел и намазал лицо мукой везде, как у мамы’.
16. žan m-iĵ'a-na, b-at't'a-na gojta-č
опять III-идти-CVB III-приходить-CVB быть-PTCP
iša't'e-s l-ajti l-eqq-oq'arĵ'o, oho
мама.OBL-GEN1 IV-похожий IV-случаться-ANTR эй
išu kande-ba=ĵa goĵa-na iĵi
мама девочка.OBL-PL=QUOT звать-CVB этот.ERG
āc silo=ĵa, sil-anaj dili.
дверь открывать.IMP=QUOT открывать-NEG.PST я.LAT
‘Опять пошел волк туда, сделав все похожим
как у мамы, он зовет — «Эй маминьы дочки,
откройте дверь, не открыли мне»’.
17. uuu ĵjab kande-ba b-ac'-na,
ох такие девочка.OBL-PL HPL-кушать-CVB
has kad j-aq-anabči iĵiqo.
один девочка(II) II-поймать-NEG.CVB этот.POSS
«Ах вы, девочки» (говоря), волк всех съел, а одну не смог’.
18. hed idi židu=n b-ac'-na, m-iĵ'a-na
потом он они=ADD III-кушать-CVB III-идти-CVB
m-iĵ'a-na o<r>engo ogorod-ma iĵoħ-na.
III-идти-CVB <IV>там огород-IN приближаться-PST.UW
‘Затем он съел их и отправился в огород’.
19. m-iĵ'a-na boс'a ĵiĵ-na b-aqe-na
III-идти-CVB волк(III) пьянеть-CVB III-лежать-CVB
ĵes-na, ĵes-na b-eĵa-na.
спать-CVB спать-CVB III-быть-PST.UW
‘Шагая, он постепенно опьянел, лег и уснул’.

20. hada zamanax'o ija-n idu
 один.OBL время.SUP плакать-CVB она
 j-eča-na j-at't'a-na išu.
 II-быть-CVB II-приходить-PST.UW мама(II)
 'В какой-то момент, когда девочка горько
 плакала, пришла мама'.
21. aj hobona ila kande-ba
 ой так мы.GEN1 девочка. OBL-PL
 b-ajc'a boc'i=ła iła-na.
 HPL-кушать.PST волк.ERG=QUOT говорить-PST.UW
 '«Ой, волк съел наших девочек», — сказала она'.
22. na=k boc'a gołe? kwe-ja b-ah-na,
 где=QUES волк COP искать-INF HPL-вставить-CVB
 b-akwa-na homongo.
 III-видеть-PST.UW этот
 'Где же волк? Стали искать и увидели волка'.
23. goła-na=n hadam=na, m-iq'-na,
 звать-CVB=ADD люди=ADD III-находить-CVB
 b-ijaχ-na=n žu, b-eχ-na
 III-колоть-CVB=ADD он HPL-вытащить-PST.UW
 gojła kande-ba=n āχ-žo.
 все девочка.OBL-PL=ADD живот-ABL
 'Позвали людей, закололи волка, вытащили девочек
 из живота'.
24. hed igo-žo žu=n b-eχ-na židu,
 потом там-ABL он=ADD HPL-отбирать-CVB они
 b-ez-na iħil tati-ba=n l-u-na.
 HPL-брать-CVB она.LAT чуду-PL=ADD NHPL-делать-PST.UW
 'Потом, вытащив детей и забрав их, (мама) сделала
 им чуду'.
25. židu=n kuka-χ-na, paraqat
 они=ADD кушать-CAUS-CVB мирно
 išu=n j-eča-na.
 мама(II)=ADD II-быть-PST.UW
 'Накормив их, мама уселась спокойно'.

1. j-eč-un=λo j-eč-un-aj=λo
 II-быть-PST.UW=NARR II-быть-PST.UW-NEG=NARR
 hos ɬɪuk'a.
 один Замарашка
 'Жила была одна Замарашка'.

2. ɪte-s oλ kad=in j-eč-un,
 она-GEN1 семья дочь(II)=ADD II-быть-PST.UW
 bulʲʰaχe, betaxe kutaxe
 Лысая Плешивая Болячка
 q'ebure, λiq^we, ʒadalaj, s'odoraj.
 Хромая Кривая Глупая Умная.
 'У неё было семеро дочерей: Лысая, Плешивая,
 Болячка, Хромая, Кривая, Глупая и Умная'.

3. hōq'osa ɬɪuk'a j-ōk'-a
 однажды Замарашка(II) II-идти-INF
 j-eq-un qit'a-ha.
 II-начинать-PST.UW хворост-AD
 'Однажды Замарашка собралась в лес за хворостом'.

4. j-ōk'-a atkul moɬ-un kandazaqal
 II-идти-INF прежде учить-PST.UW дочь.PL.POSS.LAT
 ās ɬul=un j-a:ɤbo=λun.
 дверь(V) кто.LAT=ADD V-открывать.PROH=QUOT
 'Перед уходом она предупредила дочерей,
 чтобы не открывали дверь никому'.

5. b-eč-un kandaba ēdu kere-še.
 III-быть-PST.UW дочь.PL внутри играть-PRS
 'Девочки играли дома'.

6. l-ek'ek'-un hada zamana-λ'a āc-ma-qa.
 IV-стучать-PST.UW один.OBL время-SUP дверь-OBL-POSS
 'Кто-то постучал в дверь'.

7. mo hibo=λun isχ-in kandaza.
 ты кто=QUOT спрашивать-PST.UW дочь.PL.ERG
 '«Кто там?» — спросили дочки'.

8. mižo išu=λun žawab b-i-jin boc'i.
вы.GEN1 мама=QUOT ответ(III) III-делать-PST.UW волк.ERG
'«Это ваша мама», — ответил волк'.
9. ilo išedus ondu lože l-eč-bi.
мы.GEN2 мама.GEN1 такой голос(IV) IV-быть-NEG
'У нашей мамы не такой голос'.
10. mo ilo išu gobi=λun
ты мы.GEN1 мама NEG.COP=QUOT
iλ-in kandaza.
говорить-PST.UW дочь.PL.ERG
'Ты не наша мама», — ответили дочери'.
11. mižo išu dow j-eč-i=λun
вы.GEN1 мама какой II-быть-PST.W=QUOT
isχ-in boc'i.
спрашивать-PST.UW волк.ERG
'«Как выглядела ваша мама?» — спросил волк'.
12. ut'ana gid gollu=λun
красный платье быть.PTCP=QUOT
iλ-in řadalaj-i.
говорить-PST.UW глупая-ERG
'«Она была в красном платье», — сказала Глупая'.
13. ut'ana-t'a zidora-ba l-akχ-un boc'i.
красный-PL ткань-PL NHPL-показать-PST.UW волк.ERG
'Волк показал красную ткань'.
14. āc j-ak-a durid-in kandaba.
дверь(V) V-открывать-INF бегать-PST.UW дочь.PL
'Девочки побежали открывать дверь'.
15. j-a:κbo=λun iλ-in c'odoraj-i.
III-открывать.PROH=QUOT говорить-PST.UW умная-ERG
'«Не открывайте», — сказала Умная'.
16. tuq-un-aj izzul iče-s χabar.
слышать-PST.UW-NEG они.LAT она-GEN1 разговор
'Они не слышали, что она им сказала'.

24. baba j-ot'q'a-λa, cuc-zaha-zi=n
 мама(II) II-приходить-CVB прятаться-LOC.CVB-ABL=ADD
 j-eq-un, is-in c'odora-i
 II-выходить-CVB сказать-PST.UW умная-ERG
 l-eqqu himon.
 IV-случаться-PST.PTCP вещь(IV)
 'Когда пришла мама, Умная вышла из того места,
 где она пряталась, и рассказала всё, что произошло'.
25. jija-šeč j-ōk'-še j-eč-un
 плакать-SIM.CVB II-идти-PRS II-быть-PST.UW
 ħiuk'a boc'o b- uwox-a=λun
 Замарашка(II) волк(III) III-убить=INF=QUOT
 'Замарашка пошла убивать волка и плакала на ходу'.
26. b-uχ-un dandil zor.
 III-идти-PST.UW навстречу лиса(III)
 'Она встретила лису'.
27. isχ-in zor-i ħiuk'aqa
 спрашивать-PST.UW лиса-ERG Замарашка.POSS
 ħibo l-eq-i=λun.
 что(IV) IV-стать-PST.W=QUOT
 'Лиса спросила Замарашку о случившемся'.
28. is-in ħiuk'a zorqo boc'i
 говорить-PST.UW Замарашка лиса.POSS волк.ERG
 iħes kandaba b-ac'-un=λun
 она.GEN1 дочь.PL HPL-кушать-PST.UW=QUOT
 'Замарашка рассказала лисе, что волк съел её дочерей'.
29. zor-i iλ-in iħeqol, mo
 лиса-ERG говорить-PST.UW она.POSS.LAT ты
 ēduvul j-ōk'-o de b-i-ja boc'ul.
 внутрь II-идти-IMP я.ERG III-делать-INF волк.LAT
 'Лиса сказала ей: «Ты иди домой, а я разберусь
 с волком сама»'.
30. m-ok'-un zor boc'vol
 III-идти-PST.UW лиса волк.APUD.LAT
 'Лиса пришла к волку'.

31. Asalamu ʕalejkum boc'o, waʕalejkum salam zor.
Салам алейкум волк ваалейкум ассалам лиса
'«Ас-саламу алейкум, волк». — «Ва алейкум-салам, лиса»'.
32. m-ehejo hed bolo-ʕ'ol zo-ja.
III-идти.IMP потом лед-SUP.LAT кататься-INF
ʕe=ʕun iʕ-in.
идем=QUOT говорить-PST.UW
'«Пошли на каток». — «Ну пошли»'.
33. m-ok'-un zor=un boc'o=n
HPL-идти-PST лиса=ADD волк=ADD
bolo-ʕ'ol zo-ja.
лед-SUP.LAT кататься-INF
'Лиса и волк пошли на каток'.
34. sihira-b zor-i iʕ-in
хитрый-III лиса-ERG говорить-PST.UW
heč'č'e atkul mo b-eqlo bolo-ʕ'o-l=ʕun.
самый первый ты III-идти.IMP лед-SUP-LAT=QUOT
'Хитрая лиса сказала волку: «Ты иди первым на каток»'.
35. b-eq-un boc'o atkul, žohoč
III-идти-CVB волк(III) вперед следом
zor=un b-eq-un.
лисa(III)=ADD III-идти-PST.UW
'Волк отправился первым, а лиса последовала за ним'.
36. zor-i ʕo gut'-un, ʕuk'-un
лисa-ERG вода наливать-CVB приклеить-PST.UW
boc'o bolo-qol.
волк лед-POSS.LAT
'Лиса налила воду, и волк прилип ко льду'.
37. b-og b-oʕu bolo-qo-l boc'o
III-хорошо III-похожий лед-POSS-LAT волк(III)
ʕuk'-aʕa goʕ'-un zor-i ʕiʕuk'a.
приклеиться-CVB звать-PST.UW лиса-ERG Замарашка
'Когда волк крепко примерз ко льду, лиса позвала
Замарашку на помощь'.

38. wo ʔiʔuk'a, tir=in n-eq-o,
 эй Замарашка сабля(IV)=ADD IV-нести-IMP
 õg=un n-eq-o
 топор(IV)=ADD IV-нести-IMP
 eʃen=un j-eq-o hobo=ʔun.
 мотыга(V)=ADD V-нести-IMP приходи=QUOT
 'Эй, Замарашка, носи саблю, топор и мотыгу и приходи'.
39. j-ot'q'-un ʔiʔuk'a durid-in,
 II-приходить-CVB Замарашка(II) бежать-CVB
 õg=un m-eq'-un.
 топор(III)=ADD III-брать-PST.UW
 'Замарашка прибежала и принесла топор'.
40. l-ek'-un boc'lo ʔx-a-ʔ'a.
 IV-ударить-PST.UW волк.GEN2 живот-OBL-SUP
 'Она ударила волка в живот'.
41. l-oʔo ʔx=un l-ut'-un,
 IV-пополам живот(IV)=ADD IV-делить-CVB
 bercinab-t'a=n b-eq-un,
 красивый-PL=ADD HPL-стать-CVB
 m'a:-ʔul kandaba=n b-uʔ-un.
 наружу-VERS дочь.PL=ADD HPL-выходить-PST.UW
 'Живот распоролся, и девочки вышли оттуда
 живыми и красивыми'.
42. b-ot'q'-un ẽdu-ʔul.
 HPL-приходить-PST.UW внутрь-VERS
 'Они пошли домой'.
43. l-ij-in ʔiʔuk'a buʃne-bo
 NHPL-делать-PST.UW Замарашка.ERG чуду-PL
 q'ala-l k'oro-s, zor-ul jõʔa-ʔm-us.
 дети-LAT сыр-GEN1 лиса-LAT зола-уголь-GEN1
 'Замарашка приготовила чуду с сыром для
 своих детей, а чуду с пеплом для лисы'.
44. biʔt'e buʃne-bo l-eq-aʔa zor-i
 поровну чуду-PL NHPL-стать-WHEN лиса-ERG

- iļ-in ģiŋuk'a-qa mo
говорить-PST.UW Замарашка-POSS ты
m'a:kul goļ'-še goli=λun.
снаружи звать-PRS COP=QUOT
'Когда она разделила чуду поровну, лиса позвала
Замарашку выйти во двор'.
45. ģiŋuk'a m'a:kul j-eq-uč, zor-i
Замарашка снаружи II-идти-CVB лиса-ERG
jōļa-āmla-s bušne-za-s k'ot'e iŋelo
зола-уголь-GEN1 чуду-PL-GEN1 тарелка она.GEN2
kandazala atkuža gul-un, kandazala
дочь.PL.GEN2 перед класть-CVB дочь.PL.GEN2
atkuža-sa k'oro-s bušne-bo=n
перед-ATTR сыр-GEN1 чуду-PL=ADD
l-itχ-in b-ik-in.
NHPL-красть-CVB III-бежать-PST.UW
'Когда Замарашка вышла во двор, лиса поменяла
свою тарелку с хлебом из пепла, поставила её
перед девочками, украла хлеб с сыром и убежала'.
46. b-oļo muħa=n b-ut'-un,
III-пополам сказка(III)=ADD III-закончиться-CVB
liχ-in bada=n m-eļ'-un
рваться-CVB мешок(III)=ADD III-идти-PST.UW
'Мешок порвался пополам, и моя сказка закончилась'.

Сокращения

I, II, III, IV, V — показатели именных классов

ADD — аддитив ('и, тоже')

APUD — локализация 'рядом, возле'

ATTR — атрибутив

CAUS — каузатив

COM — комитатив

COP — связка

CVB — деепричастие

ERG — эргатив

ESS — эссив
GEN — генитив
GNT — общее время
IMP — императив
IN — локализация ‘внутри’
INF — инфинитив
INT — интенсификатор (клитика)
INTER — локализация ‘в массе’
HPL — разумное множественное (human plural)
LAT — латив
NARR — нарративная частица
NEG — отрицание
NHPL — неразумное множественное (non-human plural)
OBL — косвенная основа
POSS — посс-эссив
PFV — перфектив
PL — множественное число
PRS — презенс
PROH — прохибитив
PST.W — прошедшее очевидное (past witnessed)
PST.UW — прошедшее эвиденциальное (past unwitnessed)
PTCP — причастие
QUOT — кватативная частица (показатель цитирования)
SIM.CVB — деепричастие одновременности (simultaneous converb)
SUB — локализация ‘под, снизу’
SUP — локализация ‘над, сверху’
TERM — терминатив (‘вплоть до’)
TRANS — транслатив.

В строке глоссирования не обозначаются немаркированные значения категорий, такие как абсолютив и единственное число.

Литература

Додыхудоева 2023 — Додыхудоева Л. Р. Сказка «О козе и козлятах» на рушанском и хуфском языках. *Родной язык. Лингвистический журнал*. 2023, 2: 133–155.

Каримова 2014 — Каримова Р. Ш. *Хваршинский фольклор*. Махачкала, 2014.

Халилов и др. 2022 — Халилов М. Ш., Джидалаев Н. С., Магомедова З. Д. *Словарь хваршинского языка*. Махачкала, 2022.

Халилова 2021 — Халилова З. М. Грамматикализация глаголов речи в некоторых цезских языках: нарратив и квотатив. *Вестник Дагестанского научного центра*, 2021, 82: 55–57.

Comrie et al. 2008 — Comrie B., Haspelmath M., Bickel B. *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme by morpheme glosses*. Revised version of February 2008. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

Kassian, Testelelets 2017 — Kassian A. S., Testelelets Ya. G. Pitfalls of shared innovations: Genealogical classification of the Tsezic languages and the controversial position of Hinukh (North Caucasus). *Lingua*, 2017, 196: 98–118.

Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A Grammar of Khwarshi*. Utrecht, 2009.

Khalilova 2025 — Khalilova Z. M. Reported speech in Bezhta. *Вопросы языкознания*, 2025, 1: 119–135.

Khalilova forthcoming — Khalilova Z. Inkhokwari. *The Caucasian Languages*. An International Handbook. HSK series. Maisak T., Koryakov Y., Kaye S. (eds). The Hague, forthcoming.

Khalilova, Testelelets forthcoming — Khalilova Z. M., Testelelets Ya. G. Khwarshi. *The Caucasian Languages*. An International Handbook. HSK series. Maisak T., Koryakov Y., Kaye S. (eds). The Hague, forthcoming.

References

Comrie B., Haspelmath M., Bickel B. *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme by morpheme glosses*. Revised version of February 2008. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

Dodykhudoeva L. R. "The Goat and her kids": A folk tale in Rushani and Khufi. *Rodnoy Yazyk. Linguistic Journal*, 2023, 2: 133–155. (In Russ.)

Karimova R. Sh. *Khvarshinskiy fol'klor* [Khwarshi Folklore]. Makhachkala, 2024. (In Russ.)

Kassian A. S., Testeleets Ya. G. Pitfalls of shared innovations: Genealogical classification of the Tsezic languages and the controversial position of Hinukh (North Caucasus). *Lingua*, 2017, 196: 98–118.

Khalilova Z. *A Grammar of Khwarshi*. Utrecht, 2009.

Khalilova Z. M. Grammatikalizatsiya glagolov rechi v nekotorykh tsezskikh yazykakh: narrativ i kvotativ [Grammaticalization of speech verbs in the Tsezic languages]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, 2021, 82:55–57. (In Russ.)

Khalilova Z. M. Reported speech in Bezhta. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 1: 119–135.

Khalilova Z. Inkhokwari. *The Caucasian Languages*. An International Handbook. HSK series. Maisak T., Koryakov Y., Kaye S. (eds). The Hague, forthcoming.

Khalilova Z. M., Testeleets Ya. G. Khwarshi. *The Caucasian Languages*. An International Handbook. HSK series. Maisak T., Koryakov Y., Kaye S. (eds). The Hague, forthcoming.

Khalilov M. Sh., N. S. Dzhidalaev, Z. D. Magomedova. *Slovar' khvarshinskogo yazyka* [Khwarshi dictionary]. Makhachkala, 2022. (In Russ.)

**Международная конференция:
«Лингвистический форум 2025:
Перевод Библии как способ сохранения
и развития языка. Традиции и новые подходы»**

Кетеван Тамазовна Гадилия

*Институт перевода Библии,
Российский государственный гуманитарный институт
Москва, Россия
k_gadilia@ibt.org.ru; kgadiliya@gmail.com*

**International Conference “Linguistic Forum 2025.
Bible translation as a way to preserve and develop
languages: Traditions and new approaches”**

Ketevan Tamazovna Gadilia

*Institute for Bible Translation,
Russian State University for the Humanities
k_gadilia@ibt.org.ru; kgadiliya@gmail.com*

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-310-323

16–18 октября 2025 г. в Москве состоялась международная конференция «Лингвистический форум: Перевод Библии как способ сохранения и развития языка. Традиции и новые подходы», которую совместно провели Институт языкознания РАН и Институт перевода Библии (Москва). Конференция была приурочена к 75-летию юбилею Института языкознания РАН и 30-летию деятельности Института перевода Библии в РФ.

В работе конференции приняли участие более 60 ученых — лингвистов и библейских переводчиков из разных

стран. Доклады, посвященные широкому кругу языков, были представлены как в онлайн-формате, так и очно.

Конференция открылась в Институте языкознания пленарным докладом **В. А. Плунгяна** «Переводы Библии как инструмент грамматической типологии». В докладе было показано, что переводы Библии (особенно переводы Нового Завета) представляют собой уникальный многоязычный параллельный корпус. Несмотря на то что с развитием корпусных методов роль этих текстов в типологических исследованиях грамматики и лексики резко возросла, грамматическая типология до сих пор использует их потенциал не полностью.

Второй день конференции проходил в Институте перевода Библии. С пленарным докладом из США подключился **Роберт Карлсон** (Robert Carlson). В докладе «Whose Bible is this?» он затронул острую проблему современных переводов, которая заключается в том, что нередко переводчики не владеют исходными библейскими языками (древнегреческий, древнееврейский) и работают через переводы с языков-посредников (английский, французский и др.). На примере переводов на языки йала, торо-со и гикуйю он показал, как такой подход может исказить смысл. Осознавая, что перевод перевода является неудовлетворительным, в современной теории разработаны ряд практик для смягчения данной проблемы, хотя пока еще не полностью преодолены недостатки, вызванные неудовлетворительным уровнем лингвистической компетенции переводчиков. Р. Карлсон проблему видит в недостаточной адекватности теории значения и предлагает решение проблемы в более активном применении теории лингвистического значения, воплощенную в когнитивной грамматике.

На пленарном заседании заключительного дня выступил **Дан Шапира**, который приехал из Израиля с докладом «Общее и различное в переводах Библии на еврейские языки». На примере переводов на идиш, еврейско-тюркские и еврейско-персидские языки докладчик показал, как создается особый «квантовый» язык перевода, где слова получа-

ют не светское, а условно-сакральное значение, а грамматика оригинала насильственно переносится в язык перевода.

Секционные доклады были сгруппированы по разным ключевым вопросам перевода Библии (шесть секций) и по языковым группам (три группы). Тезисы докладов опубликованы на сайтах ИнЯз и ИПБ. Лингвистический журнал «Родной язык» готовится издать по материалам конференции монографическое приложение с докладами, которые относятся к языкам России и стран постсоветского пространства.

Секция «Исчезающие языки и Библия»

Т. Б. Агранат («Дорого яичко к Христову дню: Судьба Евангелия на сето») рассказала о драматичной судьбе Евангелия на языке сето. Первый перевод (1926) оказался невоспребованным из-за низкого уровня грамотности; второй (2013) — из-за устоявшейся традиции читать православные тексты по-русски. Перевод «опоздал» дважды.

В. И. Калинин поведал о роли Библии в сохранении балтийского цыганского диалекта. Перевод 2014 г. поднял престиж языка, появление молитв и свидетельств на цыганском усилило идентичность. Важным результатом проекта стало также создание онлайн-группы «Романы Сыкляды».

М. К. Раскладкина с своим докладом «Влияние религиозных конфессий на состояние коренных языков Аляски» познакомила слушателей с влиянием религиозных конфессий на коренные языки Аляски. В русский период (до 1867 г.) православные миссионеры создали письменность для алеутского, юпик, тлинкитского. После продажи Аляски и ассимиляторской политики США эти традиции были утрачены, хотя отдельные рукописи XX в. сохранились.

Секция «Теория и практика перевода Библии»

С. Н. Давидоглу («Трудности перевода драгоценных камней из Исх 28 (на примере языков народов России)») затронул сложности, связанные с переводом названий драгоценных камней из Исхода 28 на аварский, алтайский, бурятский и др. языки. Самым частым решением является

транслитерация названий с русского, реже — попытки создания неологизма по цвету или по сходству.

В докладе «Музыкальная терминология в прошлых, настоящих и будущих переводах Библии: Ретроспектива. Современность. Перспективы» **Е. И. Коляда** рассмотрела музыкальную терминологию в переводах Библии (струнные *киннор*, духовые *халил*). Она подчеркнула, что переводчики столетиями инструменты идентифицировали неверно. Современные археологические данные позволяют уточнить перевод, но проблема все же частично остается, так как для многих культур отсутствуют аналоги библейских музыкальных инструментов.

Г. А. Казаков представил доклад «Тенденции интерпретации трудных мест Евангелия в русских переводах Библии» на примере сравнительного анализа Мф 11:12 и Лк 16:16 в шести переводах. Он отмечает, что богословская интерпретация т.н. трудных мест и выбор языковых средств является главным фактором восприятия перевода обществом. Синодальный перевод и перевод Кассиана идентичны; центральноазиатский перевод и перевод МБО демонстрируют схожий подход; Библия в переводе Заокской академии занимает промежуточное положение, а современный перевод РБО предлагает новую трактовку.

Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцева в докладе «Существуют ли “красные линии” в переводе Библии?» рассуждают о границах переводческого интерпретирования сакрального текста. Критикуется излишняя прагматическая адаптация современных русских переводов (политкорректность, гендерное равенство, анахронизмы). Предлагается строже различать перевод и адаптацию.

Ф. Бранденбург (Philipp Brandenburg) свой доклад «Compulsory Exegesis in Translation: Psalm 110:7 in Thai» представил из Берлина. Он коснулся проблемы неизбежности интерпретации при переводе. Переводоведы часто концентрируются на проблеме «lost in translation», забывая о том, что иногда в переводе можно или необходимо получить именно то, что не было конкретизировано в исходном тексте, необходимо конкретизировать в переводе. В Пс 110:7

(анафорическая неоднозначность: кто «поднимет голову» — Бог или царь?) в большинстве языков двусмысленность сохраняется, но в тайском языке грамматика требует вставить подлежащее. Разные тайские переводы вставляют «царь» или «он», что предопределяет богословский вывод.

Секция «Библия как материал для лингвистических исследований»

П. Л. Коган и К. В. Кичигин сделали доклад о показателе -lla- в кечуа (южная Пастаса, Перу) по переводу Нового Завета («Операторы “прагматической альтернативы” в переводах Нового Завета на кечуа (на материале кечуа Южной Пастасы)». В этом переводе Библии обнаружены практически все выделяемые в литературе значения -lla-, кроме значения диминутива. В то же время, в переводах (как и в других текстах на идиоме Южной Пастасы) обнаруживается ряд примеров, которые позволяют говорить о новых значениях аффикса и помогают дополнить классификации.

Доклад «К пополнению списка экспериентивных контекстов в текстах Нового завета» **Ю. Н. Кузнецовой и А. Д. Подгорной** посвящен проблеме пополнения списка экспериентивных контекстов (значение «имело место хотя бы раз») по переводам Нового Завета на синитические языки (тайваньский, хакка, дунганский). Докладчики продемонстрировали, что китайский показатель *gui* покрывает значительно большую зону, чем специализированные средства в удмуртском или японском и предлагают пополнить список за счет контекстов, в которых более половины синитических языков демонстрируют целевое маркирование.

Т. А. Михайлова свой доклад посвятила («А кто скажет безумный...: к использованию евангельских переводов в реконструкции языковой картины мира») реконструкции языковой картины мира по переводам одного слова *μωρός* («безумный») в Евангелии. Анализ показал, что в разных языках акценты смещаются: от «глупого» до «юридического» (церк.-слав.) или «асоциального».

Д. Д. Мордашова и Ю. В. Сеницына представили доклад «Контексты с симулятивным значением в текстах Но-

вого Завета» о симулятивных конструкциях («сделал вид», «как будто») в Новом Завете на 7 языках (осетинский, татарский, удмуртский и др.). Показано, что показатель ирреального сравнения *цыма* в осетинском появляется именно в симулятивных контекстах, но не в стандартных эквативах.

Доклад «Религиозные тексты как источник информации об эволюции субъектной референции в древнепольском языке» **М. А. Наумовой** показывает, что в XV в. резко возрастает число «свободных» личных местоимений (с 7 % до 16 %) из-за утраты вспомогательного глагола в перфекте. Выясняется также, что книжные переводы консервативнее деловых текстов.

И. А. Хомченкова в своем докладе «Именное сочинение в горномарийском, удмуртском, мокшанском и мансийском языках (на материале переводов Евангелия от Марка)» рассмотрела сочинительные конструкции в переводах Нового Завета на финно-угорские языки (удмуртский, мансийский, горномарийский, мокша). Выявлено, что формальным критерием различения сочинения и подчинения служит порядок клауз (сочинение — фиксированный порядок следования событий).

Секция «Роль Библии в формировании литературных языков»

А. И. Лисицына («Диалектные и разговорные переводы Библии на современный валлийский язык: между традицией и модернизацией») представила анализ перевода книг Библии на валлийский язык с позиции их регистрального распределения и характерных черт соответствующих идиомов за последние 50 лет. Перевод У. Моргана еще в 1588 г. зафиксировал стандарт, но в конце XX в. появились «живые» переводы (Y Ffordd, beibl.net), ориентированные на возрождение языка, а не только на религиозную аудиторию.

Suzanna Vanyan «The Birth of the Classical Armenian Language in the Bible Translation» рассказала о переводе Библии на классический армянский язык (грабарь) как о «царице переводов». Перевод Библии Месропа Маштоца после изобретения алфавита (V в.) стал первым литературным па-

мятником и образцом точности. В 1666 г. вышла печатная «Воськанова Библия», закрепившая литературную норму (классического) армянского языка.

В докладе **И. И. Челышевой** («Библия вне Библии: типология библейских заимствований в романских языках Средневековья») рассмотрена типология библейских заимствований в средневековых романских текстах (XII–XIII вв.). Библия служила «строительным материалом»: от прямых цитат до псевдо-заимствований («так говорит Писание») и полукнижных форм (*siècle* < *saecula*).

Секция «Начало и продолжение традиции»

А. А. Кибрик в докладе «Upper Kuskokwim and Christianity» показал, как необходимость перевода христианских концептов повлияла на структуру и судьбу языка верхний кускоквим (атабаскская (или дене) группа, Аляска). Первые контакты русских с этим народом относятся к 1830-м гг. Они привели к их полному обращению в православие. Оказалось, что многие христианские понятия были выработаны при контакте с русским языком особым путем — новая лексика образовывалась из собственного лексического материала или путем переосмысления заимствований (*dinahwto* «Бог» букв. «наш отец»; *k'indole* «икона» от корня «подражать, имитировать»). Эти термины совпадают с соседним атабаскским языком, что говорит об их раннем происхождении.

Доклад **В. В. Шаповала** «Молитва Господня за четыре столетия изучения цыганского языка (1622–2025 гг.)» о первых переводах молитвы «Отче наш» на цыганский язык. Ранние тексты часто искажены (путаница с «нубийцами», фальсификации), но постепенно переводы становятся надежным лингвистическим материалом. Современные переводы опираются не на греческий оригинал, а на государственный язык страны проживания.

К. Т. Гадилia («Между Сциллой и Харибдой. О ветхозаветных собственных именах в грузинских переводах Библии. Принципы перевода или традиция?») на материале древнегрузинских и современных переводов Псалтири по-

казала, что расхождения в передаче библейских собственных имен (например, *Цоан* → в древнегруз. *ṭaneosi*, в совр. *coṭani*; *Тир* → *ṭviroši* vs *cori*) обусловлены не столько языковой эволюцией, сколько сменой базового текста: с греческой Септуагинты (через древнегрузинскую традицию) на древнееврейский масоретский текст в переводах 1989 г. и 2002 г. Автор предлагает добавить к трем классическим принципам передачи имен (транслитерация, традиционная форма, благозвучие) еще один принцип — принцип идентификации, т. е. сохранения узнаваемости.

Секция «Новые подходы к переводу Библии»

Доклад Е. С. Рябиной «Интеграция мультимедийных средств в театральные интерпретации библейских историй на удмуртском языке» был посвящен мультимедийным театральным постановкам библейских историй на удмуртском языке. Аудиоприложение (2024 г.) с 26 историями под музыку *крезь* используется для инсценировок. Театрализация снимает проблему заучивания текста и привлекает молодежь.

Bronwen Cleaver («A Discussion of Linguistic Issues in the Oral Translation of Psalm 132 from Hebrew to Altai in Southern Siberia») рассказала об особенностях устного перевода Псалма 132 на алтайский язык. В основу перевода в качестве языка-посредника были положены русские переводы, затем был создан песенный вариант. Вызвало трудности слово «елей» (в алтайской культуре масло – животного происхождения). Были опущены имена Ермон и Сион как нерелевантные.

Michael Friedrich свой доклад «AI and Bible Translation» посвятил оценке возможностей и границ использования искусственного интеллекта в процессе перевода Библии, особенно на миноритарные языки. Автор сразу заявляет ключевой тезис, что сам ИИ не способен перевести Библию из-за сложности задачи, необходимости специальных знаний (экзегетика, культурный контекст) и, главное, отсутствия больших объемов качественных языковых данных для подавляющего большинства языков мира. Однако ИИ

может быть эффективным ассистентом (co-pilot) на разных этапах переводческого проекта. В докладе рассмотрены четыре конкретных инструмента: Scripture Forge (SIL NLP), TBTA (All The Word Bible Translators), FLExTrans (SIL) и AQuA (SIL IDX AI). Доклад фиксирует важный сдвиг в переводческой парадигме — переход от вопроса «может ли ИИ заменить переводчика?» к прагматичному «как именно ИИ может помочь переводчику, не навредив качеству и не вытеснив носителя языка?».

Нельзя не отметить оригинальную по названию секцию «Заметки». **А. В. Андронов** («Заметки на полях библиографического указателя Борислава Араповича») представил анализ библиографии Б. Араповича – редчайшего указателя переводов Библии на языки народов России, СНГ и Балтии (существует в 20 экз.). Он призвал к коллективной работе по уточнению и оцифровке этих данных.

Джункова Катарина в докладе «Заметки православных миссионеров о переводах Библии на языки коренных народов Российской империи в XIX – начале XX вв.» представила материалы из истории миссионерской лингвистики — грамматик, словарей и букварей для 33 языков Российской империи.

В трех секциях были заслушаны доклады по группам языков (иранские, тюркские, восточнославянские).

Секция «Перевод Библии на иранские языки»

Д. К. Асратян рассмотрел первый осетинский перевод Четвероевангелия (1820–1823 г., И. Ялгузидзе) в докладе «В кабинете переводчика: исправления и маргиналии осетинского перевода Четвероевангелия из собрания Института Восточных рукописей РАН». По рукописям прослежена эволюция: от буквализма с грузинского к попыткам приблизиться к осетинской норме (исправления глагола *тæрсын* «бояться» на *аргъуыц кæнын* «благоговеть»). Зафиксирован анахронизм: *чырысдон* «христианин» для перевода «кроткий».

З. А. Битарти («Переводы библейских текстов и их приращение в лингвистических исследованиях (на примере переводов на осетинский язык)») проследила историю перево-

да духовной литературы на осетинский с XVIII в. по 2022 г., когда вышел полный текст Библии к 1100-летию крещения Алании. В докладе было подчеркнуто, что первые переводы фиксируют живые фонетические процессы (переход *ч > ш*, *дж > жс*).

Л. Р. Додыхудоева представила доклад «К вопросу о переводе Евангелий на миноритарные языки Памира (шугнанский, рушанский, ваханский, язгулямский)» о переводах Евангелия, выполненных в 1990–2000х гг. Переводы стимулировали создание письменности, пополнили корпуса и вызвали интерес к родному языку у сообщества.

М. Н. Исаакова затронула трудности перевода библейских фразеологизмов на осетинский («Концептуальные особенности перевода фразеологизмов в Ветхом Завете на осетинский язык»). Примеры: «глас вопиющего в пустыне» теряет образ пустыни; «козел отпущения» заменен на «барана», а «око за око» передано через конструкцию кровной мести, но с изменением грамматики.

А. Ц. Киракосян («Языковые особенности перевода Евангелия на персидский язык (XVII век)») представила арменографическую рукопись перевода Евангелия на персидский язык (1722 г.). Текст отражает языковые контакты армян и персов в Закавказье и содержит интересные фонетические и синтаксические особенности.

Т. К. Салбиев («Мотив «хлеба на(д)сущного»: историко-богословский аспект поэзии Коста Хетагурова») рассмотрел мотив «хлеба на(д)сущного» у Коста Хетагурова (стихотворение «Ныфс»). Поэт переосмысляет осетинскую земледельческую лексику (слово *хор* «зерно») в духовном ключе, строя диалог с отцом по модели молитвы «Отче наш». Это показывает, как Библия стала «мастерской» для создания осетинской литературы.

Д. И. Эдельман в своем докладе «Переводы Библии на памирские языки» поделилась своими наблюдениями о ценности переводов Библии на памирские языки для лингвистики. Переводы фиксируют редкую лексику (например, в рушанском и ваханском — слово для «запеленутого мла-

денца», отсутствовавшее в словарях) и способствуют сохранению языков.

Секция «Перевод Библии на тюркские и уральские языки»

Д. Ю. Баландин («Евангелие по Матфею на тверском диалекте карельского языка как синтез двух традиций перевода») доказывает, что карельский перевод Евангелия от Матфея (1820 г.) представляет собой уникальный синтез переводческих принципов: русской буквалистской традиции (кальки, заимствования) и западной адаптирующей (ориентация на понятность носителям).

Доклад **А. Л. Жансай** («Семантическая адаптация лексики обычного права в христианской терминологии якутского языка») посвящен тому, как в первых переводах катехизиса на якутский язык (1812–1819 гг.) происходило переосмысление традиционных правовых понятий для передачи христианских абстракций. Автор показывает, что переводчики сознательно или вынужденно использовали лексемы обычного права: *ыйаах* («закон, предопределение, судьба») стало обозначать одновременно «славу», «закон», «заповедь», «создавать»; *мунньах* («собрание, сходка») — «собор» и «соборный»; *илдьит* («вестник») — «пророк»; *уруу* («родня») — «ближний». В более поздних редакциях большинство таких семантических калек были заменены (например, «заповедь» стало *кэскил*, «слава» — *хайбал*), однако *ыйаах* и *мунньах* закрепились. Доклад иллюстрирует механизм вторичного использования этноспецифической лексики для формирования христианского дискурса и последующей корректировки в сторону унификации.

Н. Б. Кошкарева в докладе «Религиозная лексика в переводах Библии на хантыйский язык» рассмотрела способы передачи ключевых христианских понятий через лексику традиционного мировоззрения хантов. Автор анализирует переводы конца XIX в. и начала XXI в., включая собственный опыт перевода Евангелия от Марка на сургутский диалект. Основные наблюдения: *Нуми Торам* («верхнее небо / божество») перенесено из языческого пантеона. Для пере-

дачи «Святой Троицы» используются описательные обороты (сург. *Йэмат Йимән эйхә Вё лтә Вәнч* «самый святой вместе живущий лик»). Прилагательное *jetəŋ / jīməŋ* («святой, священный») имеет амбивалентные коннотации: от «священного дома» (церковь) до «запретного» (бранные слова), что создаёт трудности при переводе «Святого Духа» и «Священного Писания». Для «души» чаще используется *лал* («душа-дыхание»), но оно же используется для «бесов» (*атәм лал* «плохой дух»), что порождает семантическую неоднозначность. Доклад демонстрирует, как христианский текст вынужден вступать в диалог с дохристианской картиной мира, а переводчики ищут компромисс между точностью и избеганием нежелательных ассоциаций.

Доклад **М. Д. Люблинской** «Опыты перевода христианских текстов на ненецкий и энецкий языки» охватывает три столетия переводческой деятельности: от первой фиксации молитвы «Отче наш» в труде Н. Витзена (1692 г.) до современных аудиопереводов Института перевода Библии (1995, 2025). Автор приводит живые примеры грамматического калькирования и показывает, как в переводах сочетаются архаичные черты (сохранение категории двойственного числа в определённых формах) и новации (аналитический императив). Доклад важен как историография библейского перевода на самодийские языки и как свидетельство непрерывности миссионерской традиции.

Секция «Перевод Библии на восточнославянские языки»

А. В. Овчаренко, А. А. Андрейкин и Н. А. Андрейкина представили доклад «РЖЯ как язык поэзии: средства РЖЯ при переводе псалмов с древнееврейского». Русский жестовый язык (РЖЯ) рассматривается как молодой литературный язык с формирующейся поэтической традицией. Это первый шаг к описанию поэтики РЖЯ и выработке критериев различения поэзии и прозы на жестовом языке. Работа открывает перспективу перевода на РЖЯ не только библейских, но и светских поэтических текстов.

Доклад **А. А. Троицкого** «Категория двойственного числа в церковнославянском языке новейшего периода (на материале библейских и богослужебных текстов)» представляет собой диахроническое и жанровое исследование употребления форм двойственного числа (*dualis*) в церковнославянских текстах от древнейших списков (XI в.) до современных богослужебных изданий. Доклад демонстрирует, как живой язык утратил двойственное число еще в позднем Средневековье, а церковнославянский корпус консервирует его в библейских книгах, но постепенно вытесняет из новых гимнографических текстов. Это важный материал для понимания градуальной оппозиции в категории числа и ее стилистической маркированности.

В рамках конференции был проведен также **Круглый стол «Библейские переводы на германские языки: история и современность»** (руководитель Е. Б. Яковенко). Круглый стол открыл доклад **Н. Н. Гончаровой** «Притча о плеведах в современных симплифицированных переводах Библии на английский язык» о переводческих трансформациях в Мф 13:24–30, 36–43 в упрощенных английских версиях (BBE, PEV, EASY, MSG, TLB, WE) в сопоставлении с KJV (1769 г.). Были выявлены стратегии: грамматической трансформации, лексической замены, буквализмы. Докладчик пришел к выводу, что симплифицированные переводы успешно выполняют свою задачу — сделать содержание понятным целевой аудитории (включая коренных жителей Австралии для PEV), но ценой существенных лексических и грамматических потерь.

В докладе **А. В. Манькова** «Переводы фрагментов Библии на шведские диалекты Эстонии» в научный оборот вводятся уникальные переводы середины и второй половины XIX в., выполненные К. Руссвурмом и Х. Венделлем на шведские диалекты островов Рюне, Дагё, Урмсё, Нюккё, полуострова Старошведское (кроме диалекта Наргё). Переводы делались последовательно диалектными, без смешения со шведским литературным языком. Приведенные в докладе материалы ценны как источник по исторической грамма-

тике исчезающих шведских диалектов Эстонии и как пример ранней фиксации устной речи. Напр., сохранены формы перфекта, плюсквамперфекта и аналитического пассива (почти вышедшие из употребления в современном диалекте Старошведского).

3. Ю. Метлицкая в докладе «Переводы Библии на древнеанглийский язык (IX–XI века)» представила панораму древнеанглийских библейских переводов от глосс (подстрочник для монахов) до полноценных переводов при короле Альфреде и Эльфрике Грамматике. Она показала, как древнеанглийские переводчики балансировали между буквализмом и адаптацией к нуждам новой христианской аудитории.

Форум 2025 показал, что:

1. Перевод Библии остается мощным фактором сохранения и развития малых языков — от цыганского и карельского до жестовых языков.
2. Современные технологии (корпусная лингвистика, ИИ, мультимедиа, устный перевод) открывают новые возможности для анализа и создания переводов, но не снимают традиционных проблем (неоднозначность, культурные лакуны, переводческая интерпретация).
3. Проблема «трудных мест» и культурной адаптации остается центральной: буквализм сталкивается с требованием понятности, а прагматическая адаптация — с риском исказить сакральный смысл.
4. Библия как параллельный корпус доказала свою ценность для типологии, в том числе для грамматической типологии (экспериментив, симулятив, сочинение, анафора).

**От электронной письменности к цифровизации языков,
или о VII международной научно-практической
конференции «Цифровизация языков народов
России: масштабирование опыта и перспективы»**

Любовь Алексеевна Абукаева

*Марийский государственный университет,
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева
Йошкар-Ола, Россия
sylne@mail.ru*

**From electronic writing to the digitalization of languages:
On the 7th International Scientific and Practical Conference
dedicated to “The digitalization of the languages of the
peoples of Russia: Scaling up experience and prospects”**

Lyubov Alekseevna Abukaeva

*Mari State University
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History
sylne@mail.ru*

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-324-329

16–17 апреля 2026 года в рамках Года единства народов России в г. Йошкар-Оле на базе института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета состоялась VII международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспек-

тивы»¹. Целью конференции стало обсуждение актуальных вопросов цифровизации языков народов Российской Федерации как средства сохранения, трансляции и актуализации их культурного наследия.

Конференция имеет свою историю и традиции. Первая международная конференция была проведена в Йошкар-Оле в апреле 2011 г. и носила название «Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы». В марте 2017 г. конференция «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы» прошла в Сыктывкаре. В декабре 2019 г. лингвисты, программисты и языковые активисты встретились в Уфе, а в сентябре 2021 г. эстафету снова подхватил Сыктывкар. В феврале 2024 г. международная конференция «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, задачи, векторы развития» состоялась в Йошкар-Оле. С марта 2025 г. конференция расширила круг обсуждаемых вопросов, решаемых задач и приобрела направления, соответствующие названию «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы».

В 2026 г., так же как и в 2024 и в 2025 г., организатором конференции выступил Марийский государственный университет. Мероприятие проводилось при поддержке Федерального агентства по делам национальностей России, Правительства Республики Марий Эл, Ассоциации финно-угорских университетов, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени В. М. Васильева. Генеральным партнером конференции выступил ООО «Яндекс».

Участниками конференции стали исследователи, программисты, преподаватели, аспиранты и студенты, специалисты в сфере языковой политики из городов Бирск, Владивосток, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, Киров, Москва, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Саранск, Сыктывкар, Уфа, Чебоксары, Улан-Удэ, Ханты-Мансийск, Якутск; Алматы (Ка-

¹ Программа конференции размещена на сайте Марийского государственного университета: <https://maridigital.marsu.ru/>

захстан), Андижан (Узбекистан), Астана (Казахстан), Белград (Сербия), Бишкек (Кыргызстан), Тараз (Казахстан).

На открытии в первый день конференции с приветственным словом к организаторам, участникам и гостям конференции обратились руководитель Федерального агентства по делам национальностей И. В. Баринов; первый заместитель Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл, председатель Совета Общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия марийцев России», член Президиума Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, член Совета при Президенте России по межнациональным отношениям Л. Н. Яковлева; ректор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» М. Н. Швецов; заместитель министра образования и науки Республики Марий Эл В. Г. Гаврилова, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Н. И. Любимов.

На пленарном заседании с итогами мониторинга состояния и развития языков народов Российской Федерации в сфере информационных технологий ознакомил А. А. Рашковский, советник отдела планирования и реализации государственной национальной политики Управления государственной политики в сфере межнациональных отношений Федерального агентства по делам национальностей России.

С докладом «Цифровизация языков народов России: опыт Марийского государственного университета» выступили доктор педагогических наук, проректор по стратегическому развитию МарГУ В. И. Токтарова и заведующий лабораторией национальной цифровой лингвистики научно-исследовательского центра изучения уральских языков МарГУ А. В. Чемышев.

Коллектив исследователей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в составе кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника А. П. Родионовой, доктора филологических наук, директора И. П. Новак, кандидата филологических наук, научного сотрудника Н. А. Пеллинен, ведущего инженера,

исследователя Н. Б. Крижановской выступил с докладом «Новые инструменты и разделы корпуса ВепКар: к юбилею лингвистической платформы».

Доклад «Языки народов России в цифровом пространстве: некоторые наблюдения от команды Яндекса» представил кандидат политических наук, заместитель руководителя проекта «Языки народов России» Международной компании публичное акционерное общество «Яндекс» А. Н. Михеев.

По данным экспедиций 2024–2025 гг. доклад «Функционирование марийского языка за пределами Марий Эл» прочитала кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН М. В. Куцаева. Исследование проводилось в рамках реализации гранта РФФ.

Работа секций проходила по трем направлениям:

- 1) функционирование и развитие языков в условиях цифровых инноваций;
- 2) цифровизация языка и культуры: новые форматы и смыслы в мире искусственного интеллекта;
- 3) формирование цифровых компетенций и подготовка специалистов в новой цифровой реальности.

На площадке конференции был проведен круглый стол «Цифровой фольклор и искусственный интеллект: от архива к среде интерпретации» под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, литературы и журналистики историко-филологического факультета МарГУ Золотовой Т. А. и доктора филологических наук, заведующей отделом устного народного творчества ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан Хисамова О. Р.

В рамках конференции прошла встреча студентов и преподавателей университета с секретарем Союза журналистов России, директором Центрального дома журналиста, профессором Академии медиаиндустрии В. В. Умановским.

Еще на одной из площадок конференции на заседании Совета Ассоциации финно-угорских университетов Марийский государственный университет и Удмуртский государ-

ственный университет заключили соглашение о разработке и реализации сетевой образовательной программы. Такое взаимодействие вузов позволит студентам двух университетов осваивать уникальные методики преподавания родных языков с использованием цифровых технологий.

На второй день конференции был проведен научно-методический семинар «Цифровизация языков народов России: инновации в образовании и исследованиях» с участием руководителей образовательных учреждений, учителей родных языков.

На основе результатов фундаментальных и прикладных исследований, представленных на пленарных, секционных заседаниях, мастер-классах, круглых столах конференции, были предложены актуальные подходы, связанные с необходимостью усиления разработок в области внедрения цифровых технологий в исследовательскую практику, а также в сохранение и развитие языков и культур народов Российской Федерации.

Участниками конференции определены высоко значимые перспективные направления, модели развития, основные цели и задачи в области цифровизации языков и культур народов России.

Участники конференции отметили, что решение задач цифровизации языков и культур народов Российской Федерации способствует трансляции и актуализации их культурного наследия, служит залогом сохранения суверенитета страны. Взаимодействие государства и общественных организаций обеспечивает успешное решение важнейших социальных задач, в том числе и реализации проектов по цифровизации языков и культур народов России.

В резолюции конференции отмечается, что на современном этапе усилия исследователей, программистов, языковых активистов доведены до системной работы, имеются значительные достижения в сфере современных ИТ-разработок, создания и применения лингвистических ресурсов (языковых корпусов, электронных словарей, машинных переводчиков, анализаторов и синтезаторов речи).

С учетом высокой потребности и значимости особо отмечена необходимость поддерживать проведение фундаментальных и прикладных исследований, на основании которых могут быть разработаны рекомендации по масштабированию опыта цифровизации языков и культур народов Российской Федерации.

Участники конференции рекомендуют в регионах Российской Федерации продолжить практику разработок и внедрения долгосрочных целевых программ цифровизации родных языков.

Участники научного форума отмечают высокий уровень конференции и считают, что следует консолидировать усилия ученых, программистов, языковых активистов, государственных, общественных и коммерческих организаций по разработке и продвижению цифровых технологий в сфере сохранения и развития культур и языков народов России.

Научно-просветительское мероприятие Института языкознания РАН «На языках России»

Вячеслав Валерьевич Иванов

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
vvivanov@iling-ran.ru*

Елена Михайловна Будянская

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
budyanskaya.lena@iling-ran.ru*

Institute of Linguistics RAS Event “Voices of the Languages of Russia”

Viacheslav Valerievich Ivanov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
vvivanov@iling-ran.ru*

Elena Mikhailovna Budyanskaya

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
budyanskaya.lena@iling-ran.ru*

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-330-334

30 апреля 2026 года Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН провел первое научно-просветительское онлайн-мероприятие «На языках России», приуроченное ко Дню коренных малочисленных народов Российской Феде-

Родной язык 1, 2026

рации. На мероприятии исследователи Института языкознания РАН представили фрагменты экспедиционных и архивных записей, на которых носители нануканского, нанайского, хамниганского, тоджинского тувинского, митагиджалганского и ительменского языков рассказывали о своей культуре, истории и быте на своих языках. Отдельный блок мероприятия был посвящен кинопроектам на языках России, о некоторых из которых рассказали сами режиссеры от первого лица. Видеозапись данного мероприятия доступна на сайте Института (https://iling-ran.ru/web/ru/news/300426_nayazykah_video).

Первый рассказ, на нанайском языке, «Най ундй: Кйлэр-сэл агбиңкичи» ('Люди говорят, так появились у нас эвенки') представил Василий Харитонов, научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Эта запись была обнаружена Мариной Андусовой Одзял в архивах Николая Батуновича Киле во Владивостоке среди множества записанных им других аудиозаписей, а затем передана в Институт лингвистических исследований РАН для оцифровки. При участии Татьяны Александровны Моложавой, носительницы нанайского языка, этот рассказ был расшифрован и переведен на русский язык. На записи неизвестный носитель нанайского языка рассказывает о том, как и откуда пришли эвенки в Нанайский район Хабаровского края и как стали частью нанайского народа, образовав отдельный род. После демонстрации данной записи Василий Сергеевич кратко прокомментировал некоторые лингвистические особенности речи носителя.

Следующий рассказ, на хамниганском языке, «Үмбөөминн тыгэжи кэлэгчисэн» ('Так говорила моя бабушка') был представлен Вячеславом Ивановым, младшим научным сотрудником Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Этот рассказ был записан им совместно с Аржааной Сюрюн в с. Тарбальджей Кыринского района Забайкальского края летом 2023 года. На видео Светлана (Чимидханда) Шагдаровна Шестакова, носительница хамниганского язы-

ка, рассказывает про свою бабушку Цыден-Еши Цыбикову-Содбоеву (1896 г. р.) и ее наказы о бережном отношении к природе, уважении к людям, взаимопомощи, а также про ее представления о буддизме и традиционной медицине.

Третий рассказ, на науканском языке, «Пинитупик ита-кылгит» ('Очень хорошо жили') представила Елена Будянская, младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. В нем Елизавета Алихановна Добриева (Қылығағ), старейшина науканских эскимосов, знаток языка и культуры, рассказывает на своем языке о прошлом ныне не существующего эскимосского поселка Наукан, располагавшегося в районе мыса Дежнёва. Елизавета Алихановна отмечает, что науканские эскимосы жили в тесном контакте не только с чукчами Чукотки, но и с эскимосами островов Берингова пролива и Аляски, а сам Наукан был очень удачным местом для морского промысла, и в голодные годы люди из других поселений могли приезжать к науканцам за мясом.

Далее Аржаана Сюрюн, старший научный сотрудник и руководитель Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН, представила серию записанных ею рассказов «Тайга улузу биле хем улузу» ('Таежные люди и речные люди'), которые прозвучали на тоджинском диалекте тувинского языка. На видео носительницы данного диалекта вспоминают об интересных случаях, происходивших во время создания колхоза в Тодже. В архивной записи 2011 г. Кузенек Хоятовна Ак (1921 г. р.) повествует о том, как впервые встретила коров. Похожим воспоминанием об этих необычных животных поделилась с Аржааной Сюрюн в 2023 г. и Александра Чамбаловна Бараан (1939 г. р.). В третьем фрагменте Урана Очуровна Оюн (1960 г. р.) рассказала о расселении таежных и речных тоджинцев в селе Адыр-Кежиг. После демонстрации записей Аржаана Александровна обратила внимание зрителей на некоторые фонетические и морфологические особенности речи тувинцев-тоджинцев.

Четвертый рассказ «Ихтилото бе зуһу эн Чағлу» ('Рассказы на языке селения Джалган') был представлен и про-

комментирован Марией Эмилией Винклер, младшим научным сотрудником Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН, которая занимается документацией митаги-джалганского (татского) языка. На двух ее записях Амир Агарагимов и Фаризат Агарагимова, носители джалганского диалекта, рассказывают о с. Джалган. В первом видео Амир Агарагимов представляет легенду об истории своего рода. Во втором видео Фаризат Агарагимова комментирует процесс приготовления гугалов (традиционных лепешек) в тандыре.

Блок экспедиционных записей завершился рассказом Ольги Казакевич об ительменах, их языке, а также таком фольклорном жанре, как ительменские хóдилы. Хóдилы — это личные песни ительменов, название этого жанра происходит от русского глагола *ходить*. Ольга Анатольевна также рассказала о последней носительнице ительменского языка Людмиле Егоровне Правдошиной, а также о Ларисе Елисеевне Волковой, новой говорящей, в настоящее время являющейся сотрудником Тигильского районного этнографического музея. В исполнении Ларисы Елисеевны Ольга Анатольевна записала несколько ходил, которые представила зрителям с комментариями и переводом на русский язык.

Следующий блок научно-просветительского мероприятия был посвящен кинопроектам на языках России. В первом выступлении Дарья Жорник, научный сотрудник Сектора типологии Института языкознания РАН, рассказала о том, как проходила тренировка мансийского произношения с актерами фильма «Сердце Пармы» (режиссер Антон Мегердичев), играющими манси. Дарья Олеговна непосредственно участвовала в этом процессе и отметила, что актеры сделали большие успехи и прекрасно отыграли свои реплики на мансийском.

Второе выступление было посвящено документальному фильму «Удха бэдэржэ» ('В поисках смысла'), который представила режиссер Александра Цыденжапова, победитель международного кинофестиваля «Лучезарный ангел — 2017» в номинации «Лучший дебют», ученица В. В. Мень-

шова. Этот фильм рассказывает о ламах из этнической Бурятии, которые уезжают получать высшее буддийское образование далеко от родины в Индии. В фильме представлены размышления ламы о смысле жизни на бурятском языке; на момент съемок он уже отдал 17 лет учебе и служению. Проект планируется завершить и представить зрителю в течение этого года.

В следующем выступлении участники мероприятия смогли посмотреть отрывок из документального фильма «Гора языков», режиссером которого является Родион Исмаилов, продюсер кинокомпании «Самур Синема». Родион Шамилович рассказал о том, как создавалось это масштабное киноповествование о Дагестане, его многовековых традициях, культурном многообразии и неповторимой красоте горного края. В фильме звучит речь на 32 языках Дагестана, что делает его во всех отношениях уникальным, в том числе и с точки зрения лингвистики и документации языков Дагестана.

Завершил мероприятие рассказ Ольги Павловой о том, как языки Чукотки представлены в кино. Большой вклад в это вносит Алексей Юрьевич Вахрушев, кинорежиссер, визуальный антрополог, лауреат премии «Ника», российских и международных фестивалей, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. На мероприятии были представлены фрагменты фильма «Книга моря», где на чукотском и науканском языках рассказывается легенда о женщине, родившей китенка. Также Ольга Михайловна представила новый проект Алексея Юрьевича «Хозяин земли», в котором языки Чукотки будут звучать уже не только за кадром, но и в речи героев фильма.

В ходе мероприятия «На языках России» после каждого представленного рассказа и проекта разворачивалась интересная дискуссия. Участники оставили много положительных отзывов о формате мероприятия и высказали пожелания, чтобы оно проводилось ежегодно и стало площадкой, где представители разных народов могли бы рассказать о своей культуре и истории на своем языке для широкой аудитории.

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 2026
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 17.64
Бумага офсетная. Гарнитура «Noto»
Тираж 70 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»
170006 Тверь, Бежковский переулок, 46
т. (8482) 235-32-13